

КИРА ЛАССО

ИГРА
НЕ ПО ПРАВИЛАМ

18+

Кира Лассо

Игра не по правилам

<https://litres.ru/74321318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Кравцова - гениальный хирург. В двадцать девять лет у неё есть всё: безупречная репутация, уважение коллег и идеальный жених - главврач клиники Константин Звонков. Мира верила в его любовь и закрывала глаза на постоянные ночные задержки... пока фасад её безупречной жизни не рухнул прямо у всех на глазах.

В операционную привозят неизвестного мужчину с тяжелым огнестрельным ранением. Спасая его жизнь, Мира не подозревала, это Олег Вересов, исчезнувший алмазный магнат, на которого совершено дерзкое покушение.

Константин цинично плетет интриги и использует имя Миры ради продвижения, за его спиной начинается совсем другая игра. Вересов привык просчитывать каждый ход, но даже он не предвидел, что женщина, спасшая ему жизнь, заставит его сердце биться не от опасности, а от неукротимого притяжения.

Когда предательство ранит сильнее пули, а привычные правила больше не работают - остается только одно: принять вызов и начать играть не по правилам.

Содержание

Глава 1. Борьба за жизнь	6
Глава 2. Притяжение и скрытые фигуры	10
Глава 3. Разбитый фасад	13
Глава 4. Убежище в тишине	17
Глава 5. Неожиданное предложение	22
Глава 6. Пламя страсти и грязная игра	28
Глава 7. Вспышка в ночи	33
Глава 8. Возвращение короля и удар в спину	39
Глава 9. Ледяной прием	45
Глава 10. Пепелище	50
Глава 11. Отсчет времени	56
Глава 12. Переговоры и побег влюбленных	61
Глава 13. Лазурный берег и тайные страхи	68
Глава 14. Бомба из прошлого	76
Глава 15. Тихий яд и продуманный шаг	82
Глава 16. Сети лжи и тень заговора	87
Глава 17. Процессуальное удушье и слепая ярость	93
Глава 18. Подлог и предательство крови	97
Глава 19. Бегство в работу и внезапная тьма	102
Глава 20. Пульс новой жизни	108
Глава 21. Петля удушья	112
Глава 22. Триумф греха и закон	116

Глава 23. Иллюзия счастья	121
Глава 24. Сладкая ловушка на развалинах надежд	126
Глава 25. Пир во время чумы	131
Глава 26. Верность и вызов на эшафот	137
Глава 27. Приговор	142
Глава 28. Золотая клетка	150
Глава 29. Право хозяина	155
Глава 30. Подавление и сломанная воля	160
Глава 31. Да наступит пропасть	164
Глава 32. Трещина в империи	171
Глава 33. Все пропало, друг	175
Глава 34. Крысы бегут с корабля	180
Глава 35. Петля на шее	184
Глава 36. Полный разгром и триумф из тени	189
Глава 37. Крах заточения и глоток свободы	194
Глава 38. Новый путь	198
Глава 39. Триумфальное возвращение и раскаяние	204
Глава 40. Разбитое зеркало правды	209
Глава 41. Вспышка	216
Глава 42. Тайны сердца и ночной виски	224
Глава 43. Магия холста	231
Глава 44. Ловушки соблазна и барьеры чувств	236
Глава 45. Уроки прошлого и новый союз	243
Глава 46. Новые горизонты и капкан для	248

миллионера

Глава 47. Волшебный полет и разбитые сердца	255
Глава 48. Похмелье и ключ к тайне	262
Глава 49. Все тайное и тонкая интрига	268
Глава 50. Огонь страсти и трещина в граните	274
Глава 51. Утро семейного счастья и тонкие нити	280
Глава 52. Баварский покой и искушение	285
Глава 53. Семейное благословление и мужской разговор	290
Глава 54. Предложение в Альпах и пожар в кабинете	296
Глава 55. Горное солнце и правила любовников	300
Глава 56. Свадебный переполох и разговор начистоту	304
Глава 57. Москвы в будущее и голос сестры	310
Глава 58. Ошибка в ночи	315
Глава 59. Итальянский бриз и призраки прошлого	320
Конец ознакомительного фрагмента.	329

Кира Лассо

Игра не по правилам

Глава 1. Борьба за жизнь

Двери приемного отделения вылетели с грохотом. Неоновые лампы коридора отразились в луже крови, растекающейся по каталке.

- Проникающее огнестрельное в грудную клетку! Обильное внутреннее кровотечение! Пульс нитевидный, давление 60 на 40! - кричал фельдшер скорой, на бегу удерживая капельницу.

Мира Кравцова сбросила медицинский халат прямо у стойки и на ходу затягивала хирургический костюм. В двадцать девять лет она уже привыкла, что смерть в этой больнице не умеет стучать в дверь. Но когда она взглянула на лицо мужчины на каталке, сердце на секунду пропустило удар.

Мужчина был без сознания. Строгие черты лица, волевой подбородок в тёмной щетине, дорогой тканью налипшая на рану окровавленная рубашка. Документов при нем не нашли. Ни имени, ни статуса.

- Где Звонков? - быстро спросила Мира, прикладывая фонендоскоп к груди неизвестного.

- Главврач в ординаторской... у него «срочное совещание»

с новой медсестрой из кардиохирургии, - понизила голос медсестра Катя, виновато отведя взгляд.

Мира поджала губы. Она не засомневалась ни на секунду. Костя был её женихом - идеальным, заботливым 34-летним главврачом, за которого мечтала выйти половина женского персонала. Она верила ему безоговорочно, списывая его постоянные задержки на тяжелый груз руководства.

- Везите в первую операционную! Живо! - скомандовала Мира. - Ждать никого не будем. Он уйдет через пять минут.

Операция длилась четыре часа. Пуля прошла в нескольких миллиметрах от аорты. Руки Миры действовали с хирургической точностью - четко, холодно, без единого лишнего движения. В этой больнице её называли «золотым скальпелем», и сегодня она в очередной раз оправдала это прозвище.

Когда последний шов был наложен, а монитор стабилизировался ровным пискom, Мира устало сорвала маску. В операционную вальяжно вошел Константин. От него пахло дорогой туалетной водой и едва уловимым сладким парфюмом, который Мира никогда не носила.

- Мира, дорогая, ты снова берешь на себя слишком много, - Константин подошел сзади и обнял ее за талию, поцеловав в шею. - Кто этот неопознанный? Зачем ты рискнула репутацией клиники, спасая человека без страховки и документов?

- Потому что он умирал, Костя, - тихо ответила Мира, мягко отстраняясь. - Я врач.

- Ты моя невеста и лучший хирург этой больницы. Скоро у нас ужин с инвесторами, не забудь, - улыбнулся Константин, поправляя идеально уложенные волосы. - И переведи его в отдельную палату интенсивной терапии, когда очнется. Не стоит держать бесхозных пациентов на виду.

Спустя три дня мужчина пришел в себя.

Мира вошла в палату с картой пациента. Мужчина сидел на кровати. Несмотря на бледность и больничную пижаму, в его фигуре и взгляде темных глаз ощущалась такая давящая, неоспоримая власть, что Мира невольно остановилась у дверей.

- Как вы себя чувствуете? - профессионально спросила она, подменяя капельницу.

- Вы спасли мне жизнь, - его голос был низким, глубоким и с легкой хрипотцой. Он не сводил с неё прямого, гипнотизирующего взгляда. - Полиция уже была?

- Я не подпустила их. Вы слишком слабы. Как ваше имя? Нам нужно оформить документы.

Мужчина на секунду замолчал. В его глазах промелькнула холодная, опасная мысль. На самом деле его звали Олег Вересов. Миллиардер, алмазный магнат, человек, чье состояние исчислялось миллиардами долларов, а на жизнь которого охотились лучшие киллеры континента. Покушение организовал кто-то из близкого окружения.

Показать свое настоящее имя сейчас - значит поставить

эту девушку-хирурга под удар и выдать себя врагам.

- Виктор, - спокойно соврал он, смотря ей прямо в глаза.

- Виктор Смоляков. Простой консультант по логистике.

- Что ж, Виктор... - Мира склонилась над ним, чтобы проверить пульс. - Вы пробыли на том свете почти десять минут. Теперь вы мой пациент, и я не позволю вам туда вернуться.

Олег почувствовал легкий аромат её духов и прикосновение тонких, прохладных пальцев к своему запястью. Этот человек, привыкший покупать весь мир и никому не верить, впервые за много лет ощутил, как его сердце забилось чаще не от опасности, а от взгляда этой женщины.

В этот момент дверь палаты без стука распахнулась. На пороге стоял Константин с недовольным лицом.

- Мира, почему ты сидишь здесь? Поступил VIP-пациент с приступом, живо ко мне в кабинет! - отрезал Константин, даже не взглянув на «Виктора».

Олег Вересов медленно перевел взгляд на главврача. Опыт и звериное чутьё миллиардера мгновенно уловили всё: фальшь в голосе этого мужчины, заносчивость и... свежий след женской помады на внутренней стороне его воротника, который Мира в своей слепой доверенности просто не замечала.

Олег едва заметно усмехнулся. Игра началась.

Глава 2. Притяжение и скрытые фигуры

Глава 2. Притяжение и скрытые фигуры
Прошло две недели. Две недели, за которые привычный рабочий график Миры незаметно изменился.

Каждое утро теперь начиналось одинаково - с планового осмотра палаты номер четыре. Пациент, поправлялся быстрыми темпами. Он никогда не жаловался на боль и не требовал к себе повышенного внимания, но его присутствие заполняло всю палату. Он был проявлял знаки симпатии к Мире - чашка её любимого эспresso без сахара, переданная через медсестру, умение интересно поддерживать разговор после тяжелой операции - заставляли девушку ловить себя на мысли, что она ждет встречи с ним.

Рядом с «Виктором» она ощущала уверенность. Уверенность в “завтра”. Но каждый раз, глядя на обручальное кольцо, Мира прогоняла от себя подобные мысли. Костя был её женихом, и они шли к этой свадьбе последние три года.

Пока Мира аккуратно меняла повязку, Олег молча наблюдал за её сдержанными, точными движениями и едва заметными следами усталости под глазами.

- Вы снова провели ночь в операционной, Мира? - тихо

спросил он.

- К сожалению - да. Это вторая экстренная за смену, - ответила Мира, фиксируя пластырь на его груди. - В хирургии не бывает удобного расписания. Все нужно держать под личным контролем, от этого зависит чья-то жизнь.

- Это же главврач составляет расписание? Не слишком ли много на вас возложили? - заметил Олег, не отводя от нее глаз.

- У Звонкова много задач и ответственности перед министерством и инвесторами клиники, - возразила Мира, сделав шаг назад и возвращаясь к профессиональной дистанции. - Мы поддерживаем друг друга. Завтра как раз состоится важный благотворительный прием с инвесторами клиники.

Олег ничего не ответил. Он помнил, как несколько дней назад видел из окна своей палаты, как Константин уезжал из больницы с одной из медсестер. Но вмешиваться в чужую личную жизнь не входило в его планы.

Глубокой ночью, когда коридоры отделения опустели, Олег достал телефон, переданный ему через курьера под видом упаковки медикаментов.

Набрав номер, он дождался ответа.

- Я Вас слушаю, господин Вересов, - раздался сдержанный голос его начальника службы безопасности, Игоря.

- Говори, - коротко отрезал Олег, вглядываясь в ночные огни за окном.

- По покушению в Антверпене: утечка произошла из совета директоров «Veresov Diamonds». Кто-то передал график вашего закрытого визита на ювелирный завод. Торги по акциям холдинга приостановлены, официально вас считают пропавшим без вести. Ваша сестра держит совет под контролем, но долго сдерживать совладельцев не удастся.

- Кто именно из совета проявляет наибольшую активность? - холодно спросил Олег.

- Мартин и швейцарские партнеры. Они настаивают на передаче управления специальной комиссии, если вы не появитесь на публике в течение недели.

- Передайте Ирине, чтобы не делала резких движений. Я вернусь в штаб-квартиру через три дня, - распорядился Вересов. - И подготовьте полную аналитику по городскому здравоохранению и руководству этой клиники. Главврач Звонков пытается выйти на наших региональных представителей для получения грантов.

- Понял вас. Всё будет готово к вашей выписке.

Олег отключил телефон и вынул сим-карту. Покушение было спланировано профессионально, и возвращение в бизнес требовало аккуратности и точности. Он вернулся к кровати, на секунду задержав взгляд на врачебной карте с подписью Миры. Ему нужно было восстановить контроль над алмазной империей, и лишние эмоции сейчас были ни к чему.

Глава 3. Разбитый фасад

Зеркальный зал отеля «Grand Imperial» сиял хрусталем и позолотой. На ежегодный благотворительный вечер клиники собрался весь цвет городской элиты: чиновники министерства здравоохранения, крупные меценаты и пресса.

Мира выглядела настоящей красоткой. На ней было элегантно вечернее платье глубокого синего цвета. Появление ведущего хирурга клиники вызвало оживление среди гостей. Инвесторы и коллеги подходили один за другим, выражая восхищение её профессионализмом.

— Доктор Кравцова, ваш прошлый доклад по кардиохирургии - это настоящий прорыв! — восхищался пожилой профессор Вальцев. — Клинике Звонкова невероятно повезло с таким специалистом. Вы - её главное достояние. И конечно же - украшение!

— Ой, ну что вы... Вы смущаете меня! Благодарю вас, профессор, - скромно улыбнулась Мира, принимая бокал шампанского — Выдающиеся результаты - это заслуги моих коллег, которые ассистируют на операциях. Без них любой врач как без рук.

Константин, важно стоявший рядом в черном смокинге, собственнически обнимал её за талию, сияя от гордости перед объективами камер и мысленно считая заработанные деньги с этого вечера. Он как обычно купался в лучах её сла-

вы, сводя любой разговор на себя, свою клинику и будущие гранты.

Перед началом официальной части и своего ключевого выступления Мира направилась в дамскую комнату, чтобы поправить макияж и освежиться. Вернувшись в зал через десять минут, она не обнаружила Константина там, где они расстались. Ей хотелось прогнать основные тезисы доклада вместе с ним последний раз перед выходом на сцену.

— Да куда же он подевался.. в такой момент - чертыхнулась она...

Осмотрев оживленный зал и не найдя жениха среди гостей, Мира решила, что он отлучился по важным делам в служебные помещения и отправилась на его поиски.

Проходя по коридору, Мира заметила, что дверь одной из комнат отдыха слегка приоткрыта. Изнутри доносился сдавленный женский вздох и откровенный, ритмичный шорох одежды. Было понятно, что там происходило.

Мира замерла. Подошла ближе, надеясь, что ошиблась, но через узкую щель увидела картину, которая заставила сердце остановиться.

На кожаном диване, прижатая спиной к мягкой отделке, сидела Кристина - двадцатидвухлетняя дочь председателя попечительского совета и главного инвестора клиники. Её вечернее шелковое платье было задрано до бедер, а кружевное белье сброшено на пол. Напротив неё, прямо на ко-

лениях, находился Константин. Его смокинг был расстегнут, галстук-бабочка съехал набок, а пальцы жадно и откровенно сжимали её обнажённую грудь.

— Костик, а если твоя идеальная Мира заглянет сюда? - тяжело дыша, пронежилась девушка, обвивая ногами его талию и запрокидывая голову с безумным стоном.

— И что? Думаешь присоединится к нам? Хахх.. Пусть хоть засмотрится, - прорычал Константин, возобновляя резкие, беспорядочные движения и впиваясь зубами в её шею. — Она думает только о скальпелях. Я же мужик. С этой монашкой такая скука в постели. Свадьба - просто формальность ради денег и репутации. А ты... ты сводишь меня с ума. Я хочу тебя всю, без остатка.

Девушка громко, бесстыдно застонала, сжимая его волосы, пока Константин продолжал с грубой страстью двигаться внутри неё, шепча пошлые комплименты.

Мира сделала шаг назад. Три года доверия, общие планы, вера в искренность его чувств и застенчивых признаний - всё превратилось в грязный прах за одну секунду.

Через десять минут в главном зале зазвучали аплодисменты. Ведущий объявил выходящую на сцену Миру Кравцову для приветственной речи и презентации нового медицинского проекта.

Мира поднялась на трибуну. Зал встретил её громкими овациями. В первом ряду стоял Костик, успевший уже по-

править и смокинг, и прическу, и даже уже сиял самодовольной улыбкой. Вот подлец!

Мира взяла микрофон. Руки дрожали. В глазах стояла пелена. Она начала говорить про медицинские достижения, новые методы спасения жизней, врачебный долг и верность профессии. Но с каждым произнесенным словом ком в горле сжимался сильнее.

— Настоящая медицина... она строится на честности и полном доверии, - произнесла Мира, и её голос неожиданно сорвался.

Она взглянула прямо в глаза жениху. Тот замешкался, не понимая причины её паузы. В этот момент профессионализм полетел в трубу. Горячие слёзы против её воли полились из глаз, застывая свет огней.

Не в силах вымолвить больше ни слова, Мира бросила микрофон на трибуну, развернулась и быстро выбежала со сцены под шепот собравшейся элиты и вспышки фотокамер.

Глава 4. Убежище в тишине

Конференц-зал гудел от шока, когда Мира сбежала со сцены. Константин выскочил за ней на проливной дождь, схватив за запястье у самого подъезда.

— Мира, ты с ума сошла?! Что за истерику ты устроила перед инвесторами и прессой?! — прошипел он, пытаясь заткнуть её обратно под крышу.

Мира выдернула руку с такой ненавистью в глазах, что Константин невольно отступил. Она не вымолвила ни слова, не дала никаких объяснений. Просто развернулась, поймала первое попавшееся такси и исчезла в ночном городе.

— И что мне теперь делать? - вымолвил Звонков в пустоту, ведь ответа на этот вопрос получить не от кого.

Через час, промокшая насквозь и дрожащая от внутреннего холода, Мира шла по темным коридорам родной клиники. Ей некуда было идти. Дома всё напоминало о Костике, о их совместной жизни....

Единственным местом, где она сегодня чувствовала себя в безопасности, оказалась палата номер четыре.

Мира вошла. Виктор не спал. Увидев её в насквозь мокром вечернем платье, с размазанной тушью и дрожащими губами, он не стал задавать вопросов. Он просто молча поднялся, подошел и прижал её к себе. Затем укутал пледом,

лежавшим на краю кровати.

Мира уткнулась лицом в его грудь и редела навзрыд. Она ничего не рассказывала - слова казались ей слишком грязными, чтобы произносить их. А Виктор просто обнимал её, поглаживая по волосам и баюкая в тишине. Спустя час рыдания утихли, и Мира, уставшая и измотанная, заснула прямо на его плече.

Утро началось с громкого скандала в прессе. Журналы и соцсети вышли с кричащими заголовками: «Скандал в Grand Imperial: хирург Мира Кравцова сбежала со сцены в слезах!», «Что скрывает главврач Звонков?». Клиника гудела, как потревоженный улей, полнясь сплетнями и догадками.

Мира проснулась первой. Виктор ещё спал. Вглядываясь в его мужественные черты, Мира почувствовала жгучий стыд за то, что пришла ночью плакать на плече у пациента... всего лишь пациента, но одновременно столь бесконечно близкого человека. Он принял её боль. Он не спросил ни слова. Не осудил. Он просто разделил ее боль и отчаянье.

Решение созрело мгновенно. Она не сможет работать здесь. Не сможет видеть лицо Константина. Мира тихо поднялась, напечатала заявление об увольнении по собственному желанию, оставила его на столе в кабинете кадров и, не прощаясь ни с кем, покинула больницу, намереваясь исчезнуть.

Олег Вересов проснулся ближе к десяти утра. Ему нужно было срочно завершить дела перед выпиской. Понимая, что его раскрытие сейчас смертельно опасно для бизнеса, он через адъютанта вызвал к себе в палату главврача Звонкова и доктора Кравцову, чтобы официально предупредить их о конфиденциальности его пребывания под чужим именем.

Константин вошел в палату нервный, с темными кругами под глазами от ночного скальпеля прессы.

— Где Мира? — строго спросил Олег, поднявшись с кровати и смерив главврача тяжелым взглядом.

— Я... я сам её ищу! — растерянно ответил Константин. — Её нет ни в ординаторской, ни дома! Телефон недоступен! Кадры только что сообщили, что она написала заявление и забрала вещи! Она просто испарилась!

Олег замер. В его темных глазах вспыхнул опасный огонь. Однако, быстро вернув себе собранность, он посмотрел прямо в глуповатое лицо Звонкова.

— Что ж, раз доктора Кравцовой нет, слушай меня внимательно, Константин, — голос «простого логиста» неожиданно приобрёл давящую, мощную силу, от которой у главврача по спине пробежали мурашки.

— Моё настоящее имя - Олег Вересов. Глава холдинга «Veresov Diamonds».

Константин едва не поперхнулся воздухом. Его глаза округлились, а лицо моментально побледнело. Перед ним стоял один из самых богатых и влиятельных людей - чело-

век, к чьим представителям Звонков годами безуспешно пытался подобраться ради простого разговора, не говоря уж о деньгах.

— Господин Вересов?! — заикаясь и услужливо согнувшись в угодливом, почтительном поклоне, выдохнул Константин. — Боже мой... Какая честь для нашей клиники! Если бы я только знал, кто лежит в этой палате! Мы бы предоставили лучших профессоров, отдельное крыло, любой уход!..

— Избавь меня от этой фальши, — с презрительной полуулыбкой отрезал Олег. — Слушай условия. На меня было совершено покушение. Моё нахождение в вашей больнице должно остаться в секрете. Если хоть одна строчка или хотя бы намек просочится в прессу или к твоим инвесторам — твою клинику сравняют с землей, а ты лично лишишься лицензии и отправишься под суд. Выписка оформляется прямо сейчас, без бумажной волокиты.

— Да-да, конечно! Всё сделаем в лучшем виде, господин Вересов! Полная конфиденциальность, я лично уничтожу всю информацию о вашем пребывании! — суетливо залезбзил Звонков, едва не стелясь перед миллиардером и забыв обо всем на свете от открывшихся перспектив. — А как же гранты? Может, мы сможем обсудить сотрудничество?..

— Выписку, Звонков. Живо. — обрубил Олег, отвернувшись к окну и доставая телефон.

Как только главврач, заискивающе кивая, выскочил из па-

латы, Олег набрал номер начальника своей службы безопасности.

— Игорь, задействуй все каналы и группы слежения. Подними городские камеры. Мне нужно знать, где Мира Кравцова. Найти её немедленно.

Глава 5. Неожиданное предложение

Скромная съемная однокомнатная квартира на самом краю города встретила Миру пугающей тишиной. Завесив окна шторами блэкаут, она выключила телефон, сбросила туфли и опустилась на диван. В голове беспорядочно крутились воспоминания о прошлых годах: общие планы, подготовка к свадьбе, вера в человека, которому она доверила свое сердце. Всё потеряно за один вечер. Мира обняла колени руками, чувствуя, как поглощающая пустота внутри медленно забирает последние силы.

Прошло четыре часа. Во дворе тихой пятиэтажки раздался низкий гул моторов, и у самого подъезда остановились три черных седана. Из машин бесшумно вышли крепкие мужчины в строгих костюмах, мгновенно взяв под контроль весь периметр. Выделяясь среди них особой осанкой и небрежной элегантностью, один из них поднялся на третий этаж. В дверь квартиры раздался отчетливый, спокойный, но не допускающий игнорирования стук.

Мира вздрогнула. Вздрогнув от мысли, что её мог отследить Константин, она медленно подошла к двери и осторожно посмотрела в глазок, а затем приоткрыла её, удерживая на цепочке.

На пороге стоял... Виктор. Но это был уже абсолютно другой человек. В нем не осталось ни капли от пациента из палаты номер четыре. Вместо больничной пижамы на нем сидел дорогой костюм-тройка из темной шерсти, подчеркивающий широкие плечи и сильную фигуру.

В расправленных плечах, твердом взгляде темных глаз и властном развороте головы сквозила сила человека, привыкшего повелевать другими. За его спиной на пролете стоял начальник охраны.

— Виктор?.. — выдохнула Мира, растерянно роняя руки.
— Как вы... как вы меня нашли? А главное.. зачем? Кто эти люди?

— Открой дверь — его низкий голос звучал ровно и настолько глубоко, что противиться ему казалось невозможным. — Нам нужно поговорить.

Олег шагнул внутрь, и скромное пространство маленькой прихожей мгновенно стало казаться для него слишком тесным. Жестом приказав охране остаться в коридоре, он затворил дверь. Сняв пиджак и оставшись в белоснежной рубашке, подчеркивающей его крепкое телосложение, он подошел к Мире, которая стояла посреди комнаты, сжимая в руках края мятой кофты.

— Ты исчезла из клиники, не сказав ни слова, — тихо произнес он, делая шаг к ней и не спуская с нее прямого решительного взгляда. — Просто бросила заявление и ушла.

Я волновался. Так нельзя делать - никогда.

Мира подняла на него глаза, встретила с этим уверенным взглядом - и вся стойкость, которую она пыталась демонстрировать последние сутки, окончательно рухнула. В присутствии этого сильного, уверенного мужчины, от которого исходила защита, её боль вырвалась наружу. Слезы горячим потоком хлынули из глаз, дыхание сперло, и Мира разразилась безудержными, горькими слезами, раскисая прямо на его глазах.

— Я так больше не могу! Не могу все держать в себе..

Сбиваясь, проглатывая слова и захлебываясь от рыданий, она впервые выплеснула всё, что жгло ее изнутри: про Кристину со Звонковым в комнате отдыха и о том, что три года её искренней любви были лишь удобным инструментом для продвижения главврача в обществе. Все было фальшь.

Олег молча слушал её. Чем больше она рассказывала, тем сильнее темнели его глаза. В глубине его темных зрачков вспыхнул опасный янтарь настоящей ярости. Этот ничтожный главврач смел так поступить с женщиной, которая боролась за каждую человеческую жизнь и которая спасла его самого от смерти?

Не выдержав её надрывного плача, Олег сделал решительный шаг вперед, обхватил Миру за талию и сильными, уверенными руками прижал к своей широкой груди. Он не спрашивал разрешения - он просто забрал её в свои объятия, баюкая и не давая упасть.

Мира уткнулась лицом в его плечо, сжимая в пальцах дорогой материал его рубашки. От него пахло дорогим парфюмом, древесными нотами и той редкой, настоящей мужской силой, рядом с которой можно было позволить себе быть слабой.

— Тише... Всё кончено, Мира, — его низкий, глубокий голос вибрировал прямо у её уха, а сильная ладонь успокаивающе поглаживала ее по спине и волосам. — Ты больше никогда не вернешься к этому слизняку. Он не стоит ни единой твоей слезинки. Я беру всё под свой контроль. Ты мне веришь?

— Наверное... д-да..

Спустя десять минут, когда её рыдания наконец утихли, Олег бережно взял её за подбородок и приподнял лицо, заставляя встретиться с ним взглядом. Его пальцы были теплыми и мозолистыми, а прикосновение - удивительно нежным для такого властного человека.

— Послушай меня внимательно, — твердо произнес он, вытирая подушечкой большого пальца слезинку с её щеки. — Моё настоящее имя - Олег Вересов. Я глава международной ювелирно-добывающей корпорации «Veresov Diamonds». Я утаил своё имя, потому что на меня было совершено покушение, и в клинике мне нужно было выиграть время. Сегодня утром я официально выписался из твоей больницы.

Мира удивленно замерла, пытаясь уложить в голове услышанное. Перед ней стоял не просто выздоравливающий пациент, а один из самых богатых и могущественных людей страны.

— Моя рана еще не зажила, мне требуется регулярный врачебный контроль и профессиональные перевязки, — продолжал Олег, и в его голосе прозвучали неоспоримые нотки человека, привыкшего принимать решения и не терпеть возражений. - Я прекрасно знаю, что ты кардиохирург высшей категории, врачебный гений. Предлагать тебе роль личного медперсонала - это преступление перед твоим призванием. Но прямо сейчас, выходя из этой тени, я могу доверить свое тело и свои раны только одному человеку. Тебе.

— Олег... я... я не могу просто так... — попыталась растерянно возразить Мира, чувствуя, как от его близости и напора кружится голова.

— Ты можешь и ты сделаешь это, — мягко, но без возможности возразить перебил её Вересов. В его глазах возникла страсть и решимость обеспечить ей защиту от всего мира. — Я не оставляю тебе выбора, Мира. Ты не останешься в этой конуре со своими мыслями. Ты переезжаешь в мой загородный особняк. Там ты сможешь спокойно подумать о своей жизни и вылечишь мою рану.. Как хорошо звучит!

Олег улыбнулся и подал знак охране:

— Игорь, заberi её вещи. Доктор Кравцова едет со мной. Мира смотрела на него, ошеломленная этой властной,

непреклонной заботой. Впервые за долгие годы кто-то не требовал от неё быть сильной, а просто взял ответственность за её жизнь в свои руки.

Глава 6. Пламя страсти и грязная игра

Загородная резиденция Олега Вересова поражала своей роскошью. Особняк из тёмного гранита и стекла скрывался в вековом сосновом бору за высоким забором с современными системами безопасности. Миру поселили в просторных, залитых мягким светом апартаментах на втором этаже с балконом, выходящим на ухоженный парк.

Вечером, после того как Мира немного пришла в себя и приняла душ, настало время врачебных обязанностей. Она вошла в кабинет Олега с медицинским чемоданом. Вересов сидел в кресле у камина, сбросив пиджак и расстегнув белоснежную рубашку, он был готов к перевязке.

- Приступим, доктор Кравцова? - с едва уловимой, теплой усмешкой спросил он.

Мира подошла ближе. Её пальцы дрогнули, когда она осторожно снимала старую повязку с его мускулистой груди. Свежий рубец от пули находился в опасной близости от сердца. Обработывая рану антисептиком, Мира почувствовала обжигающее тепло его кожи и ровное, сильное дыхание. Расстояние между ними сократилось до предела, а острая химия, возникшая еще в больнице, с новой силой заставила её пульс участиться.

- У тебя очень нежные и заботливые руки, Мира, - тихо проговорил Олег, накрыв её тонкую кисть своей широкой, горячей ладонью.

Мира подняла взгляд, и их глаза встретились. Электрическое напряжение повисло в воздухе, от которого у обоих перехватило дыхание. Дышать стало труднее. Мира хотела убрать руку, но Олег не позволил этого сделать. Его сильные пальцы скользнули выше по её запястью, уверенно притягивая Миру ближе к себе.

Каждое прикосновение обжигало их сердце. Олег поднялся с кресла. Визуальный контакт между ними не прерывался ни на секунду. Мира оказалась зажата между его мощным телом и краем каминной полки. Её дыхание стало рваным и частым. Она чувствовала, как от него веет непреодолимым магнетизмом, жаром и темным, опасным желанием. Пальцы Олега мягко, но властно зарылись в её влажные после душа волосы, наклоняя её голову назад, а его губы оказались в миллиметре от её губ. Дыхание обжигало ее, когда касалось кожи, посылая вдоль позвоночника волну сладкого беспамятства.

- Я с первого дня в той палате сошел с ума от твоих прикосновений, Мира, - низким, сдавленным от страсти шепотом произнес он, слегка касаясь губами уголка её рта.

Миру затрясло. Губы дрогнули, предательски приоткрываясь, а сердце молотило куда-то под ключицу — до глухой боли. Еще секунда — и она бы просто провалилась в это на-

важдение... Но в последний момент, когда его губы уже накрыли её в требовательном, глубоком поцелуе, в ее голове будто щелкнул тумблер.

Опомнилась.

Упершись обеими руками в его горячую голую грудь, Мира с силой толкнула его от себя. Ноги подкосились, дыхание перехватило .

- Нет... Олег, хватит! — она судорожно стерла след поцелуя тыльной стороной ладони. Кожа горела. — Хватит, слышишь? Это бред. Так нельзя.

- Нельзя? - его зрачки расширились, почти затопив радужку. Шаг вперед — и между ними снова ни сантиметра воздуха. — А как «можно», Мира? Дальше глотать сопли из-за того слизняка и строить быть жертвой?

- Да мы вообще из разных миров! - голос сорвался, но она заставила себя смотреть прямо в лицо, пусть и пошатываясь назад. - Ты — миллиардер с алмазной империей за спиной. А я? Я — обычный хирург. Ты пациент, я — временный медперсонал на выезде. Все это изначально абсурдно! Я приехала зашивать твои дыры, а не греть постель пару недель, пока ты встаешь на ноги. Мне такие подачки не нужны! и ты мне не нужен!

Олег усмехнулся — хищно и чертовски уверенно. Он снова подошел к ней, сократив дистанцию до нуля, и легко обхватил за талию. Бежать было некуда. Наклонившись, он снова накрыл ее рот глубоким поцелуем, заставляя Миру су-

дорожно выдохнуть и замолчать.

В этот момент дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге возник Игорь.

Внезапный визит начальника охраны мгновенно оборвал поцелуй. Мира вспыхнула до корней волос, резко отстранилась от Олега и опустила взгляд, пытаясь скрыть накотившее смущение и восстановить сбитое дыхание .

— Извините... — Игорь неловко кашлянул, застыв на месте. — Кажется, я помешал вам.

В воздухе повисла звенящая пауза. Атмосфера в кабинете вмиг стала натянутой. Неловкость захлестнула всех присутствующих — всех, кроме Олега. Он, как всегда, оставался спокоен и уверен в себе. Вересов лишь плавно поправил манжеты белоснежной рубашки, застегнул ее и невозмутимо взглянул на вошедшего, дав понять, что готовить слушать.

Тем временем в городе Константин Звонков находился в состоянии глубокой паники и злости. Отец Кристины грозил аннулировать все финансовые гранты, если Мира не вернется и быстро не замнет скандал перед прессой. Просматривая записи с уличных камер пятиэтажки, где Мира снимала квартиру, Звонков был удивлен.

Он увидел, как к её подъезду подкатил кортеж из трех премиальных седанов, а из машины вышел «логист Виктор» - в идеальном костюме и в сопровождении личной охраны.

- Этот Смоляков... то есть Вересов! - выдохнул Констан-

тин, и его лицо исказила злобная догадка. - Она не просто сбежала... Она ушла к нему! Эта дрянь с самого начала крутила с ним прямо в палате за моей спиной!

Жажда мести и желание спасти свою репутацию затмили Константину разум. Забыв обо всех предупреждениях Вересова, он вызвался слить грязь через медсестру Анжелу в ведущие городские таблоиды. Он велел написать, что хирург Мира Кравцова грубо нарушила врачебную этику, завела тайный роман с богатым пациентом прямо в палате, соблазнила его и сбежала с ним, сорвав важнейший благотворительный вечер ради денег миллиардера.

Уже через два часа сеть вспыхнула грязно-скандальной сенсацией: *«Шок в медицине: Алмазный магнат Олег Вересов спасен после покушения, а ведущий хирург Мира Кравцова совратила пациента ради денег и сбежала с ним!»*.

Игорь собрался с мыслями и быстро перешел к делу:

- Олег Сергеевич, в сеть слили грязь про вас и доктора Кравцову, пытаюсь очернить её имя на всю страну. Но это ещё не всё... Поступила информация из Европы. Из-за этой публикации киллерам из Антверпена стало известно, что Олег Вересов жив. Покушение провалилось, и теперь они знают, что вы уцелели.

Олег медленно перевел взгляд на экран телефона Игоря с грязно-скандальным заголовком. В его темных глазах загорелся ледяной, беспощадный огонь.

Глава 7. Вспышка в ночи

Мира скользнула взглядом по экрану телефона Игоря — и будто споткнулась о заголовок: жирные буквы врезались в сознание, как осколки стекла. Каждый слог уничтожал её репутацию, годами наработанную по крупницам: ночи в операционных, усталость, все уважение коллег, которое теперь рассыпалось, как песок. «Совратила пациента прямо в палате... сбежала ради денег...» — фразы плыли перед глазами, оставляя после себя противный осадок. Нельзя ни вздохнуть, ни закричать. Слезы подкатили к горлу, царапая изнутри, но она стиснула зубы — не сейчас. Только дрожь в пальцах выдавала, как сильно её трясёт, будто изнутри включили невидимую вибрацию.

Олег уловил ее состояние. Шаг вперёд — резкий, уверенный, без колебаний. Он взял её за подбородок, твёрдо, но не грубо, заставляя встретиться с ним взглядом. В его глазах бушевало что-то опасное: не просто злость, а слепая ярость человека, который не умеет прощать предательство.

— Посмотри на меня, Мира, — голос Олега прозвучал низко и властно. — Я сам во всем разберусь. И если там хоть мелькнёт фамилия Звонков... я его так размажу, что от него мокрого места не останется. Обещаю.

Мира всмотрелась в его лицо — и вдруг поняла, что не боится. Вместо страха внутри разлилось что-то тёплое, нежиз-

данное: чувство, будто кто-то наконец встал между ней и этой лавиной грязи. Импульс доверия накрыл её волной — она не успела подумать, просто потянулась рукой к его плечу, словно хотела хоть немного унять эту бурю, которая сейчас кипела в нём.

— Не нужно, Олег... Не беспокойся обо мне, — прошептала она, не отводя взгляда, и голос прозвучал на удивление ровно, будто в этом спокойствии она сама черпала силы. — Не надо мести, не надо никого топтать... Твоя безопасность сейчас куда важнее. Ты же не тот простой «логист Виктор» из палаты номер 4. За твоей спиной огромная компания и тысячи людей, которым нужна работа и стабильность. Приведи в порядок свои дела и защити себя.

Олег замер — не только от лёгкого тепла её руки, но и от самих слов. В его мире годами всё крутилось вокруг цифр, выгод и чужих ожиданий: одни считали его счета, другие выбивали преференции, третьи просто ждали распоряжений. И вот сейчас эта женщина, чья честь только что была растоптана в публичном пространстве, думает не о себе, а о его безопасности. Будто её собственная боль вдруг стала чем-то второстепенным.

Он на секунду прикрыл глаза, словно впитывая эту непривычную заботу, а потом резко выпрямился — плечи расправились, взгляд снова стал острым, собранным, таким, каким его знали подчинённые. Вересов повернулся к начальнику

охраны, и в голосе уже не было ни эмоций, ни пауз — только чёткие, выверенные команды:

— Игорь, послушай приказ. Усилить периметр охраны особняка. Активировать протокол скрытого сопровождения для моей сестры Ирины и её мужа Ивана Тропинина. Все должны быть под присмотром и в безопасности. Выполнять.

— Понял вас, Олег Сергеевич. Сделаю всё незамедлительно, — коротко кивнул Игорь, метнулся к двери и вышел, плотно прикрыв её за собой. В кабинете сразу стало тише, будто вместе с ним ушла часть напряжения.

Едва за Игорем закрылась дверь, атмосфера в спальне раскалилась до предела. Вересов повернулся к Мире.

В его глазах больше не было холодного расчета — только первобытная, непреклонная власть и томная страсть, перед которой она оказалась совершенно безоружной.

Не дав ей опомниться, Олег шаг за шагом сократил расстояние, прижав её спиной к стене. Его руки, широкие и горячие, властно легли на её талию, не давая ни единого шанса на отступление.

— Олег... — выдохнула Мира. В её голосе дрожала робкая нерешительность. Врачебный разум кричал об осторожности, о свежей ране на его груди, о разнице их статусов. — Нам... тебе нельзя напрягаться. Рана ещё не зажила...

— Забудь про рану, это был всего лишь предлог — низким, сдавленным рокотом перебил её Олег, впиваясь тем-

ным взглядом в её дрожащие губы. — Я не смогу больше дышать, если не получу тебя прямо сейчас. Я все решил.

Он накрыл её губы поцелуем — не осторожным, а требовательным, будто хотел забрать у неё даже дыхание. Мира на миг замерла, чувствуя, как мир сузился до этого прикосновения, а потом всё внутри растаяло, и она просто поддалась, позволив себе не думать ни о чём. Его ладони уверенно скользнули по её спине, и в этой ловкости не было суеты — только твёрдое знание, как действовать, когда ставки слишком высоки. От этого у Миры по коже пробежала дрожь: не от страха, а от осознания его силы — такой грубой, настоящей, не приукрашенной словами.

Все сомнения, что ещё недавно царапали изнутри, рассыпались под этим напором, уступая место чему-то новому — тёплому, осторожному, но не слабому. Мира боялась сделать ему больно, поэтому, обвивая его шею, двигалась медленно, бережно, стараясь не задеть свежую повязку на груди. В этом движении было больше, чем ласка, — в нём читалось: *«Я вижу, что тебе больно, и не хочу добавить ещё»*.

Олег подхватил её на руки, легко, будто вес её тревоги ничего не стоил, и перенёс на широкое ложе. За панорамным окном, закрытым тёмной шторой, стонали вековые сосны: ветер швырял их кроны из стороны в сторону, словно пытался ворваться внутрь. Но здесь, в комнате, был свой ритм — тихий, приглушённый светом ночника, который рисовал на стенах неровные тени, похожие на сплетение рук и плеч.

Никаких сомнений больше не осталось — они просто не умещались в этом мгновении. Каждый поцелуй Олега был как приказ, властный и неизбежный, а её прикосновения становились для него якорем — тихими, трепетными, удерживающими на краю. Мира вздрагивала от его уверенности, но уже не от испуга: она пропускала сквозь пальцы его густые волосы, подавалась навстречу, чувствуя, как собственное тело наконец перестаёт спорить с сердцем.

Он доводил её до той самой грани, где слова теряют смысл, и слушал её тихие, сдавленные вздохи, будто в них была вся правда, которую он искал. Чувственное пламя не просто горело — оно выжигало старые раны, слой за слоем, оставляя после себя не пустоту, а чистый, звенящий восторг, в котором не было ни прошлого, ни будущего, только это «сейчас», плотное и настоящее.

К трем часам ночи все стихло. Мира, измученная и эмоционально опустошенная, крепко спала, свернувшись калачиком и уткнувшись носом в его плечо.

Олег лежал неподвижно, боясь потревожить ее сон. Лишь когда её дыхание стало окончательно ровным и глубоким, он аккуратно вылез из-под неё, заботливо накрыв обнаженные плечи девушки мягким одеялом. Накинув на себя тёмный халат, Олег подошел к рабочему столу в углу спальни, бесшумно включил компьютер и погрузился в мониторинг документов, финансово-аналитических отчетов и сводок за

время своего вынужденного отсутствия.

Завтра его ждал тяжелый день. Ему предстояло лично приехать в главный офис корпорации и выступить перед акционерами с докладом о текущей ситуации, стратегических планах и жестком наведении порядка.

Он провёл рукой по экрану компьютера, открывая документы. Корпорация нуждалась в его внимании, но мысли то и дело возвращались к спящей рядом женщине.

Олег Вересов, человек, для которого слово «нет» не существовало как категория — камень, сталь, непробиваемая стена в мире бизнеса, — вдруг ощутил, как в груди разгорается что-то щемящее, непривычное, будто сквозь давно застывшую корку пробился тёплый, робкий свет. Он сидел, почти не дыша, и пытался осознать эту странную, почти пугающую перемену внутри.

В свои сорок три года он вдруг понял одну удивительную вещь: он снова влюбился. Не той спокойной, удобной привязанностью, а с первозданной, мальчишеской силой — так, что земля будто качнулась под ногами. Впервые за десять лет, с тех пор как потерял жену и намертво запер своё сердце, он почувствовал, как этот замок вдруг щёлкнул и рассыпался на куски. И теперь ему хотелось не просто защищать, а перевернуть весь мир, выстроить его заново — так, чтобы ей в нём было безопасно, спокойно и светло. Ради этой женщины он был готов на всё.

Глава 8. Возвращение короля и удар в спину

Утро опустилось на загородную резиденцию сдержанными золотистыми лучами. Мира проснулась в просторной спальне одна. На соседней подушке остался едва заметный отпечаток и короткая записка, написанная четким, красивым почерком Олега: *«Доброе утро, Мира. Мне нужно срочно решить вопросы в штаб-квартире. Попечительский совет и охрана особняка переведены на усиленный режим, ты в полной безопасности. Отдыхай, я вернусь к вечеру. О.»*

Улыбнувшись теплему воспоминанию о прошедшей ночи, Мира прижала записку к груди. Впервые за долгое время она ощущала себя под надежной защитой.

В это же время перед высоткой штаб-квартиры «Veresov Diamonds» из тёмно-синего бронированного седана вышел Олег Вересов. Черный строгий костюм, холодный сдержанный взгляд и уверенность в каждом шаге - король алмазной империи вернулся, чтобы забрать свое.

Зал заседаний совета директоров гудел, как улей. Партнеры и акционеры спорили о передаче управления временно отсутствующего лидера ликвидационной комиссии. Внезапно тяжелые двери распахнулись, и в зал вошел Олег. Шум

мгновенно сменился шоком и молчанием.

- Приветствую, господа. Кажется, вы спешили признать меня умершим и поделить власть - произнес Олег, неторопливо занимая во главе стола свое законное кресло.

Совет был ошеломлен. Вересов за считанные минуты предоставил полный пакет документов, подтверждающих его дееспособность, и лично передал все документы в юридический отдел. К биржевым брокерам мгновенно ушел официальный документ: торги акциями «Veresov Diamonds» восстановлены в полном объеме, а попытки рейдерского перехвата аннулированы.

Пока большинство присутствующих облегченно вздыхали, один человек за столом с трудом скрывал желчную досаду. Иван Тропинин - муж сестры Олега и генеральный директор корпорации - нервно поправлял дорогие часы. Он годами жил в тени своего могущественного шурина, тайно завидуя его власти, авторитету и огромному состоянию. Иван мечтательно рассчитывал, что после исчезновения Олега управление перейдет к Ирине, а фактически - в его собственные руки.

- Олег Сергеевич, мы, конечно, рады вашему возвращению, - с фальшивой улыбкой подал голос Тропинин, прищурив скользкие глаза. - Но в свете последних скандалов в прессе... Покушение, тайная выписка, обвинения в связи с врачом вашей клиники. Не подрывает ли это деловую репутацию холдинга? Как мы объясним инвесторам эти слухи?

Олег медленно перевел на зятя ледяной, пронизательный взгляд. В воздухе повисла давящая тишина.

- Деловая репутация холдинга подрывается не слухами, Ваня, а некомпетентностью тех, кто пытается строить интриги за моей спиной, - монотонно отрезал Олег. - Каждое мое действие было продуманным шагом, связанным с безопасностью. Что касается прессы - прямо сейчас я дал распоряжение собрать пресс-конференцию. Вот так вот.

Тропинин поджал губы и замолчал, проглотив яд. Олег разбил его провокацию без единого лишнего усилия, продемонстрировав совету полную доминацию и спокойствие.

Спустя час в огромном пресс-центре корпорации было не протолкнуться. Вспышки фотокамер сливались в единый слепящий поток. Олег Вересов стоял за трибуной, излучая спокойствие, уверенность и решительность. Вопросы сыпались со всех сторон, журналисты деловых и желтых изданий пытались перекричать друг друга.

- Господин Вересов! Акции холдинга обвалились на двенадцать процентов за время вашего отсутствия! Официальные источники утверждали, что вы пропали без вести. Где вы находились всё это время? Что произошло с вами на самом деле? Был ли это внутренний корпоративный конфликт?

Олег приподнял микрофоны и приступил к ответам:

- Никакого внутреннего конфликта нет. На меня было совершено покушение - попытка устранения, организованная

извне. В интересах следствия и моей личной безопасности я находился в закрытом медицинском учреждении под чужим именем. На данный момент расследование передано в спецслужбы, а виновные понесут наказание по всей строгости закона. Что касается акций - прямо сейчас торги восстановлены, а корпорация объявляет о выкупе собственных ценных бумаг, что уже к вечеру вернёт их к пиковым показателям.

- А как насчет слухов, которые сегодня взорвали сеть? - выкрикнул репортёр из таблоида. - Появилась информация, что вы завели роман с вашим лечащим врачом, хирургом, Мирой Кравцовой! Сообщается, что она нарушила врачебную этику, соблазнив вас прямо в клинике, и сбежала ради ваших денег! Вы подтверждаете эту связь?

Зал замер, ожидая, что миллиардер не захочет комментировать личную жизнь или сбросит вину на врача.

Олег выдержал паузу. Его глаза потемнели, голос стал низким и суровым:

- Информационный слив о моем пребывании в клинике и обвинения в адрес доктора Кравцовой - это грязная, дешевая ложь, организованная трусливыми людьми. Доктор Кравцова - гениальный хирург, человек высочайшей чести и профессионализма. Это она буквально вытащила меня с того света, когда я поступил в критическом состоянии. Никакого нарушения этики не было.

Олег обвел журналистов тяжелым взглядом.

- Моя корпорация и я лично берем под защиту репутацию

Миры Кравцовой. Вся эта клевета будет закрыта в судебном порядке, а те, кто стоит за этим вбросом, будут уничтожены в правовом и финансовом поле. На этом пресс-конференция окончена.

Пресса затихла, пораженная его открытым, мощным заявлением и неприкрытой угрозой в адрес клеветников. Олег закончил выступление и направился к выходу из холла.

Едва он ступил в тихий служебный коридор, его спутниковый телефон в кармане пиджака задрожал. Звонил начальник службы безопасности. Олег принял вызов:

- Слушаю, Игорь.

- Олег Сергеевич... - голос Игоря на другом конце провода сорвался, в нем впервые за годы службы звучал неопиcуемый, панический ужас. - Наш загородный особняк... Несколько минут назад прогремел мощнейший взрыв. Взрывчатка была заложена в несущие конструкции периметра. Дом практически уничтожен, начался сильный пожар...

- Что с Мирой?! - громким, диким рыком перебил его Олег. Сердце миллиардера, только что открывшееся для новой любви, мгновенно остановилось, а затем бешено заколотилось в груди.

- Информации о жертвах и выживших... пока не поступала, босс. Направляю туда все расчеты спасателей и группы спецназа...

Телефон почти выскользнул из онемевших пальцев Олега.

Земля ушла из-под ног. В голове вспыхнул адский вихрь из отчаяния, дикого страха и удушающей ярости. Он оставил её там, убедив, что она в безопасности. Он дал ей слово защитить её... и прямо сейчас женщина, без которой его жизнь снова теряла всякий смысл, могла находиться под обломками горящего дома. Он снова терял свою женщину навсегда.

- Не смей никого подпускать к руинам без меня! - рявкнул Олег в трубку с первобытной угрозой и во весь опор бросился к выходу к своей машине.

Глава 9. Ледяной прием

Утро в загородном особняке началось с ласковых лучей солнца, пробивающихся сквозь панорамные окна. Мира открыла глаза. Рука машинально скользнула по соседней половине постели — простыня уже остыла, но подушка еще хранила едва уловимый запах Олега, запах прошедшей бурной ночи.

— Хм.. уже ушел.. Как жаль что я мне придется торчать в этом огромном доме совсем одной, весь день. — прошептала Мира.

Рядом лежал сложенный пополам лист белой бумаги с его резким, размашистым почерком. Перечитав короткую записку, она зажмурилась и почувствовала, что по телу разливается волна необъяснимой нежности.

Она встала с постели. Затем подошла к зеркалу и принялась аккуратно укладывать волосы, нанося легкий, естественный макияж. Вглядываясь в свое отражение, Мира ловила себя на мысли, что с её губ не сходит робкая, счастливая улыбка. Пальцы до сих пор помнили жаркие прикосновения Олега, а в ушах вибрировал его низкий, требовательный шепот. В глазах общественности он был властным и недостижимым миллиардером. Но здесь, здесь за закрытыми дверями, этот сильный мужчина раскрылся с удивительной, трепетной глубиной. Его броня рассыпалась в прах.

— *«Неужели я действительно влюбляюсь в него? Неужели после жуткого предательства и собственной слепоты я нашла человека, рядом с которым не нужно быть сильной?»*

— думала она, ощущая, как страх перед разницей статусов растворяется в искренней привязанности.

Спустившись по лестнице в светлую столовую, Мира вдохнула восхитительный аромат свежей выпечки и заваренного кофе. Завтрак уже был аккуратно накрыт на столе.

— Доброе утро. Меня зовут Мария, — встречая её мягкой, искренней улыбкой, представилась миловидная женщина в опрятном фартуке. — Я работаю здесь у Вересовых уже больше тридцати лет. Садись за стол, кушай, пока всё горячее. Олег Сергеевич уехал рано, но велел проследить, чтобы ты хорошо позавтракала. Если тебе что-то будет нужно - ты только скажи, я или другая прислуга тебе обязательно помогут. Чувствуй себя как дома.

— Очень приятно, Мария. Я Мира, — скромно улыбнулась девушка, тронутая таким уютом и заботой.

Она только успела сделать глоток обжигающего кофе, как тишину загородного дома разрезал низкий рык спортивного мотора на подъездной дорожке. Хлопнула тяжелая дверь в прихожей. В груди сладко екнуло: неужели Олег плюнул на совет директоров и развернул машину? Мира вскочила из-за стола и поспешила в прихожую.

Однако на пороге стоял вовсе не Олег.

Высокая, точеная, в элегантном темно-сером брючном костюме, женщина небрежно бросила ключи на рядом стоящий столик. Это была Ирина Сергеевна Вересова - младшая сестра Олега. Избалованная, с острыми чертами лица, пронзительными серыми глазами и тот же фамильный, тяжелый разрез век, что и у Олега. Младшая сестра, выросшая под его глухой опекой после гибели родителей, привыкла видеть в браке брата и любых женщинах вокруг него прямую угрозу их семье и бизнесу.

Прочитав утром в утренней газете скандальную статью о романе брата со спасшим его хирургом, Ирина в тревоге примчалась в особняк. Увидев Миру, Ирина даже не стала скрывать брезгливого торжества. Грязь в таблоидах подтверждалась прямо у нее на глазах.

Её лицо мгновенно одеревенело. Смерив Миру высокомерным, пренебрежительным взглядом с ног до головы, Ирина сделала шаг вперед.

— Ой, ну надо же, на удивление в этот раз газеты не сохранили, — с желчной ухмылкой процедила Ирина, словно перед ней стояла незваная прислуга. — Это же тот самый «гениальный хирург», сорвавший банкет и сбежавший к моему брату. — Какая предприимчивость, доктор Кравцова.

Мира опешила от столь агрессивного тона, но попыталась сохранить достоинство:

— Здравствуйте. Вы, должно быть, Ирина? Олег расска-

зывал о вас... Я здесь по его личному приглашению, как лечащий врач.

— Лечащий врач? Хм.. Интересно, а все врачи всегда ходят по дому пациентов в шелковом халате выше колен? Ах, да и спят в их спальне? — громко и обидно рассмеялась Ирина. — Не держи меня за дуру, милочка! Я и не таких как ты отсюда выгоняла прочь! Вас расчетливых пиявок - за километр видно. Охотница за миллионами, воспользовалась тем, что мужчина был ранен и уязвим! Думаешь, если Олег разок переспал с тобой на нервах, ты хозяйкой тут станешь? Да ты для него — таблетка от стресса на пару ночей! Ты унизила его имя в прессе, а теперь с комфортом устроилась в его доме?! Чего молчишь, деточка?!

Слова били Миру снова и снова, сильно, как мокрые плети. Поток унижительных колкостей и оскорблений не прекращался. Ей указывали на её место, на низкое происхождение, на грязную статью в таблоидах. Мира чувствовала себя абсолютно раздавленной этой высокомерной женщиной. Лицо Миры уже было похоже на белую простыню, а на её глазах закипали слезы несмываемого позора. Ей хотелось кричать, что ей не нужны деньги Олега, но гордость не позволила давать оправдания на эти лживые высказывания.

— Достаточно, — дрожащим, но звонким голосом перебила её Мира, с трудом удерживая слезы. — Я не буду более это слушать ни секунды.

Не сказав больше ни слова, Мира взбежала на второй этаж, судорожно собрала свою сумочку и вещи. С трудом сдерживая рыдания, она достала телефон и вызвала такси через стандартное приложение.

Спустя пять минут к металлическим воротам особняка подъехал автомобиль. Мира, не прощаясь с Ириной, быстро села на заднее сиденье. Такси плавно тронулось и увёло её прочь от этого дома.

Тем временем Ирина, с чувством выполненного долга и абсолютной уверенности, что спасла брата от интриганки, прошла в столовую. Спокойно и вкусно позавтракав стряпней Марии, она поправила макияж, села в свой спорткар и выехала в главную штаб-квартиру «Veresov Diamonds» - на то самое заседание совета директоров, где как раз в эти минуты выступал Олег.

Глава 10. Пепелище

Черный BMW Вересова на бешеной скорости влетел через выбитые взрывом ворота загородной резиденции. Олег выскочил из машины еще до того, как водитель успел полностью заглушить двигатель. Перед его глазами предстала кошмарная картина: от огромного загородного особняка остались лишь дымящиеся стены, а воздух был наполнен едкой гарью от которой слезились глаза, копотью и дымом. Пожарные расчеты судорожно проливали водой обугленные завалы.

— Мира! — громким, отчаянным голосом орал Олег, бросаясь прямо к руинам, где ещё местами полыхали языки пламени. — Мира, ты меня слышишь? Где ты? Мирааа...

Игорь вместе с двумя пожарными буквально грудью перехватили миллиардера, удерживая его из последних сил, он вырывался словно зверь.

— Олег Сергеевич, туда нельзя! Там еще возможны обрушения! — тяжело дыша, крикнул начальник охраны.

— Пусти, чёрт тебя дери, я не ребенок, чтобы меня удерживать с силой! — Вересов с силой и яростью оттолкнул Игоря. Его глаза горели безумием. Человек, привыкший полностью контролировать каждую секунду своей жизни и удерживать в руках миллиардную империю, прямо сейчас тонул в оглушающей, беспощадной неизвестности.

В этот момент из-за спасательной машины, задыхаясь и вытирая слезы, выбежала Мария.

— Олег! Олег Сергеевич! — затараторила женщина, подбегая к нему и хватая за рукав пиджака. — Слава богу ты здесь!

— Мария? Где Мира?! С кем она была в доме?! Отвечай же... Говори! — Олег схватил горничную за плечи, впиваясь в неё безумным взглядом.

— А её не было в доме, Олег! Она же уехала до взрыва! — всхлипывая, заговорила Мария. — Утром примчалась Ирина Сергеевна... У них случился ужасный скандал. Ирина наговорила девочке столько всего, а еще обвинила во лжи и охоте за вашими деньгами. Мирочка вся белая была, в слезах сумку схватила и на такси уехала. А следом и Ира со двора сорвалась... А потом я все убрала и тоже уехала за продуктами.

Олег оцепенел. Казалось, ледяной комок перекрыл горло — ни звука, ни вдоха. Слышен только треск догорающего особняка и шум от спасательных бригад. Имя его сестры прозвучало как еще один удар под дых и осознание того, что Миры не было в этих завалах, не принесло облегчения. Оно породило еще больший, иссушающий разум ужас. Куда могла пойти раненная, оскорбленная женщина в чужом городе? Почему её телефон недоступен? Слишком много вопросов и ни одного ответа. Как же так.

Неопределенность полностью заполнила сознание Вересова. Холодный расчёт, который годами выручал его в самых жёстких сделках, рассыпался в пыль, сменяясь чемто диким, неуправляемым — яростью, которая не искала выгодных ходов, а требовала действия любой ценой.

Олег резко развернулся к Игорю. Его взгляд стал настолько жутким и грозным, что начальник охраны невольно опустил глаза и пошатнулся назад, будто от физической волны, и на секунду словно сжался, став даже меньше ростом. Игорь понял, что крайнин в случившемся сейчас станет именно он. Началось.

— Ты занят чем угодно, кроме своей работы, Игорь! — сухо прошипел Вересов. Он шагнул вперёд, нависая, и в этом шаге читалось: «Сейчас ты либо действуешь, либо перестаёшь быть мне полезен» - Сначала выстрелы в Антверпене, теперь взрыв моего дома! Моего дома! Ты с работой явно не справляешься! Однозначно. Мой телефон, мой дом, жизнь женщины, которую я люблю - всё под ударом, а ты плетёшься сзади и фиксируешь убытки, как бухгалтер!

Он сделал ещё один шаг, и воздух между ними будто загустел от напряжения.

— Найти её! Поднять все камеры, перерыть весь город, достать изпод земли такси, на котором она уехала с этого самого места! Если с её головы упадёт хоть один волос — или если ты не найдёшь её, — ты ответишь мне лично. И это не угроза. Это факт.

Игорь молча кивнул, и по его лицу скользнула тень: он бледнел на глазах, но в глазах уже не было растерянности — только холодная собранность человека, который понял: сейчас цена ошибки — не карьера, а нечто куда более серьёзное. Не тратя ни секунды, он поднёс рацию к губам и начал отдавать приказы — чётко, быстро, без лишних слов, будто сам хотел доказать, что ещё способен удержать рассыпающийся контроль.

Эмоциональное напряжение этого дня достигло своего предельного пика. Вересов был в бешенстве от собственной беспомощности. Пожарные закончили разбор завалов, подтвердив, что погибших внутри нет, но это лишь усилило тревогу. В особняке сгорело всё, а где-то в холодном городе Мира осталась одна - сильно обиженная его сестрой, без защиты, без связи.

Остаток дня Вересов провёл в пентхаусе головного офиса. Он не спал, не ел — даже не замечал, что еда остывает на подносе, будто её и не приносили вовсе. В кабинете до самой глубокой ночи горел свет. Олег лично просматривал записи городских камер, кадр за кадром, не пропуская ни одной детали. Он будто надеялся выхватить из потока пикселей хоть какойто намёк на путь машины, которая увозит Миру от него прочь.

Параллельно Вересов координировал группы поиска: звонил, требовал, давил на городское руководство — и в каж-

дом слове, в каждом жесте сейчас проступала не просто властность, а мощь человека, который привык держать всё под контролем и теперь злился на себя от того, что самое важное выскользнуло из рук. Он что-то упускает из вида.

Он спал на ходу, спотыкаясь о собственную усталость.

Лишь к четырём утра, когда город наконец погрузился в глухую, плотную предрассветную тьму, измотанный до последней клетки тела Вересов опустился в кресло. Его плечи будто разом потеряли всю сталь, обмякли, но в глазах по-прежнему не было ни капли смирения. Этот адский день наконец завершился, оставив в душе не покой, а выжженное поле — пустое, чёрное, где пока не росло ничего, кроме решимости найти её любой ценой.

Наступило следующее утро.

Первые лучи солнца едва коснулись стекол небоскреба, когда на личный телефон Олега, лежащий на столе, пришло короткое сообщение с неизвестного европейского номера.

Вересов мгновенно рванулся и взял телефон. Экран вспыхнул текстом:

«Здравствуй, Вересов. Твоя драгоценная доктор Мира Кравцова находится у нас. Если хочешь увидеть её живой и невредимой - приедешь на встречу лично. Один. Без охраны, без спецслужб и без жучков. Я хочу поговорить с тобой тет-а-тет. Место и время пришло позже».

Пальцы Олега сжали корпус телефона и швырнули его на

пол. Встречи с полом он не выдержал и разлетелся на множество мелких кусочков. По телу Олега пробежала дрожь. По глазам стало понятно, что он готов убивать любого на пути, лишь бы спасти Миру. Наёмники из Антверпена выполнили приказ своего хозяина - главы конкурирующего европейского алмазного концерна. Война выходила на финишную прямую, и ставкой в ней была жизнь Миры.

Глава 11. Отсчет времени

Через тридцать минут после получения сообщения, дверь в кабинете открылась с глухим стуком. Ирина быстро вошла в комнату — походка уверенная, плечи расправлены, в глазах держалось обычное высокомерное спокойствие. Но стоило ей встретиться взглядом с братом, как эта бравада дала трещину: она невольно замерла, будто налетела на невидимую стену, которую невозможно преодолеть.

Олег сидел за столом — тёмный, неподвижный, как грозовая туча, сгустившаяся над городом. В этот момент у любого хватило бы ума держаться подальше от него.

— Садись — коротко сказал Вересов, не отводя взгляда от сестры.

— Олег? Что происходит? Мне сообщили про особняк, я волновалась... — начала она, но брат прервал её одним жестом.

— Молчать! Ответь мне, Ира, зачем ты приехала вчера в особняк, говори? Зачем? — его голос звучал тихо, но в нем вибрировала сила, похожая на гул от высоковольтных проводов.

- Я прочитала ту грязную статью в газете! — Ирина всплеснула руками, будто этим движением могла защититься от него. — Я хотела уберечь тебя, братик! Посмотреть в глаза этой девице, которая пытается залезть к тебе в коше-

лек! Олег, ну открой же ты наконец глаза! Это же очередное увлечение на одну ночь!

Она сделала шаг вперёд. Ирина хотела приблизиться к нему, убедить, вернуть того брата, который раньше часто прислушивался к её словам, по крайней мере касающимся личной жизни.

— Твоей единственной настоящей любовью была Марго! — выпалила она, и голос её дрогнул лишь на долю секунды, но она тут же спрятала эту слабость за напором. — Ты просто пытаешься найти её тень в этих случайных женщинах, но Марго не вернуть, Олег! Её больше нет!

Олег ударил рукой по столу, что казалось, что и стол сейчас надломится. Имя погибшей десять лет назад жены прозвучало как выстрел в упор. В его груди что-то сжалось до острой, режущей боли, и эта боль тут же превратилось в ярость.

— Не смей! Слышишь, не смей, — прошипел он.

— Нет, я не замолчу! — упрямо продолжала Ирина, а в её голосе проскользнули слёзы старой, незаживающей боли. — Я скажу все. Ведь наша семья уже прошла через этот ад десять лет назад! Когда Марго попала в ту страшную аварию, её привезли в больницу ещё живой. И тот молоденький врач... тот бездарный, абсолютно бездарный хирург со своей ассистенткой просто не смогли её спасти! Они допустили ошибку на столе! Марго умерла у них под скальпелем, а ты замкнулся в себе! Я не хочу, чтобы очередная девица снова

причинила тебе боль!

Олег медленно поднялся из-за стола. Напряженная тишина в кабинете стала почти осязаемой.

— Ира, твоя «забота» перешла все границы, — выделив каждое слово, произнес Вересов. — Я не ребенок. А из-за твоей гордыни и высокомерия Мира ушла из дома без охраны. Её номер перехватили. Прямо сейчас она находится в руках европейских людей из Антверпена. И если с ней что-то случится, вот если с ней хоть что-то случится — я никогда, слышишь никогда, тебя не прощу.

Ирина онемела. Лицо сестры моментально побледнело, а глаза округлились от ужаса. Она осознала, в какую смертельную пропасть толкнула женщину своими руками.

Выставив сестру из кабинета, Олег повернулся к Игорю, который бесшумно вошел в комнату с детальным анализом ситуации.

— Глава европейского концерна перешел все черты, — произнес Олег, надевая тёмно-синий пиджак и проверяя скрытый за поясом зажим для кобуры от макарова. — Они думают, что похищение Миры заставит меня отдать акции и подписать капитуляцию.

— Олег Сергеевич, отправляться туда одному - это безумие, - настоятельно возразил Игорь. — Это наверняка ловушка. Вам не следует...

Олег прервал собеседника.

— Послушай, если они увидят спецназ или твою группу, Миру могут убить на месте, — отрезал Вересов. — Я пойду на встречу один. Сделаю все как они требуют. Но ты будешь готовить перехват, в случае угрозы нашим жизням.

Олег достал из сейфа едва заметный маячок и активировал его. В его голове складывался тонкий, беспощадный план. Он не собирался играть по правилам врага - эта игра с этого момента велась исключительно на его условиях.

Спустя два часа на новенький мобильный телефон Вересова пришло второе сообщение с геолокацией: заброшенный портовый док на старой окраине города.

Спустя сорок минут машина Олега остановилась у ржавых ворот огромного ангара. Пахло сыростью, мазутом и прелыми досками, как будто само место хранило в себе годы запустения. Вересов вышел из машины. И даже в этой гнетущей обстановке он сохранял нерушимое спокойствие — не показное, как это бывает у многих, а выкованное годами профессиональных решений. В его руке не было оружия, но от его фигуры веяло такой смертоносной властью, что даже дежурившие у входа охранники невольно напряглись.

Металлическая дверь с тонким скрипом отворилась, будто не желая пропускать его внутрь. Олег шагнул. В помещение горел слабый свет.

В центре ангара, под единственной яркой лампой, на деревянном стуле сидела Мира. Её руки были связаны за спи-

ной, глаза красные от слез. Она была сильно напугала. Увидев Олега, она судорожно выдохнула, в её глазах вспыхнул страх и мольба:

— Олег... Нет! Уходи, это ловушка!..

— Тише, Мира, — произнёс Олег мягко, но твёрдо, не сводя с неё теплого пристального взгляда, в котором не было ни паники, ни суеты, только уверенность. - Я здесь. Всё кончено.

Из тени за спиной Миры выплыла высокая фигура в дорогом пальто. Эрик ван дер Берг - глава конкурирующего европейского алмазного концерна, лично прилетевший из Антверпена, чтобы завершить начатое. Он медленно похлопал в ладони, и этот звук прозвучал в пустом ангаре почти издевательски, а его глухой европейский акцент добавил сцене ещё больше холодной театральности.

— Какое трогательное зрелище, Вересов, — протянул ван дер Берг, слегка склонив голову, будто рассматривал редкую картину. — Могущественный Олег Вересов рискует своей империей ради какойто женщины. Романтично... и до смешного глупо. Итак, давай обсудим передачу твоих активов. Или твой лечащий врач умрёт у тебя на глазах.

Глава 12. Переговоры и побег влюбленных

Эрик ван дер Берг неожиданно разразился тихим, ироничным смехом и похлопал в ладони, давая знак своим людям опустить оружие. Охрана, которая притворялась “опасными наемниками” бесшумно вышла за дверь.

— Извини за этот театральный ангар и связанную женщину, Вересов, — вальяжно развел руками европейский магнат. — Но согласись, с тобой иначе не связаться. Ты же недосягаем. Мне пришлось разыграть этот небольшой спектакль, чтобы вытащить тебя на личный разговор. Но давай проясним сразу: ни выстрелы в Антверпене, ни подрыв твоего загородного дома — не моих рук дело. Моя служба безопасности просто отследила информационную волну, перехватила такси твоей спутницы и воспользовалась моментом. Мы — бизнесмены, Олег, а не террористы.

Олег чуть прищурился недоверчиво. Если за покушением и взрывом стоял кто-то другой, круг подозреваемых сужался с пугающей точностью. Впрочем, Вересов оставался абсолютно спокоен.

— Ближе к делу, Эрик, побыстрее — четко потребовал Олег.

— Мой концерн предлагает объединить наши активы, —

ван дер Берг стал предельно серьезен. — Итак, к делу. Послушай, я согласен войти в наш объединенный капитал на равных условиях, 50 на 50 и полностью профинансировать разработку новых европейских месторождений. Это чертовски выгодное предложение, тебе такого никто не предложит больше. А ведь это позволит нам расширить долю владения углеродами почти до монополии на мировом рынке — ван дер Берг говорил так, будто уже видел эту картину мира, раскрашенного в цвета их общего концерна.

— Финансовые предложения я рассматриваю в совете директоров. Это ясно? — не разделяя энтузиазма собеседника парировал Олег. — Ты привез документы, чтобы я хоть мог посмотреть плановые цифры? Я обещаю подумать над твоим предложением и обязательно дам ответ. Ах да, чуть не забыл. Эрик, у меня есть одно условие: с этого момента ты связываешься со мной исключительно нормальными деловыми способами: e-mail, телефон, курьеры. Без криминала, без театральных киллеров и без того, чтобы пугать мою охрану и конечно же любимую женщину. В противном случае я не смогу иметь дел с таким ненормальным. Все это, мать твою, все что тут произошло - это просто не поддается никакому описанию, ни разу не по-деловому!

На секунду в воздухе повисла тишина — та самая, когда даже тени в ангаре будто замирают, прислушиваясь. Ван дер Берг нервничал и пристально пытался считывал взгляд Олега, будто пытался прочесть, где заканчивается блеф и начи-

нается чистая, неприкрытая угроза. Потом медленно, с едва заметным уважением, склонил голову.

— Ну да.. как-то не очень вышло. Но все же, что думаешь о предложении? — вымолвил он и слегка улыбнулся.

Эрик не стал тянуть паузу, не стал играть в оскорбленную гордость — просто достал из кармана складной нож, щелкнул лезвием и, не сводя глаз с Олега, аккуратно разрезал верёвки на запястьях Миры.

— Да без вопросов. Договорились, Вересов, — произнёс ван дер Берг спокойно, будто они только что подписали контракт в светлом зале. — Жду твоего решения. Но ты не тяни.

Еще недавно они были врагами, готовыми перегрызть друг другу глотки, а сейчас пожимали руки — не как друзья, а как бизнес-гиганты, которые на мгновение признали силу друг друга и заключили хрупкое перемирие.

Олег не стал терять ни секунды. Он тут же подхватил дрожащую Миру, бережно накинул на её плечи свой пиджак — ткань ещё хранила тепло его тела — и уверенно повёл её к выходу, заслоняя собой от любых взглядов. Едва они оказались в тишине и безопасности на заднем сиденье его бронированного седана, Мира бессильно уткнулась лицом в его грудь. Она дрожала но не от холода, а от пережитого страха и эмоционального истощения. Плечи вздрагивали, пальцы вцепились в его рубашку, будто она всё ещё не верила, что это не ловушка.

Олег крепко, но бережно прижал её к себе, не пытаясь заставить её замолчать или «взять себя в руки». Он просто держал — так, чтобы она чувствовала: он здесь, он не отпустит. Его ладонь медленно гладила её по мягким волосам, а потом тихо, почти беззвучно поцеловал её в макушку — не как жест победы, а как обещание: «Теперь ты точно в безопасности».

— Всё позади, родная... Ты в со мной, — тихим, бархатным голосом баюкал её Олег. Мира подняла на него заплаканные глаза. Боли и обиды после утренней встречи с Ириной было слишком много.

— Твоя сестра... — нерешительным голосом проговорила Мира, глотая слезы. — Утром я говорила с ней.. Если сказать точнее, то это она говорила со мной. Она сказала, что я лишь очередное увлечение... Что у тебя таких много.. Что твоей единственной любовью была Марго, а я — я просто средство забыться. Кто такая Марго?

Олег бережно взял погладил её лицо.

— Посмотри на меня, Мира. Послушай внимательно, — его голос вибрировал, низкий и решительный, но в нём слышалось что-то хрупкое, будто он сам боялся, что она не поверит. — Марго была моей женой. Трагедия унесла её жизнь десять лет назад. Мы попали с ней в аварию. Её привезли в больницу с травмами ещё живой, но молоденький врач со своей практиканткой допустили роковую ошибку прямо на операционном столе... Маргарита умерла. И после этого все

десять лет мое сердце было мёртвым — по-настоящему, не образно. Оно просто перестало чувствовать, биться по-человечески. Я научился жить без него — и думал, что так будет всегда.

— Ооо.. прости, я не знала, ты так страдал..

Он на секунду запнулся, будто сам впервые произнёс это вслух, без прикрас и без оправданий.

— До того самого дня, пока я не встретил тебя, — продолжил он тише, но от этой тишины слова звучали еще весомее. — Ты — не чьято тень. Ты не попытка забыться и не способ заглушить боль. Ты — отдельная, настоящая, живая. И то, что я чувствую к тебе, не имеет ничего общего с тем, что было раньше. Ради тебя я сделаю невозможное — не потому, что пытаюсь убежать от прошлого, а потому, что только рядом с тобой оно наконец перестает меня убивать.

Мира всхлипнула, и по ее щеке скользнула слеза, которую он тут же вытер большим пальцем — мягко, почти невесомо, как стирают пыль с чего-то бесконечно дорогого. Она хотела что-то сказать, но не нашла слов, и вместо этого просто прижалась лбом к его ладони, позволяя себе на секунду перестать быть сильной.

Спустя мгновение сердце Мира пропустило мощный, болезненный удар, а в груди вспыхнул панический ужас. Десять лет назад... Молодой хирург и его практикантка... Воспоминания нахлынули внезапно. Сразу вспомнился тот самый ночной ад из ее юности, когда она, будучи совсем мо-

лодой студенткой, беспомощно стояла за спиной Константи-на Звонкова, пока тот совершал фатальную, непроститель-ную ошибку на дежурстве! О боже, неужели той умирающей женщиной была жена Олега?!

Миру сначала обдало жаром. Потом, на нее как будто вы-лили ведро родниковой воды: Так стоп!

А что будет, если Олег обо всем узнает? Вдруг он захочет копать глубже, потом поднимет архивные медицинские кар-ты той ночи? Если узнает ли, что именно Звонков Констан-тин и она находились в той операционной? Интересно, что сохранилось с тех времен...

Олег заметил, как она резко побледнела и застыла, будто выключилась из реальности. Но он списал это на шок и уста-лость — на последствия пережитого после разыгранного по-хищения, на то, как близко она подошла к краю. Для него сейчас было важнее не разбирать её молчание, а успокоить.

Он принял решение за двоих. Раз и готово.

Олег достал телефон и коротко отдал приказ личному пи-лоту:

— Саш, приготовь борт. Мы вылетаем через час.

Повернувшись к Мире, Олег ласково приобнял ее за пле-чи:

— Мы улетаем. Прямо сейчас, на моем личном самолете — на Лазурный берег во Францию. Никакой прессы, ника-кой клиники, никаких врагов и родственников. Только ты и я. Там ты расслабишься. Мы не будем прятаться, а просто

будем вместе, получше узнаем друг друга.

Глава 13. Лазурный берег и тайные страхи

Частный самолет Вересова мягко коснулся взлётнопосадочной полосы в аэропорту Ниццы в тот самый миг, когда солнце, клонясь к горизонту, заливало небосклон нежными оттенками персика и розового золота — будто художник небрежно смешал краски на огромном холсте. Из аэропорта их мчал белоснежный открытый кабриолет вдоль побережья Лазурного Берега. Вечерний морской бриз приятно освежал горящие щеки Миры, но душевное смятение не отпускало её ни на секунду.

Мира сидела на переднем пассажирском сиденье, подняла руки вверх и закричала:

— Ааа... свобода! Я лечу!

Олег посмотрел на неё и нежно провел рукой по развивающимся на ветру волосам.

Через полчаса поездки они уже были около роскошной виллы Олега, скрытой в уединенной бухте Сен-Жан-Кап-Ферра, которая встречала их тихим шумом прибоя, пьянящий аромат цветущих олеандров и прохладой легкого ветерка. Отсюда открывался завораживающий вид на бескрайнее, мерцающее в сумерках Средиземное море.

— Добро пожаловать домой, Мира, — тихо и бархатисто

произнес Олег. — Здесь будем только ты и я.

Он подошел сзади, бережно обнял её за талию и прижал к своей широкой, сильной груди. А тем временем слуги бесшумно, почти незаметно, уносили их немногочисленные вещи, растворяясь в полумраке коридоров.

— Здесь невероятно красиво, Олег... Но я все еще чувствую себя так, словно сплю и боюсь проснуться, — прошептала Мира, опуская голову ему на плечо — Будто стоит только моргнуть — и всё исчезнет. Или станет ещё хуже.

Он чуть крепче сжал её в объятиях, но так, чтобы не сдавить, не напугать — только дать почувствовать опору.

— Это не сон. Больше никто не посмеет причинить тебе боль или обвинить в чем-либо, — его голос вибрировал от властной, несокрушимой уверенности. Олег развернул ее к себе и приподнял ее подбородок — Я не позволю.

Мира на мгновение прикрыла глаза, вдыхая запах его парфюма, смешанный с солёным воздухом моря. На долю секунды ей даже показалось, что она может позволить себе выдохнуть. Но где-то глубоко внутри всё равно оставался тот колючий, упрямый страх: прошлое не исчезает просто потому, что ты уехал на другой конец света. Оно ждет своего часа.

Олег продолжал, будто читая ее мысли:

— На ближайшие дни весь этот мир принадлежит только нам. Посмотри на меня, Мира. Скажи мне, о чем ты молчишь весь полет?

— Я... я просто пытаюсь привыкнуть к тебе, — честно

призналась Мира, встретившись с его темным, гипнотизирующим взглядом. — В клинике ты был тихим пациентом в палате. Потом — властным человеком в дорогом костюме, распоряжающимся моей жизнью. А здесь... ты другой. И это пугает меня еще сильнее.

— Чем я тебя пугаю? — Олег чуть наклонил голову, и его губы тронула теплая, почти невидимая усмешка. Он скользнул ладонью по ее щеке, вырисовывая подушечкой пальца скулу.

— Тем, как быстро ты заставляешь меня забыть обо всем на свете, — тихим шепотом выдохнула Мира, чувствуя, как от его прикосновения перехватывает дыхание. — Я отдала десять лет хирургии, верила человеку, который растоптал мою жизнь за один вечер. Я училась быть сильной, никому не доверять... А рядом с тобой я ломаюсь. Я открываюсь тебе, даже не зная, что ждет нас завтра.

Олег прижал ее ближе, заставляя почувствовать каждое бешенное биение своего сердца.

— Я не хочу, чтобы ты была сильной со мной, Мира. Я хочу, чтобы ты была моей. Единственным «завтра», которое меня волнует, это то, в котором ты просыпаешься в моих руках. Не как боец, не как та, что держит удар за ударом. А как женщина, моя любимая женщина.

Пока Мира принимала ванну, позволяя прохладной воде хоть немного остудить внутреннюю панику, которая никак

не хотела униматься, Олег стоял в отдаленном рабочем кабинете виллы. Было уже темно за окном и стрекотали цикады.

— Слушаю тебя, Игорь, — почти сразу ответил на звонок мобильного телефона Олег.

— Олег Сергеевич, мы полностью подняли внутренние сводки и логи, — раздался в трубке голос начальника безопасности, чуть приглушенный помехами связи. — Взрывчатка в особняке была заложена с использованием ваших личных сервисных кодов доступа. Пропуском такого уровня обладали всего три человека: вы, ваша сестра Ирина и её муж — Иван Тропинин.

Олег чуть сильнее прижал к уху телефонную трубку. Подозрения, возникшие еще в портовом ангаре лишь смутным, злым предчувствием, теперь обретали осязаемую форму. Никаких случайностей. Никаких совпадений.

— Назначить за Тропининым скрытое круглосуточное наблюдение, - ровным, прямолинейным тоном распорядился Вересов. — Перехватите все его счета и зафиксировать звонки. Ну ты сам знаешь, как действовать в такой ситуации.

— Понял вас, босс. Всё сделаем в наилучшем виде. Будут ли еще поручения?

На секунду в трубке воцарилось тишина, затем раздался голос Вересова:

— Да, точно.. Игорь... Мне нужно архивное дело десятилетней давности. Дело о автокатастрофе, в которой погибла моя жена. Мне нужны полные списки операционной бригады

той ночи, заключения. Все что сумеешь нарыть. Рой землю.

— Понял, принял. Все сделаю, только на это может потребоваться чуть больше времени. — ответил Игорь.

Отключив связь, Олег закрыл глаза. Круг сжимался. Но повернувшись в сторону террасы, где показалась Мира в легком шелковом платье, он мгновенно сбросил с себя весь груз мрачных мыслей.

Прямо сейчас эта женщина нуждалась в его тепле, и он не намеревался отравлять её покой ревностью и расследованиями.

Ближе к полуночи они спустились по пологим каменным ступеням виллы прямо на закрытый, уединенный песчаный пляж. Лунная дорожка ярко сияла на зеркальной поверхности моря, мелкий бархатный песок был ещё тёплым от дневного солнца, а тихое сопение волн создавало интимную, волшебную атмосферу.

Мира на секунду замерла, услышав вдалеке резкий крик чайки — он ударил по нервам, как чужой оглас, и в груди снова шевельнулся страх: *«А вдруг это знак, что нельзя забывать? Что нельзя просто раствориться в нём»*. Олег сразу уловил перемену в ее лице — он не тянул её в этот момент к себе, не стал давить, а просто романтично взял за руку, давая ей пространство, которого она сейчас отчаянно просила.

— Мира... Ты где? Ты снова улетаешь мыслями куда-то далеко, Мира, — с нежностью прошептал Олег, убирая растре-

панную морским ветром прядь с её лица. — О чем ты думаешь? Хочешь, давай поговорим об этом... Все еще думаешь о похищении? Как оказалось, это странный бизнес разговор был.. Прости.

— Да нет.. Я... я просто боюсь, Олег, — честно призналась Мира, сглатывая подступивший ком в горле и поднимая на него глаза, полные слез и затаенного страха. — Боюсь своего и твоего прошлого. Боюсь, что однажды ты взглянешь на меня и поймешь, что я... Что я не смогу сделать тебя счастливым, что ты пожалеешь о каждом слове, сказанном мне.

— Ах ты моя глупенькая, — его низкий голос был наполнен глубокой, обволакивающей нежностью и сдавленным желанием. — Посмотри на меня. Ты — единственное, что вернуло меня к жизни. Единственное, что заставило мое сердце биться снова за эти десять лет. Забудь про прошлые тени. Сейчас есть только ты и я.

— А если про прошлое нельзя забыть? — выдохнула Мира, пропуская его теплые пальцы сквозь свои. — Если оно разрушит всё, что между нами зарождается?

— Я не дам ничему разрушить то, что принадлежит мне, — его голос звучал бархатисто, указывая на точку в их печальном разговоре.

Олег властно и вместе с тем бесконечно бережно привлек ее к себе. Его губы накрыли ее губы в требовательном, горячем поцелуе, от которого у Миры мгновенно перехватило дыхание. Это не был просто поцелуй - это было отчаянное,

голодное признание, сжигающее все её страхи и сомнения дотла. Вересов опустился вместе с ней на мягкий, прогретый песчаный берег, увлекая в пучину неистовой, безудержной страсти. Морская волна накатила чуть выше, облизала край песка, смочив их жаркие тела теплой водой, и отступила, оставив после себя блестящий под луной след и ощущение, что мир в эти минуты сузился до них двоих.

Шорох волн сливался с их рваным дыханием, томными вздохами и шепотом признаний. Прикосновения Олега были обжигающими и невероятно сильными: его широкие ладони властно скользили по её тонкому шелку, обнажая нежную кожу, заставляя Миру забыть обо всех страхах, сомнениях и муках совести. Вся её нерешительность растаяла в этом испепеляющем жаре.

— Олег... — едва слышно простонала Мира, выгибаясь в его руках и отдаваясь этому чистому, приятному чувству.

— Ты моя, Мира... Слышишь? Только моя, — низко, рокотал он у самого её уха, впиваясь губами в её чувствительную шею, оставляя влажные, горячие следы.

Она подавалась навстречу каждому его глубокому, уверенному движению, пропуская прохладный морской песок и его густые волосы сквозь пальцы, полностью отдаваясь властному и глубоко внимательному мужчине. В эту ночь на берегу Лазурного моря они выжгли прошлую боль, растворившись в ослепительной, удушающей вспышке единения, где каждое прикосновение было пропитано острой химией и

непреклонным желанием защитить друг друга от всего мира.

А в это же самое время на другом конце континента, в темном кабинете городской клиники, горела одинокая лампа. За столом сидел бледный, нервно курящий Константин Звонков. Напротив него стоял Иван Тропинин.

— Вересов улетел во Францию с этой дрянью Кравцовой! — прошипел Звонков, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. — Если Олег начнет рыть под меня из-за клиники и той статьи в газетах, он выйдет на архив десятилетней давности! Понимаешь, чем это грозит?! Мы оба сядем!

— Да успокойся же, ты ведешь себя как слизняк, — холодно и презрительно ответил Тропинин, прищулив скользкие глаза. — Вересов не должен ничего узнать. Мы переложим всю вину за подрыв особняка и старую медицинскую ошибку на саму Миру Кравцову. Мы выставим всё так, словно она — внедренный агент и шантажистка. И когда Олег узнает, кто именно стоял за смертью его драгоценной Марго, он своими руками уничтожит эту святошу.

Глава 14. Бомба из прошлого

Незаметно пролетела неделя. Каждый новый рассвет дарил влюблённым не просто впечатления, а что-то гораздо более хрупкое и ценное: моменты, в которых не нужно было ничего доказывать, не нужно было защищаться. Страсть сменялась познанием, а познание — легкой, почти невесомой безмятежностью от того, что достаточно просто быть рядом. Хотелось чтобы это состояние не заканчивалось.

Каждое новое утро на французском побережье было тихим и ослепительно солнечным. Прозрачные морские волны с тихим шорохом набегали на берег, а в воздухе витал густой аромат свежесваренного эспрессо и соленых брызг. Сегодня Мира проснулась от мягкого прикосновения — Олег сидел на краю кровати, смотря на неё с той глубокой, почти сокрушительной нежностью, которая всё ещё заставляла её сердце трепетать.

— Доброе утро, моя радость, — тихо произнес он, касаясь губами её лба и подавая чашку кофе и букет белых пионовидных роз, которые он приносил ей каждый день. — Может быть позавтракаем на террасе, а потом я покажу тебе уединенные гроты побережья... Мы там будем спрятаны от всех глаз, сможем искупаться в голубых водопадах. Мы там еще не были.

Мира улыбнулась, принимая кофе и вдыхая аромат свеже-

срезанных цветов. Затем она сделала маленький глоток кофе, чувствуя, как тепло медленно разливается в желудке.

— Звучит чудесно, — проговорила она чуть тише, чем хотела, и постаралась, чтобы голос не дрогнул. — Гроты... Водопады... Я бы очень хотела их увидеть.

Каждый день скрывать правду дальше становилось невыносимо. Каждое искреннее слово и действие Олега ранило её сильнее, чем вся ложь от Звонкова.

Спустя час, пока Мира собиралась на прогулку в комнате, Олег поднялся в кабинет. На его защищенный планшет пришло уведомление от Игоря: *«Архивные материалы по делу Маргариты Вересовой зашифрованы и прикреплены к письму»*.

Вересов смахнул замок, открывая скан желтого от времени врачебного протокола десятилетней давности. Графа за графой он пробежал взглядом медицинские термины, от которых сжималось сердце: травмы, несовместимые с жизнью, отек, остановка дыхания... Его взгляд опустился в самый низ документа, к блоку с подписями дежурной бригады.

Олег замер. Дышать стало трудно. Он растегнул верхнюю пуговицу своей рубашки, добавляя себе воздуха, а пальцы, державшие планшет, с такой силой схватились за тонкий корпус, что экран, кажется, вот-вот затрещит.

В отсканированном документе ровными черными чернилами было выведено:

Ответственный хирург: Звонков К. В.

Ассистирующий интерн: Кравцова М. А.

Воздух в кабинете в секунду стал мертвым. Фамилия Миры сияла на белой бумаге рядом с человеком, сделавшим роковую ошибку. Мысли в голове Вересова закружились в диком, разрывающем душу хаосе. Она знала? Знала с самого начала? С момента, как он поступил в палату под чужим именем? Она все это время мне лгала? Почему она не сказала сразу? Поток мыслей захлестнул его голову, мешая сосредоточиться.

Он открыл окно, закрыл на минуту глаза.. И попытался совладать с собой.

Олег медленной твердой походкой зашел в комнату. Миры уже там не было. Он хлопнул дверью и последовал на террасу, на первом этаже. Его шаги были тяжелыми, а лицо превратилось в непроницаемую маску, которая не выражала эмоций. Мира стояла у перил в легком голубом платье, едва прикрывающем ее прекрасные бедра. Она смотрела на море, куда-то вдаль. Услышав шаги Мира повернулась к Олегу и хотела побежать и прильнуть к нему, как вдруг увидела его взгляд — холодный, полный оглушительной боли и недоверия.

— Олег... Что произошло? — с замиранием сердца выдохнула она, отступая на шаг назад.

Вересов молча повернул к ней экран планшета.

Мира взглянула на документы, и весь мир вокруг неё рухнул. Лицо девушки моментально побледнело, а из глаз хлынули горячие, сдавленные слёзы. Испуг.

— Посмотри мне в глаза и скажи правду, Мира, — его голос звучал низко, сдавленно, словно каждое слово давалось ему с невероятной физической болью. — Ты знала кто я? Ты знала, чья жизнь десятилетие назад была у вас на столе?

— Нет! О Боже, Олег, нет! — в отчаянии выкрикнула Мира, судорожно хватая его за руки, но он отстранил и строгим, властным движением освободил руку. — Я поклянусь чем угодно! Когда тебя привезли с ранением, я понятия не имела, кто ты! Я узнала твое настоящее имя только тогда, когда ты сам сказал его мне на съемной квартире!

— А про Марго? — жестко перебил её Олег, не спуская с неё темного взгляда. — Когда я рассказывал тебе про аварию и смерть своей жены... ты же поняла всё именно тогда? Ты поэтому все время нахождения здесь, со мной, витала где-то далеко?

— Да! — захлебываясь слезами, выдохнула Мира, проглатывая окончания слов. — Когда ты сказал про молодого врача и практикантку, меня словно током ударило! Десять лет назад я была всего лишь зелёной студенткой на одном из первых дежурств у Звонкова... Когда Маргариту привезли, она была в критическом состоянии. Я умоляла Константина не трогать сосуд, вызвать главного сосудистого хирурга, но он был самонадеян и пьян от собственного эго! Он кричал

на меня, отталкивал и совершил ту роковую ошибку прямо на моих глазах! Я пыталась остановить кровотечение сама, но он не дал мне скальпель! После её смерти он свалил всё на тяжесть травм и заставил меня замолчать под угрозой лишения диплома!

Мира бессильно опустила плечи, плача навзрыд:

— Я жутко боялась тебе признаться... Боялась, что ты согласишься на меня вот так как ты согласишься сейчас! Посмотришь на меня с ненавистью и решишь, что я сообщница человека, убившего твою жену! Прости меня, Олег... Пожалуйста, прости! Прости если сможешь...

Олег смотрел на плачущую перед ним женщину, но в его глазах больше не было привычного тепла. Кто-то нажал кнопку и выключил электричество между ними.

Лишь пустота, никаких прежних чувств.

— Прекрати эти оправдания, Мира, — его голос прозвучал как удар, как приговор, не оставляющий места для возражений.

— Ты слишком умна, опытна и расчетлива, чтобы разыгрывать из себя беспомощную дурочку. Десять лет ты молчала, еще ты собиралась выйти замуж за убийцу мой жены. Ты помогала ему строить карьеру, молча смотрела в глаза его грехам. Когда я с тобой познакомился, ты не выглядела напуганной, ты была обманутой, но не запуганной! А в моей палате... ты предпочла снова промолчать. Ты все знала. Ты все понимала.

— Олег, это не так! Я не могла... — попыталась парировать Мира, сделав шаг к нему.

— Хватит. Замолчи, дрянь. Я не хочу тебя больше видеть, — сурово перебил её Вересов, отворачиваясь к морю. — Мы возвращаемся прямо сейчас.

Обратный путь превратился в настоящий кошмар. Весь перелет на самолете и дорога из аэропорта прошли в оглушительной, давящей тишине. Олег сидел у окна, отгородившись от нее невидимой стеной, а Мира тихо плакала, смотря на пролетающие за стеклом облака и понимая, что их сказка рухнула, сломалась. Земля ушла из-под ног.

Автомобиль затормозил у знакомой пятиэтажки на окраине города. Водитель молча выгрузил ее вещи из багажника и занес к дверям съемной квартиры.

Олег даже не вышел из машины. Он даже не повел взглядом. Дверь закрылась, и представительский седан быстро скрылся в потоке машин, оставляя Миру одну на холодном асфальте с разбитым сердцем. Это был окончательный разрыв.

Глава 15. Тихий яд и продуманный шаг

Скромная съемная квартира встретила Миру полной темнотой, холодом и одиночеством. Войдя в прихожую, она бес- сильно опустилась прямо на пол у порога, даже не сняв паль- то. из-за длительного отсутствия мебель и пол покрылись се- рой пылью. Пыль.. Романтическая история Кравцовой Ми- ры и Вересова Олега также растворилась в этой пыли. А в ушах до сих пор стучал несмолкаемых голос Олега: *«Я не хо- чу тебя больше видеть, дрянь»*. Каждое слово обжигало ду- шу и будто впивалось мелкими иголочками в самое сердце, где еще несколько часов назад была любовь. Мира пыталась собрать себя по кусочкам, но горячие слезы обжигали щеки. Ей казалось, что вместе с доверием Вересова она потеряла последнюю опору в этой жизни. Она сидела, прижав колени к груди, и смотрела в одну точку — на облупившийся плинт- ус, на тонкую трещину в полу и думала: *«Что теперь?»*.

В это же самое время на верхнем этаже стеклянного небо- скреба «Veresov Diamonds» рабочий кабинет погрузился во тьму. Олег стоял у огромного окна, глядя на ночной мега- полис. В руке грелся хрустальный стакан с нетронутым шот- ландским виски. Он нервно крутил его, разглядывая тающие кубики льда. Сердце миллиардера, только что ожившее для

новой любви, снова сковал суровый панцирь. Он твердо решил заглушить душевную боль работой.

Вересов сел за свой стол, включил экран компьютера и начал перебирать финансовые отчеты, схемы поставок и выписки, зарываясь в бумаги и изучал компромат на Звонкова и своего зятя Ивана Тропинина, который стоял за подрывом дома и покушением. Олег намеревался уничтожить всех, кто был причастен к предательству через суд и финансы.

Среди всех этих документов и графиков время от времени мелькали обрывки сказочных воспоминаний: как Мира смеялась, когда волна окатила её до колен и они побежали купаться в море прямо в одежде; как она хмурилась, разбирая какойто сложный отчет по алмазному месторождению, который он ей сунул «просто посмотреть»; как в её глазах на секунду появлялась та самая уязвимость, которую она так старательно прятала. И каждый такой образ ударял точно в грудь, заставляя руку вновь и вновь бросать ручку, не давая написать ни слова.

Он не позволял себе останавливаться на этих мыслях. Сомнений не должно быть. Нельзя! Потому что стоило только на секунду остановиться, и вся его выстроенная защита рухнула бы под тяжестью одного простого вопроса: «А если ты ошибся в ней?».

Тем временем в элитном ресторане встретились Иван Тропинин и Константин Звонков. Они не замечали ни кра-

соты вечера, ни уюта в убранстве ресторана. Их интересовало только одно: как превратить чужую боль в свою победу.

Новость, которую Тропинин выведал у подавленной, раздавленной ссорой с братом Иришки, кардинально меняла все расклады: Олег и Мира окончательно расстались, они вернулись из Франции никем друг для друга.

— Какая удача, — с желчной ухмылочкой проговорил Тропинин, проглотив рюмку коньяка. — Эх.. А эта идея с обвинением этой Кравцовой в шантаже нам больше не нужна. Не будем спешить. Это лишнее. Мы заставим этого напыщенного и самоуверенного Вересова самого загнать себя в петлю.

Звонков прищурился, постукивая пальцами по столу. Его движения выдавали сомнение и нервозность — он всегда рубит с плеча, без раздумий, а сейчас от него требовали осторожности, и это его аж бесило.

— Что ты задумал, Иван? — процедил он, наклоняясь вперед, словно их кто-то подслушивает.

Тропинин не спешил отвечать. Он спокойно разделал кусок сочного стейка средней прожарки, все как он любит, и потом заговорил:

— Мы возобновим уголовное дело о гибели Маргариты Вересовой, — холодно сказал Тропинин. — Я уже одному следователю из областного управления. И знаешь что? Он готов за солидный куш подменить материалы той старой ав-

токатастрофы. Мы сошьем это так, словно виновником аварии был сам Олег — это он находился за рулем в состоянии опьянения, а медицинские заключения были сфальсифицированы по его указке. Пусть Вересов роет землю под твою клинику — он сам приведет следаков прямо к сфабрикованным уликам против себя.

Звонков расплылся в злорадной улыбке.

— А ты, Костян, давай не улыбайся. Езжай к “своей” Мире и успокаивай ее, нам будут нужны ее показания в суде, нельзя, чтобы она нам все испортила.

Хитрый, неторопливый план позволял им выйти сухими из воды и свалить всё на самого миллиардера.

Позже, этим же вечером к дому Миры тихо подкатил представительский седан Константина Звонкова.

Константин не чувствовал ни капли вины за то, что разрушил жизнь женщины, которая отдала ему столько лет. В его гнилой душе клокотали лишь подлая гордыня и уязвленное самолюбие. Вересов бросил её, а значит, настало идеальное время вернуть контроль над Мирой. Звонкову не нужна была ее любовь — ему нужен был её безотказный талант хирурга, а главное, он жаждал убедиться, что она не станет лишним свидетелем его прошлых грехов и не расскажет правду следователям. Константин намеревался притвориться убитым горем, глубоко раскаивающимся женихом. Он был готов ползать на коленях, клясться в вечной верности, рыдать и

разыгрывать из себя жертву обстоятельств — лишь бы снова привязать её к себе, подставить плечо в момент её наибольшей уязвимости, а затем использовать и выбросить, как только опасность окончательно минует.

Поправив манжеты дорогого пиджака и натянув на лицо фальшивую маску страдающего раскаяния, Звонков поднялся по лестнице и нажал на кнопку дверного звонка. В тишине квартиры резкий громкий звонок заставил Миру вздрогнуть. Ее раненое сердце заколотилось с безумной силой. В душе вспыхнула отчаянная, последняя надежда: *Олег! Это он! Он осознал всё, пожалел о своих словах и приехал за ней!* Утерев слезы, Мира быстро поднялась с пола и на крыльях этой мысли подбежала к двери, судорожно берясь за дверную ручку...

Глава 16. Сети лжи и тень заговора

Мира с замиранием сердца открыла дверь. Она была готова броситься на грудь Олега, попробовать все объяснить, но слова застряли у нее в горле. Ожидание и реальность не совпали.

— Ты? — заикаясь спросила Мира.

На пороге стоял Константин Звонков. На его лице застыла тщательно отрепетированная маска глубочайшего раскаяния, боли, будто он сам верил в трагедию, которую отыгрывал перед ней.

Пошатнувшись назад, Мира испытала шок и отвращение. Ей был противен даже взгляд этого человека. Опомнившись, она с силой попыталась захлопнуть дверь перед его носом, но Звонков был к этому готов. Он грубо просунул ногу в щель, плечом толкнул створку и шагнул в прихожую, закрывая за собой дверь. Было ощущение, что этим жестом ограничивал ее в праве решать, кого впускать в свою жизнь.

— Выйди вон! — голос Миры сорвался на звонкий крик. — Пошел прочь из моей квартиры!

— Мира, да послушай же ты меня! Выслушай ради всего, что между нами было! — Константин раскинул руки, а его голос дрожал от театральной драматичности. Он ловко пытался выставить себя главной жертвой в этой дешевой игре. — Ты пропала после выступления на приеме, ничего не

объяснив! Я искал тебя, сходил с ума! Я каждый вечер ждал, что ты появишься у себя дома и мы поговорим! А потом... эти дикие статьи в таблоидах о твоей связи с миллиардером! Да я был шокирован этим! Ты не могла же так поступить со мной, после трех лет совместных планов?! Что я должен был думать, Мира?! Как мне нужно было себя вести, когда моя невеста просто исчезла?!

— Хватит лгать! Сколько можно? — Мира стукнула кулаками в твердую грудь Звонкова, но этот удар вышел не сильным — скорее от отчаянья, а её глаза налились слезами обиды и бессилия. — Я больше не твоя невеста. Не надо тут спектаклей! Ты забыл, почему я ушла?! Я видела тебя с той вертихвосткой, кажется ее зовут Кристина, в кабинете! Видела своими глазами как ты развлекался с ней, слышала весь ваш душевный разговор!

Звонков судорожно вздохнул, сделав шаг ближе и заглядывая ей в глаза с мольбой:

— Это была роковая ошибка, Мира! Помутнение! Я безумно нервничал перед банкетом, выпил лишнего... Эта девица сама вешалась на меня, а я поддался слабости! Да я мудака! Ударь меня! Но та случайная связь, она ничего не значит для меня! Я люблю только тебя, слышишь? Ты — вся моя жизнь! Давай забудем этот кошмар и начнем всё сначала. Простим друг другу ошибки и простим наши измены...

О боже, как же Мира устала. Устала от правды и лжи, от

выяснения отношений то с одним мужчиной, то с другим. Да почему же ее не могут оставить одну, чтобы подумать. Слова о «взаимной измене» больно резали по живому, но сил спорить почти не оставалось. Было больно. В памяти вспыхнул тяжелый разговор с Олегом во Франции и горький призрак прошлого, не дававший ей успокоиться.

— Послушай, я хочу спросить. Помнишь, та женщина... — тихим, неуверенным голосом произнесла Мира, поднимая на него затуманенный взгляд. — Пациентка, которая погибла у нас на столе десять лет назад. Ты знал, кто она? Знал, что она была женой Олега, Маргаритой Вересовой?

Звонков на секунду замер, но мгновенно взяв себя в руки, выдал виртуозную, подлую ложь. На его лице показалась наигранная горечь:

— Слушай, что за чушь ты несешь, Мира?! Откуда я мог знать?! В ту ночь её привезли под другой фамилией, она была без сознания! Мы делали всё, что могли, мы спасали её жизнь! Разве мы с тобой были виноваты в тех многочисленных травмах?! Это эти олигархи и их разборки сделали нас крайними! А сейчас Вересов просто ищет виноватых в своей давней боли и использует тебя. Да он банально использует тебя, чтобы отомстить! Нам нужно держаться вместе, Мира. Только мы понимаем, через какой ад прошли тогда...

Он попытался обнять её за плечи, как это делал всегда, когда видел что мира начинает сомневаться - будто тепло тела могло заменить правду, но в этот раз она оттолкнула его ру-

ки, уходя к окну.

— Не смей! Никогда не смей трогать меня! — коротко сказала она. Голова кружилась от лжи, манипуляций и сомнений. Вересов бросил ее, назвав расчетливой, а Звонков клялся в любви, просил прощения, выставляя себя жертвой обстоятельств.

Мира окончательно запуталась и перестала понимать, где истина, а где предательство. — Уходи, Костик. Уходи прямо сейчас. Я не хочу тебя видеть.

— Мира... Я уйду, Мира, — мягко, с наигранным пониманием произнес Звонков. — Я дам тебе время прийти в себя. Но ты запомни, милая.. что я уже простил тебя, не нужно ничего объяснять мне: ни где ты пропадала, ни что у тебя было с этим Вересовым. Я лишь хочу вернуть нашу любовь, хочу чтоб ты тоже могла меня услышать и простить.

Дверь тихо закрылась за ним, и в квартире снова повисла оглушительная тишина — та самая, что бывает после грозы, когда воздух ещё дрожит, но гром уже стих. Мира подошла к окну и прижалась лбом к стеклу. Внизу город жил своей обычной жизнью: мелькали фары, кто-то смеялся на углу, кто-то спешил домой.

Как же просто и понятно всё было в её жизни раньше, когда дни текли своим чередом, без миллиардеров, тайн, заговоров и разбитых надежд...

Выйдя из подъезда и сев в свой автомобиль, Звонков на-

конец мог сбросить маску страдальца. На его губах заиграла самодовольная, торжествующая ухмылка. Он сразу набрал номер Ивана Тропинина.

— Вань, рыбка на крючке, — с показным превосходством проговорил Звонков в трубку. — Она сломлена, запугана и не знает, кому верить. Вопрос лишь времени. Я дам ей немного оттаять, и она снова окажется в плену моего обмана и сделает всё, что нам нужно. Ты даже не представляешь как я был хорош, мне присудили бы оскар.

— Да ты красавчик, — отозвался Тропинин. — А я как раз еду на встречу с нашим человеком. Потом поговорим.

Спустя полчаса крузак Тропинина остановился в сквере на краю города. Здесь не было дорожных камер, редко проходили люди. Идеальное место для грязных дел. Из подъехавшей служебной машины вышел мужчина в строгом костюме — следователь областного управления Рыков Алексей Александрович. В его глазах читалось желание пожить, обогатиться, а свою совесть он оставлял в рабочем кабинете в полном одиночестве.

Тропинин опустил стекло и передал Рыкову плотный кожаный пухлый конверт.

— Здесь всё, что нужно для возобновления дела о гибели Маргариты Вересовой, Алексей Александрович, — уверенно произнес Иван. — Проведите экспертизу так, чтобы все нити вели к Олегу Вересову, все свидетели по делу скажут нужную нам информацию, не сомневайтесь. Пусть наш мил-

лиардер попробует отмыться от этого.

Рыков взвесил конверт на ладони, кивнул и коротко ответил:

— Сделаем в лучшем виде, Иван Константинович. Завтра дело будет официально открыто.

Глава 17. Процессуальное удушьё и слепая ярость

Утро в главном офисе «Veresov Diamonds» началось не с привычного шуршания биржевых сводок, а с громкого стука в дверь. В кабинет Олега без приглашения вошел следователь областного управления Рыков Алексей Александрович в сопровождении двух оперативных сотрудников и понятых.

— Вересов Олег Сергеевич? — мрачно произнес Рыков, вынимая из кожаной папки официальную бумагу. — На основании вновь открывшихся обстоятельств было возобновлено уголовное дело по факту гибели вашей супруги, Марго Вересовой. Вот постановление об обыске и вызове на допрос в качестве подозреваемого.

Олег даже не поднялся из-за стола, подарив следователю свой суровый, пренебрежительный взгляд:

— Новые обстоятельства? Какие же это обстоятельства вы обнаружили, Алексей Александрович, спустя десять лет? Вы бредите, вам нужно к врачу.

— Ничуть, — Рыков положил на стол документы с подписями и печатями. — Поступили экспертные заключения и показания свидетелей. Согласно им, десять лет назад вы находились за рулем автомобиля в состоянии алкогольного опьянения и спровоцировали ту роковую автокатастрофу. А

после — использовали свое влияние и деньги, чтобы скрыть этот факт, а также свалить смерть вашей жены на врачебную ошибку. Кажется, что это вам, Олег Сергеевич, нужен хороший адвокат.

Оперативники тут же начали вынимать из сейфа документы и жесткие диски. Вересов чуть сжал челюсти. Его опытный, искушенный разум мгновенно оценил обстановку: это была идеально выверенная, бюрократическая ловушка. Его пытались связать по рукам и ногам судебными исками, лишить свободы движения и заблокировать счета. Вересову срочно нужен был его лучший адвокат.

Едва Рыков с понятыми и изъятыми материалами покинули кабинет, оставив повестку на допрос, в комнату бесшумно прошмыгнул Игорь. Его лицо было мрачнее тучи.

— Олег Сергеевич, мы уже вызвали нашего юриста, — начал Игорь, но его голос замялся. — Но есть еще кое-что... Во время наблюдения за объектами наша группа зафиксировала вчера поздно вечером встречу.

— Говори, чью? — отрезал Олег, наливая себе полстакана виски.

— Звонков... Звонков вчера поздно вечером приезжал к съемной квартире Миры Кравцовой, — тихим, осторожным тоном сообщил Игорь. — Он поднялся к ней и пробыл внутри около часа. Вышел оттуда вальяжный, с довольной усмешкой... Рубашка была расстегнута на пару пуговиц, гал-

стук он нес в руках, пиджак на плече — вид крайне растрепанный... Как бы помягче сказать.. Вид был как у человека, только что покинувшего чужую постель после бурной близости.

Стакан из тяжелого хрусталя в руке Вересова разлетелся на сотни мелких, звенящих осколков. Алкоголь смешался с кровью на его ладони, но Олег даже не почувствовал физической боли. Все его спокойствие, весь самоконтроль рухнули в одну секунду, сгорая в адском пламени дикой ревности и предательства.

— Вон... — сдавленно, с низким первобытным рокотом выдохнул Олег.

— Босс... — попытался шагнуть к нему Игорь.

— Я сказал вон! — взревел Вересов так, что задрожали панорамные стекла небоскреба.

Едва Игорь выскочил за дверь, в кабинете начался настоящий ад. Вересов метнул со своего стола монитор, который с грохотом врезался в стену. Следом полетели стул, стеклянные графины, коллекционные статуэтки и стопки ценных бумаг. Он разносил свой кабинет собственноручно, выпуская наружу ту удушающую боль, которая разрывала его грудь на части.

Все ее слезы во Франции... Все её слова про любовь, про страхи прошлого, все ее трепетные вздохи на песчаном берегу Сен-Жан-Кап-Ферра — всё это оказалось лишь тон-

кой, расчетливой, профессиональной игрой! Она вернулась из Европы и в тот же вечер пустила Звонкова в свою постель! Он решил, что она помогала им стряпать эти поддельные улики, чтобы отправить его за решетку!

Эта мысль обжигала сильнее любой правды.

— Какой же я идиот.. А она.. А она просто подстилка... Обыкновенная, дешевая подстилка! Как права оказалась Ирка в этот раз! — рычал Вересов, продолжая ударять кулаком о стену, разбивая руки в кровь. — Никакая она не жертва... Актрисулька! Двуличная стерва, продававшаяся Звонкову за пару грошей! Эта парочка стоит друг друга!

Слепая, жгучая ревность застлала ему разум. Вересов стоял среди разгромленного кабинета, тяжело дыша, с окровавленными руками и опустошенным взглядом.

Если они думали, что загонят его в угол этой дешевой интригой — они жестоко ошиблись. Он растопчет их всех. Всех до единого.

Глава 18. Подлог и предательство крови

Кабинет следователя Рыкова пропитался душным запахом казенных бумаг и дешевого табака - застоявшегося, въевшимся в сам воздух. На фоне обшарпанного вида стен Олег Вересов казался здесь чужим: ровная осанка, дорогой костюм, бриллиантовые запонки на белой рубашке, аккуратная борода. Его разбитые в кровь руки были аккуратно обработаны бинтами, скрывающими следы недавней вспышки, а взгляд оставался непроницаемым, хоть внутри и бурлила разрушительная ярость. Он давно привык не показывать каждому встречному своих истинных чувств. По обе стороны от него расположились двое адвокатов компании. Они не делали лишних движений, не перебивали, не суетились.

— Итак, Олег Сергеевич, вернемся к вечеру той роковой аварии десятилетней давности, — с тяжелым давлением в голосе произнес Рыков, медленно перелистывая страницы обновленного тома. — По вашей версии, вы были лишь пассажиром, а за рулем находился ваш водитель? Так?

— Это не версия, следователь, а установленный следствие факт, — четко и спокойно ответил Вересов. — Я находился на заднем сиденье вместе с женой. Мы ехали домой после ужина с партнерами. За рулем был водитель, который поте-

рял управление из-за подрезавшего нас грузовика.

— Факт был отражен в деле именно так, ведь вы не подкупили всех, кого можно, — с едкой, ядовитой ухмылкой перебил его Рыков, выкладывая на стол свежие снимки и медицинские бланки. — У нас появились совершенно другие свидетельства. Всплыли архивные кадры с дорожных камер наблюдения за пару километров до места трагедии, где четко просматривается силуэт за рулем. Другие участники ДТП и пострадавшие в той аварии заново дают показания, утверждая, что из машины с водительского кресла выбирались именно вы. А сотрудники ДПС, оформлявшие документы на месте, и врачи скорой неожиданно вспомнили о первичном протоколе освидетельствования, указывающем на ваше сильное алкогольное опьянение. Все эти годы документы скрывались за огромные деньги.

Главный адвокат Вересова мгновенно поднялся, пресекая давящий допрос:

— Алексей Александрович, эти «новые» снимки сомнений качества и показания, всплывшие спустя десять лет с идентичными формулировками, прямо указывают на фальсификацию и заказной характер расследования! Все улики состряпаны на скорую руку. Мой клиент — крупный предприниматель и меценат. Прямых юридических доказательств его вины нет. Мы настаиваем на мере пресечения в виде подписки о невыезде!

Следователь долго и тяжело смотрел на Вересова, пытаясь

сломить его психологически. Но уверенность, нажим его адвокатов и спокойной вид миллиардера не давали больше зацепок. Раздраженно вздохнув, Рыков был вынужден подписать постановление о подписке о невыезде, выигрывая время для заговорщиков.

— Вы уж не уезжайте никуда, Олег Сергеевич, — язвительно добавил следователь, — я думаю, что мы с вами скоро встретимся. До свидания!

На выходе из здания прокуратуры Вересова встретила разъяренная толпа. Вспышки десятков фотокамер слепили глаза, репортеры ведущих каналов и желтых таблоидов перекрыли ступени, ведущие к автомобилю, выкрикивая провокационные вопросы:

— Господин Вересов! Правда ли, что вы сфабриковали дело о гибели собственной жены?!

— Вы правда находились за рулем пьяным десять лет назад?!

— Как это скажется на вашей финансовой империи?!

Олег даже не повел бровью. Он молча прошел сквозь плотное кольцо журналистов в сопровождении охраны, сел на заднее сиденье своего автомобиля и дал знак водителю трогаться в офис.

Репутация холдинга, создаваемая десятилетиями, дала глубокую, трещащую по швам брешь.

Едва машина затормозила у высотки «Veresov Diamonds», Олег быстрым шагом поднялся в главный зал заседаний. Но вместо рабочей атмосферы его встретили враждебные лица акционеров. Попечительский совет собрался на экстренное совещание без его ведома.

Во главе стола сидел Иван Тропинин со скользкой ухмылкой, а рядом с ним — Ирина.

В её глазах лихорадочно горел незнакомый, амбициозный огонь.

— Олег Сергеевич, — поднимаясь, произнес один из акционер холдинга. — В связи с возобновлением уголовного дела, обысками, скандалом в прессе и падением акций, совет директоров больше не может доверять вам управление. Мы выдвигаем на голосование вопрос о вашем отстранении от должности главы холдинга. И предлагаем кандидатуру Ирины Сергеевны Вересовой.

Олег перевел взгляд на сестру. В её глазах больше не было прежней сестринской любви — только жажда власти, денег и стремление выйти из его тени. Сбросив маску заботливой родственницы, Ирина выпрямила спину и заявила:

— Я готова взять на себя руководство и спасти семейное наследие Вересовых от краха. Олег, ты слишком заигрался.

Но Олег Вересов не был человеком, который станет молча проглатывать предательство и сдаваться без боя. Он создал империю с нуля, не собиравшись уступать соплякам и предателям.

— Вы совсем из ума выжили?! — его громкий голос взрезал звенящую тишину зала, заставив акционеров вздрогнуть. Олег шаг за шагом проходил за спиной акционеров, яростно стукнул по столу с такой силой, что зазвенели хрустальные стаканы. — Какая отставка?! На каких основаниях?! Вы верите поддельным бумажкам и газетной грязи?! Забыли, кто вытащил эту компанию из нищеты и сделал вас мультимиллионерами?!

Вересов смерил сестру и Тропинина смертоносным, испепеляющим взглядом:

— А ты, сестра... Ты решила поиграть в королеву? Думаешь, сможешь удержать этот штурвал своей неопытной ручкой? Ааа.. Знаю.. Думаешь тебе поможет твой подкаблучник? Ты и понятия не имеешь, каково это — вести за собой тысячи людей! Мое имя чисто, я невиновен, и я не отдам вам ни единого процента власти! Каждого, кто поднимет руку за этот заговор, я разорю лично до последней нитки! Никто из вас не смеет сбрасывать меня со счетов!

В зале заседаний разразился оглушительный скандал. Акционеры спорили, кричали, а Вересов тяжело дышал, готовый биться за свое имя и свою честь до самого конца.

Глава 19. Бегство в работу и внезапная тьма

Мира сидела на краю дивана в своей квартире, глядя в одну точку. Болело сердце. Болела душа. Она не могла больше прокручивать в голове колкие и режущие слова Олега. Ей надо было занять руки, а единственное, что она умела делать — это спасать чужую жизнь. В больнице не было места сомнениям, там нет разбитых надежд и горьких признаний — только четкость, яркий свет ламп и задача, которую нужно решить здесь и сейчас. Там она сама принимала все решения. Одна.

Решив собрать пазл из своей сломанной жизни заново, Мира достала телефон. Пальцы дрожали, когда она нажимала на контакт Константина, но она не дала себе ни секунды на раздумья — иначе страх и стыд снова взяли бы верх. Звонков ответил почти сразу. Он как будто ждал этого звонка. Его голос в трубке прозвучал сдержанно, он ликовал.

— Костя, я хотела... Вообще я готова вернуться, — проговорила она, стараясь, чтобы голос не сильно дрожал. — Хочу снова спасать людей, раз не могу спасти себя. Мне нужно работать.

Звонков едва удерживал торжествующий возглас: всё шло строго по его подлему, продуманному плану.

— Дорогая, — сказал Звонков уже мягче — Я рад, что ты пришла в себя. Это хорошо. Клиника нуждается в тебе. Ты — один из лучших хирургов, и мы не должны терять тебя изза эмоций. Завтра жду тебя на утренней планерке. И не переживай ни о чём: я всё улажу.

Она не стала уточнять, что именно он собирается «улаживать». Не хотела знать. Ей было достаточно того, что у неё снова появится цель, пусть даже эта цель будет лишь временной опорой, которая не даст ей умереть.

На следующее утро Мира переступила порог родной больницы. Знакомые коридоры, запах антисептика, приглушённые голоса медсестер, скрип тележек — всё это было таким привычным, почти родным, и в то же время чужим, будто она вернулась в дом, где больше не живёт.

После громкого публичного заявления Олега Вересова на пресс-конференции, где миллиардер официально опроверг всю грязную клевету и заявил, что берет её профессиональную репутацию под защиту, отношение к Мире изменилось. Коллеги встречали её натянутыми улыбками, теплыми словами поддержки и сочувствием, стыдясь прошлых шепотков за спиной.

Удивительно, но даже старшая медсестра, которая всегда относилась к ней с легкой прохладой, сегодня улыбнулась:

— Рада, что вы вернулись, Мира Андреевна. У нас сегодня сложный случай в третьей операционной. Так не хватает рук.

Мира кивнула, не зная, что ответить. Она не хотела ни благодарности, ни снисхождения. Хотела просто работать.

Константин от лица руководства клиники благодарил ее за возвращение на работу. В руках он держал роскошный, огромный букет орхидей. Звонков вел себя осторожно, вырисовывая перед публикой образ идеального, галантного и раскаивающегося мужчины. Он не позволил себе ничего лишнего: лишь мягко улыбнулся, осторожно поцеловал Миру в щеку и подхватил её сумочку, соблюдая аккуратную дистанцию, создавая в глазах окружающих иллюзию красивой истории воссоединения.

После планерки Мира пошла в свой кабинет, положила личные вещи, поставила цветы в вазу. Затем она надела халат, натянула шапочку и посмотрела на своё отражение в узком зеркале. Глаза были красными от бессонницы, лицо — бледным, но в этом бледном лице уже не было растерянности. Только решимость.

«Я просто буду делать свою работу, — повторяла она про себя, как мантру. — Только свою работу. Остальное потом».

Наконец она снова вошла в операционную. Вот работают приборы. В ее руки легли инструменты, на секунду ей показалось, что всё снова встаёт на свои места. Что она снова контролирует ситуацию.

Подходила к концу вторая неделя, как она вернулась на работу. Казалось, что жизнь постепенно входила в прежнее

русло - по крайней мере, внешне. Расписание Миры было похоже на эстафету без начала и конца: сложнейшие много-часовые операции, ночные дежурства, бесконечные обходы, разбор историй болезни до поздней ночи. Она “убивала” себя физически, отдавая работе все силы без остатка, будто надеялась, что, когда тело окончательно устанет, мысли перестанут терзать её душу. А боль в груди Миры все не утихала ни на день.

И хуже всего было то, что в редкие минуты тишины, когда коллеги расходились по домам, перед глазами снова вставал образ Вересова. Она любила его. Она страдала о нем. Она пробовала набрать его номер.. но видимо она была заблокирована в его телефоне, в его мыслях, в его сердце.

Мира пряталась в хирургии, фактически поселившись в клинике. Её шкафчик в раздевалке кабинета постепенно обрастал мелочами, которые раньше казались временными: запасной свитер, зубная щётка, маленькая фотография мамы, которую она ставила так, чтобы видеть её перед тем, как надеть шапочку. Для персонала она была доступна 24/7: «Мира Алексеевна снова на смене», «Мира Алексеевна в первой», «Мира Алексеевна, кажется, вообще не уходит».

Все это время Константин постоянно был рядом. Он проявлял ненавязчивое внимание: приносил кофе в кабинет, заботливо интересовался самочувствием, присылал цветы и вел себя так, словно между ними не было предательства, лжи и скандалов. Мира принимала его знаки внимания, но они ее

не волновали — она слишком устала. Ей хватало сил только на одно: делать свою работу.

Это была очередная экстренная операция на сердце, длившаяся уже больше пяти часов. В операционной все сосредоточенно работали, ритмично пикали мониторы жизнеобеспечения.

Мира стояла над пациентом с зажатым в пальцах зажимом. Внезапно перед её глазами все поплыло.

— Ой, что-то мне не хорошо.. — успела произнести Мира.

Свет ламп вспыхнул ослепительным белым пламенем, а звуки вокруг стали глухими и далекими, словно под водой. Дыхание перехватило, пальцы потеряли чувствительность, обмякли, а зажим со звоном выпал из её рук на стерильный лоток.

— Доктор Кравцова? Мира Алексеевна, вам плохо?! — испуганно выкрикнула ассистирующая медсестра.

Но Мира уже не слышала. Веки тяжелыми шторами опустились вниз, ноги подкосились, и она тяжело повалилась навзничь. В операционной вспыхнула мгновенная паника, мониторы тревожно заверещали.

Константин, ассистирующий на этой же операции, сразу подался вперед и успел подхватить её бессознательное тело у самого пола. Сорвав с лица маску, он с искренним испугом оглядел её бледное, как полотно, лицо, проверил пульс. Он

взял Миру на руки и выбежал из операционной, в каждом его шаге чувствовалась спешка.

— Чего стоите как бараны и смотрите? Мне нужна палата, Мире Алексеевне плохо! Живо! — проорал он дежурному персоналу. — И направьте быстрее хирурга для завершения нашей операции! Мы не можем терять ни секунды!

Коридоры клиники ожили в панической атаке: забегали медсёстры, покатались каталки, кто-то кричал в трубку, вызывая реанимационную бригаду.

Когда Миру уложили на кровать в палате, ее тут же окружили врачи. Кто-то измерял давление, кто-то подключал датчики, кто-то требовал анализы «ещё вчера». А Звонков стоял у изголовья, сжимая и разжимая кулаки, и смотрел на неё так, словно пытался силой воли заставить её открыть глаза.

— Что с ней?! Когда она очнется? — заорал он на кардиолога. — Что это было?!

— Пока не ясно, Константин — спокойно ответил врач, не сводя взгляда с показателей приборов. — Возможно сильное физическое истощение, нужно еще дождаться анализов. Сейчас главное — стабилизировать состояние. Я думаю, что она быстро придет в себя.

Звонков отступил на шаг. Он провёл ладонью по лицу, стирая капли пота, и вдруг замер, глядя на Миру, которая лежала неподвижно, с закрытыми глазами.

Глава 20. Пульс новой жизни

Кап.. Кап.. Мерный стук капельницы были первыми ощущениями, вернувшими Миру в реальность. Она медленно открыла тяжелые веки. Потолок светлой палаты расплывался перед глазами, а голова гудела от жуткой слабости. Рядом с кроватью сидел Константин, нервно сжимая в руках распечатанный бланк лабораторных анализов.

— Мира... Наконец-то ты очнулась, — тихо проговорил он, подаваясь вперед. — Работать по двадцать часов в сутки — это безумие. Пришли результаты твоих анализов крови... Мира, ты беременна.

Слова Константина прозвучали как гром среди ясного неба. В этот момент мир вокруг Миры словно замер. Она бессильно откинулась на подушки, пропуская через себя эту оглушительную новость. Ребенок, это же чудо! Под её сердцем зародилась новая жизнь... Жизнь от человека, которого она любила больше жизни, но который выгнал её, обвинив во всех грехах. В её мыслях вспыхнул образ Олега, тот самый первый вечер на песчаном берегу Лазурного моря, его ласковые и властные руки, его шепот и дыхание над ухом. Это был их ребенок!

Слезы хлынули из её глаз — в душе смешались дикая, трепетная нежность к крошечному пульсу внутри и тоска по мужчине, который бросил ее. Может быть... Может если он

узнает о ребенке..

В это же время Константин сидел рядом и смотрел на плачущую Миру, а в его голове бушевал свой собственный, подлый расчет. Осмотрев результаты её УЗИ чуть ранее в ординаторской, он с тихим ужасом увидел реальный срок — четыре недели. Ребенок точно от Вересова! Звонков сразу понял: этот ребенок навсегда закрепит связь Миры с миллиардером. Если Вересов узнает, он заберет её и раздавит Константина.

Именно поэтому Звонков за пару минут до входа в палату подкорректировал бланк в программе клиники, добавив к сроку полных три недели — чтобы в документах фигурировали семь недель, когда Мира еще жила с ним.

Каждому в этой комнате первое сообщение о беременности отозвалось своей собственной, глубокой мыслью.

Константин подался еще ближе, сжал её онемевшую ладонь и продолжить свой спектакль:

— Я изучил протокол УЗИ, Мира... Срок почти семь недель! Неужели ты не понимаешь?! Это наш с тобой ребенок! Судьба дала нам второй шанс! Этот малыш послан нам свыше, как знак нашей любви, знак того, что мы должны забыть прошлые обиды, отбросить весь кошмар и снова стать настоящей семьей! Я буду самым счастливым отцом!

Мира посмотрела на него с немой, тяжелой огорченностью. Она даже не подумала сомневаться в официальных документах УЗИ — усталость, эмоциональное истощение и

профессиональный авторитет клиники сделали свое дело. Названные семь недель прозвучали для нее как приговор. Последняя, тайная надежда на то, что это дитя Олега и что они смогут воссоединиться, мгновенно угасла, превратившись в холодный пепел. Сжав губы, Мира лишь беспомощно прижала ладонь к животу.

В это же самое время на противоположном конце города, в своем пентхаусе Олег Вересов перебирал финансовые бумаги. Пришел Игорь с папкой свежих отчетов по работе холдинга, которые необходимы были для восстановления своей должности.

— Олег Сергеевич... Сейчас поступила информация, — тихим голосом сообщил начальник безопасности. — Час назад Мира Кравцова потеряла сознание прямо во время операции. Состояние было тяжелым, её отнесли в палату для обследования.

Золотая ручка “Parker” в руках Вересова хрустнула и сломалась пополам.

Олег замер. Сердце миллиардера пропустило мощный, болезненный удар. Вересов отчаянно убеждал себя последние недели, что эта женщина для него мертва, потому что предала его. Но вот прямо сейчас, после слов Игоря, его накрыла волна безумного волнения за её жизнь.

— Какое ее состояние? — низким, сдавленным голосом проронил Вересов.

— Ее стабилизировали. Причина обморока — истощение и... беременность, — Игорь замялся, опустив взгляд.

При слове «беременность» в голове Олега на долю секунды вспыхнула совершенно неожиданная мысль. Ребенок! Он мысленно вернулся во Францию, к той жаркой ночи на побережье, и к другим сладким ночам после нее. *“Неужели это его ребенок?! Неужели судьба дает им шанс всё изменить, стереть обиды и спасти их любовь?!”* На мгновение его каменное лицо дрогнуло.

Но в следующую секунду Игорь договорил то, что окончательно разрушило эту мечту:

— Источники из клиники передают, что Звонков прямо сейчас объявляет всему персоналу больницы радостную новость: Мира беременна, у них скоро будет ребенок и они решили забыть все прошлые разногласия. Они снова официально вместе.

Олег медленно поднялся из-за стола. Сейчас что-то будет...

Глава 21. Петля удушья

Окончательно поверив, что Мира вернулась к Звонкову и носит под сердцем его ребенка, Олег Вересов перешел последнюю черту. В его душе больше не осталось места для сомнений, боли и нежности — лишь пустота и желание отомстить. Сидя в своем кабинете в полном одиночестве, миллиардер отдал единственный приказ: задействовать все финансовые, силовые и юридические рычаги, чтобы наказать каждого, кто стоял за его предательством. Силовые структуры должны были блокировать счета Тропинина и найти улики его причастности к покушению и взрыву, а аудиторы — обвалить акции и подсветить налоговые махинации клиники Звонкова.

Однако события разворачивались совсем не так, как рассчитывал Вересов. Сфабрикованное следователем Рыковым уголовное дело набрало сокрушительные обороты. Этому способствовала грандиозная шумиха прессы. Блокировка счетов Тропинина натолкнулась на встречные аресты активов самого Вересова из-за проверок и опасений, что Вересов покинет страну, а акции клиники, вместо падения, неожиданно выросли благодаря грамотно слитой прессе новости о «воссоединении светила хирургии Кравцовой со Звонковым». Каждая попытка Олега нанести удар возвращалась к нему бумерангом — подстроенная заговорщиками ловушка

затягивала его все сильнее с каждым днем.

Спустя два дня Мира готова была к выписке из палаты. Выглядела она бледной, худой, но в ее взгляде появилось нечто новое — решимость. Теперь она ответственна не только за себя, но и за крошечную жизнь внутри. Мира твердо решила жить дальше исключительно ради своего будущего ребенка.

Когда Константин вошел в палату с охапкой вещей — чистой одеждой для выписки, коробкой шоколадных конфет, букет цветов, Мира встретила его строгим и осуждающим взглядом:

— Зачем ты распустил эти слухи по всей клинике, Костя? Я ведь просила тебя, я просила этого не делать. — ее голос прозвучал тихо, но четко. — Кто дал тебе право объявлять коллегам, что мы снова вместе и что это твой ребенок?!

— Мира, ну не глупи, — Константин присел на край ее кровати, скользя по ней пошловатым, оценивающим взглядом и пытаясь взять её за руку — так по-хозяйски, будто имел на это полное право. — Я просто позаботился о твоей репутации! Вокруг шептались в клинике. Ты же знаешь, как слухи разлетаются тут?! А теперь все знают, что у нас крепкая семья, никто не посмеет и слова сказать тебе или мне. Между прочим, тебе нужен мужчина, Мира. Ах, да! Ты кажется забыла - это мой ребенок - я буду его растить! Забудь ты уже этого Вересова, он тебя бросил и растоптал! Нам

нужно быть вместе. Я простил тебя! Я тебя люблю!

Он настойчиво приближался к ней, оказывая на нее тонкое, но ощутимое психологическое давление. Константин манипулировал её чувством долга, её уязвимым положением и страхом перед будущим. Звонков ловко дергал за самые уязвленные струны ее души. Но Мира почти сразу убрала ладонь, дав понять, что близко к себе не готова подпустить. Казалось, что сегодня его сражение было проиграно.

В этот момент у подножия главного корпуса клиники за- тормозила служебная машина с синими номерами. Из нее вышли двое оперативников и сам следователь Рыков с официальным постановлением в руках.

Шагнув в холл больницы, следователи направились прямо в кабинет главного врача. Константин поспешил встретить их со сдержанной, открытой улыбкой человека, которому совершенно нечего скрывать. Рыков сухо предъявил санкцию на обыск и изъятие архивных медицинских документов десятилетней давности по делу погибшей Марго Вересовой.

— Разумеется, Алексей Александрович, — с радостью в голове отозвался Звонков, без малейшего колебания передавая следователю ключи от архивного сейфа. — Мы полностью содействуем следствию.

Документы тех лет хранятся в полном порядке.

Константин был абсолютно спокоен. Он знал, что оригинальный журнал давно переписан, а подмененная папка,

в которой виновником фальсификации и аварии выставлен сам Олег Вересов, лежит на самом видном месте. Наживка была брошена, и следствие сделало очередной шаг прямо в расставленные сети.

Глава 22. Триумф греха и закон

Распахнутые окна роскошного номера лучшего пятизвездочного отеля в самом центре столицы отражали сотни огней ночного мегаполиса. Световые нити города тянулись за окнами бесконечными реками, будто сами улицы праздновали чьюто победу — или чьюто гибель.

На хрустальном столике остывало среди ровных кубиков льда коллекционное шампанское, а в воздухе витал дурманящий аромат дорогих духов и азарта победы. Иван Тропинин и Ирина упивались своим новым, все дозволенным положением.

Отстранение Олега от управления холдингом и получение полного доступа ко всем счетам «Veresov Diamonds» опьянили их сильнее любого алкоголя. Это было не просто богатство — это был контроль, возможность стирать чужие судьбы одним движением пальца, и они жадно глотали эту свободу, будто боялись, что она вдруг исчезнет, как мираж.

Ирина, сбросившая последние рамки морали, сидела на краю кожаного дивана в алом шелковом белье, держа в тонких длинных пальцах бокал. Ткань струилась по её телу, подчёркивая каждый жест, каждое движение, словно сама одежда стала частью этой новой роли — роли хищницы, которая наконец вышла из тени. В её глазах горел огонь власти.

— Я сделала это, Ваня... — с надменной, пьянящей улыбкой проговорила она, отпивая глоток шампанского. — Я забрала то, что принадлежало мне по праву! Олег всегда считал меня слабой и ведомой. И где он теперь? А я теперь держу всю его империю в своих руках.

Тропинин подошел сзади, опустив свои широкие ладони на ее обнаженные плечи, и страстно кусая ее оголенную шею. Честно говоря, Иван даже не ожидал, что его жена окажется настолько циничной, хладнокровной и жадной до власти. Это открытие разжигало в нем просто животную страсть.

— Ты превзошла все мои ожидания, дорогая, — тихо прошептал Иван, снова и снова впиваясь губами в её шею, плечи вызывая у Ирины сдавленный, капризный стон. Его пальцы скользнули ниже, судорожно сжимая её бедра. — И самое прекрасное во все этом знаешь что? Что твой великий брат больше никогда не сможет тебе, то есть нам помешать.

— О чем ты? — Ирина чуть откинула голову назад, пропуская его пальцы сквозь его волосы. — Что ты хочешь этим сказать?

— Я обо всем позаботился, — с торжествующим видом сообщил Тропинин, увлекая ее на мягкую перину огромной кровати. — Следователь Рыков не случайно появился. Это я ему немного заплатил, чтобы он создал проблем твоему брату. О да! Наверное сейчас он уже подшил все нужные документы. Олег не просто устранен, он сядет надолго. Сядет за решетку. Мы состряпали дело о смерти Марго так, что ему

не отмыться. Все его деньги и связи не спасут его от тюрьмы, да у него скоро их и не будет больше.

На секунду в глазах Ирины проскользнула тень испуга за брата, но жажда денег, статус, алкоголь и нескончаемая ласка мужа мгновенно усыпили последние остатки совести. Она подалась навстречу его горячим, требовательным движениям.

В этот вечер они предавались порочной похоти и страсти, питаемой предательством, грехом и заграбастанной властью. Шелковые простыни сминались под их телами, рваное дыхание и тихие стоны сливались с шумом ночного города из открытых окон. Они праздновали свою победу на развалинах жизни Олега, отдаваясь требованиям плоти до самого рассвета.

А на следующее утро над Вересовым Олегом Сергеевичем окончательно захлопнулся капкан из которого был лишь один путь - тюрьма.

В главный кабинет офиса «Veresov Diamonds», где Олег вместе с личными адвокатами шаг за шагом пытался вернуть контроль над счетами, без предупреждения ворвался следователь Рыков в сопровождении спецназа. Шум шагов нарушил привычный ритм деловой суеты в офисе. Любопытные зеваки выглядывали из кабинетов, а потом тут же прятались за дверями.

— Вересов Олег Сергеевич! — четко и громко, на весь

этаж зачитал Рыков, вынимая из папки постановление суда. — В связи с вновь открывшимися уликами и заключениями, вам предъявляется обвинение по статье 109 Уголовного кодекса — непреднамеренное причинение смерти по неосторожности с отягчающими обстоятельствами, а также по статье 309 — за попытку скрыть преступление через массовый подкуп свидетелей и экспертов за убийство вашей жены!

Охрана Вересова сделала шаг вперед, пытаясь заблокировать действия следователя, адвокат взял бумаги у следователя для ознакомления и уверенно заявил:

— Алексей Александрович, это судебский произвол! Мы обжалуем постановление! У вас нет прямых доказательств!

— Молчать! — отрезал Рыков, давая знак конвою. — Мера пресечения изменена. Суд одобрил немедленный арест и заключение под стражу в следственный изолятор вашего подзащитного!

Двое бойцов спецназа зашли за спину Вересова. Зазвенели тяжелые металлические наручники, защелкнувшись на его руках. Олег замер, выпрямившись во весь рост.

— Вы совершаете ошибку, Рыков, — произнес он спокойно, так тихо, что слышали только те, кто стоял рядом. — Вы даже не представляете, кого именно вы сейчас арестовываете.

Рыков лишь хмыкнул и сказал:

— О нет, вы не правы. Это не я совершаю ошибку, Олег Сергеевич. Это вы слишком долго считали себя выше закона.

Вересов отправился на самое дно...

Глава 23. Иллюзия счастья

Вечер опустился на город, затянув улицы промозглым, сырым туманом. В гостиной квартиры Мира сидела на краю дивана, бережно и защитно прижимая ладони к животу. Каждая мысль о зародившейся внутри жизни давала ей силы дышать дальше, хотя душевная рана от предательства и резких слов Олега все еще кровоточила. Внезапный звонок в дверь заставила ее подпрыгнуть.

На пороге стоял Константин — как всегда красивый, дерзкий и самоуверенный, в дорогом кашемировом пальто, благоухающий шлейфом любимого кофейного парфюма. В руках он держал пышную охапку темно-бордовых роз.

— Это для самой лучшей, самой прекрасной женщины на свете, — с нежностью произнес Звонков, без промедления и приглашения делая шаг в прихожую и целую девушку в губы.

— Константин... Я же просила тебя не приезжать вот так, без предупреждения, — затараторила Мира, отступая на шаг назад, но роскошные цветы ей пришлось принять.

— Я просто не мог оставаться в стороне, Мира, — он мягко прикрыл за собой дверь и посмотрел на неё с горячей, неотступной настойчивостью. — Я же вижу, как ты изматываешь себя. Ты держишься из последних сил, строишь вокруг себя стену... Но зачем? От кого ты защищаешься? От человека, который готов положить весь мир к твоим ногам,

носить тебя на руках и подарить счастливую жизнь тебе и нашему будущему ребенку?

— Не нужно этих громких красивых слов, Костя... Я слишком истощена для них, — тихим голосом произнесла Мира, ставя букет в вазу.

Звонков сделал шаг вплотную, ласково и невероятно осторожно касаясь её плеча, заглядывая прямо в глаза:

— Послушай меня, родная... Нам нужно перешагнуть этот кошмар. Мы ведь столько лет были одной командой, дышали одним делом, были единым целым! Я же вижу по твоим глазам, как ты устала быть сильной вопреки всему. Я вижу, что ты хочешь расслабиться, хочешь наконец снова довериться кому-то, опереться на крепкое плечо. Позволь мне просто защитить тебя. Позволь стать твоей опорой. Прости меня! Люби меня! Я готов..

В этот момент защитная броня Миры действительно дала надлом. Уже несколько недель она не видела и не слышала Олега. Это означало окончательную точку в их истории любви. Депрессивное состояние истощало. Ей до боли хотелось верить, что хоть кто-то искренне заботится о ней в этом огромном мире.

Уловив её эмоциональное смятение, Звонков решил нанести главный, последний удар. Сменив тон на печаль, он увлек ее сестр рядом на диван.

— Ты ведь еще не смотрела вечерние новости, Мира? —

тихо спросил Константин, бережно беря её онемевшие пальцы в свои ладони. — По делу о гибели Маргариты Вересовой открылись страшные подробности.

Мира замерла, её сердце бешено застучало при слове “Вересов”:

— О чем ты? Что за подробности?

— Олега Вересова арестовали прямо в его кабинете, — с драматизмом произнес Константин, красиво выдавая подлую ложь за истину. — Следователь Рыков ранее и у нас в клинике проводил обыск, изымал архивы, а в итоге вскрыл факт подлога и подкупа свидетелей со стороны Вересова! Дорожные камеры и первичные протоколы с места ДТП доказывают, что Вересов сам находился за рулем в состоянии сильного алкогольного опьянения! Это он спровоцировал ту ужасную аварию, а потом заплатил гигантские деньги, чтобы подделать медицинские заключения и свалить всё на якобы врачебную ошибку! Мира... мы с тобой ни в чем не виноваты! Мы столько лет мучились, винили себя, спорили из-за этой трагедии... А оказывается, его жена поступила в операционную уже обреченной по его собственной вине!

Слова Звонкова прозвучали как разряд молнии. Мира не знала что сказать, перед глазами всё поплыло. Вересов сам погубил свою жену... А её — невинную студентку — обвинил во лжи, назвал расчетливой и прогнал из своей жизни с позором! Последний светлый образ Олега, хранящийся в её раненой душе, рассыпался во тьму.

Мира была настолько подавлена и шокирована, что бес- сильно опустилась в кресло, судорожно глотая подступаю- щие слезы. Константин же действовал строго по своему под- лому сценарию.

— Давай выпьем за то, что тяжелая правда наконец вос- торжествовала, и наш многолетний груз вины снят, — с мяг- кой улыбкой предложил он, направляясь к кухонному гар- нитуру. — Я думаю, что совсем чуть-чуть вина не повредит нашему малышу.

Пока Мира сидела и отреченно переваривала страшную новость, Звонков, стоя спиной к ней, бесшумно достал из внутреннего кармана пиджака небольшую ампулу. Ловким, доведенным до автоматизма движением он капнул мощное быстродействующее снотворное в бокал Миры и тщательно размешал ложкой.

Вернувшись в комнату, он протянул ей вино. Подавленная и находящаяся в глубоком шоке Мира механически приняла его и сделала несколько крупных глотков.

Спустя пару минут Константин включил тихо приглушен- ную, плавную мелодию на телефоне, подошел к Мире и про- тянул ей ладонь:

— Потанцуй со мной, Мира... Просто доверься мне хотя бы на пару минут.

Она поднялась, позволяя ему обнять себя за талию. Но ед- ва они сделали несколько медленных движений под музыку,

как сознание Миры поплыло. Перед глазами всё размылось, силуэт Константина потерял четкие контуры, а веки стали такими тяжелыми, что невольно сомкнулись. Действующее вещество вступило в силу.

— Костя... Мне что-то... очень плохо... — едва слышно прошептала она, окончательно теряя опору под ногами.

Звонков подхватил ее хрупкое, бессознательное тело, и на его губах расплывается победная ухмылка.

Бережно занеся Миру в спальню, он уложил её на кровать, аккуратно расстегнул пуговицы на своей рубашке, скинул пиджак, создавая идеальную иллюзию бурной, интимной ночи, и лег рядом, привлекая бессознательную женщину к себе. Завтра утром Мира проснется в его объятиях и будет свято верить, что они провели эту ночь вместе...

Глава 24. Сладкая ловушка на развалинах надежд

Утреннее солнце пробивалось сквозь плотные шторы, оставляя яркие полосы света на полу. Мира с трудом открыла глаза, ощущая оглушающую, тяжелую боль в затылке. Память прошлой ночи казалась затянутой густым туманом: приезд Кости, бокал вина, танец, резкое головокружение...

— О боже, как болит голова.. — медленно произнесла она, плавно потягиваясь в постели без резких движений.

Но едва она повернулась направо, как сердце в груди сначала замерло, потом бешено прыгнуло вверх. От увиденного ее поразил шок, она зажмурила глаза, желая чтобы это был просто сон.

— Я все еще сплю, я сплю.. — повторяла Мира.

Рядом на кровати, сбросив одеяло, полностью обнаженный спал Звонков. Вещи были беспорядочно раскиданы по квартире: её платье валялось у двери, его рубашка висела на спинке стула, брюки были под кроватью, а их обувь была сброшена еще в другой комнате.

На его лице играла умиротворенная, торжествующая улыбка, как будто сегодня ночью он выиграл самую важную битву в своей жизни.

Мира зажалась на краю кровати, смущенно подтягивая

одеяло к груди. Лицо девушки моментально побледнело, а в душе вспыхнула волна стыда, паники и отвращения к самой себе.

— Мирrrrrа... Ты уже проснулась, родная? — Константин сладко потянулся, открывая глаза и мягко улыбаясь. Он неторопливо подался к ней, скользя ладонью по её плечу и нежно целуя его. — Спасибо тебе за эту незабываемую, жаркую ночь... За то, что ты смогла простить меня и довериться мне снова.

— Я ничего не помню. Ничего. — голос Миры звучал растеряно.

— Ты вчера перенервничала, — произнёс он, стараясь говорить мягко, но в интонации проскальзывали властные нотки, к которым она так привыкла в клинике. — Мы выпили, расслабились. Танцевали. Потом ты прижалась ко мне и попросила никогда тебя не оставлять.. Ну а дальше все само вышло.

Мира покачала головой, чувствуя, как к горлу подступает тошнота:

— Прости, мне нужно в туалет.

Миру накрыл приступ токсикоза. Она включила воду чтобы умыться. Стояла и слушала звуки воды из-под крана. В её сознании не было ни единого четкого воспоминания о близости, но вид обнаженного Звонкова и его уверенные, самодовольные и полные меда слова не оставляли сомнений. Она была убеждена, что совершила роковую, непроститель-

ную ошибку, отдавшись ему под действием эмоций и усталости. Последняя нить, связывавшая её с образом Олега, была окончательно разорвана.

В это же самое время на другом конце города, за толстыми серыми стенами следственного изолятора, велось следствие. Олег Вересов сидел в тесной, душной комнате для свиданий. Стол, который разделял его и адвоката, символизировал пропасть между прежней жизнью и нынешней реальностью. Лицо вчерашнего миллиардера ничего не выражало.

Адвокат сидел напротив и огорченно перелистывал страницы от копии уголовного дела.

— Олег Сергеевич, у нас крайне тяжелая ситуация, — тихим, сдавленным голосом произнес защитник, избегая прямого взгляда. — Дело собрано следователем Рыковым просто очень хорошо. Все архивы добыты, экспертизы заверены настоящими печатями, без подделок, а свидетели с места вашего ДТП дают одинаковые, как под копирку показания. Ни одной лазейки нам не оставили. В суде это дело пройдет не в нашу пользу. Это точно.

Олег чуть прищурил глаза, его голос прозвучал как низкий рокот:

— И что ты предлагаешь?

— Я настоятельно рекомендую вам пойти на сотрудничество со следствием, — произнес адвокат, утирая пот со лба. — Если мы признаем непреднамеренную халатность и сде-

лаем упор на то, что с момента трагедии прошло уже десять лет, мы сможем выбить для вас условный срок. В противном случае вам грозит реальное заключение на срок до восьми лет.

Вересов сжал руки в кулаки. Признать вину в том, чего он не совершал? Сдаться на милость купленных крыс и предателей?! Признать себя проигравшим? Олег молчал, но сама мысль об этом была для него хуже приговора. Он облокотился на спинку стула, и на мгновение в его голове мелькнуло то, чего он сам не хотел признавать — усталость. Не физическую, а ту, что приходит, когда понимаешь: ты боролся честно, а противник не знает слова «правила».

— Условный срок, — медленно повторил Олег, будто пробуя слова на вкус, отвратительный привкус поражения. — Это значит, что они победили.

Адвокат тяжело вздохнул:

— Иногда победа — это просто остаться на свободе.

— Не моя победа, — отрезал Олег. — Я не стану расписываться в том, чего не делал.

Позже этим же вечером Константин Звонков решил окончательно закрепить свой ночной триумф. Он привез Миру в элитный ресторан с панорамным видом на город, забронировав весь зал.

Когда они сели за столик, официант внес величественную охапку из ста одной ярко-красной розы.

Звонков встал, ровно и торжественно опустился перед Мирой на одно колено и достал из кармана бархатную коробочку с роскошным кольцом, в центре которого сверкал крупный бриллиант.

— Мира, мы прошли через испытания, боль и предательства, но судьба снова свела нас вместе, — произнес он голосом, полным искренней, трепетной фальши. — Вчерашняя ночь доказала, что наше будущее — это наша семья и наш ребенок. Выходи за меня замуж. Давай начнем всё с чистого листа, договоримся забыть прошлые обиды, ошибки и никогда больше не вспоминать прошлый кошмар.

Мира смотрела на сверкающее кольцо, на “влюбленное” лицо Звонкова и на свой животик.

Подавленная, полностью сломленная лживыми фактами о «вине Вересова» и утренним стыдом за «проведенную ночь», она не видела иного выхода. Мира верила, что теперь должна сделать это ради будущего ребенка, подарив ему отца.

— Я согласна, Костя, — тихо, бессмысленно выдохнула Мира, опустив взгляд.

Звонков надел драгоценное кольцо на её палец и торжествующе обнял её. Он добился абсолютно всего, чего хотел. Игра оказалась им выиграна до конца, он был чертовски доволен собой...

Глава 25. Пир во время чумы

Просторный кабинет генерального директора «Veresov Diamonds», где еще недавно царствовал энергичный и справедливый разум Олега, преобразился до неузнаваемости. Иван Тропинин вальяжно восседал в дорогом кожаном кресле с тщеславным, раздутым эго, смакуя свое новое, ничем не ограниченное положение. Власть опьяняла его, превращая давнюю затаенную зависть к шурину в безжалостный, исступленный триумф.

Первым же приказом Тропинин вызвал на ковер Игоря.

— Вы уволены, Игорь, — с издевательской усмешкой произнес Иван, даже не поднимая глаз от документов. — В связи с абсолютной утратой доверия. Вы были верной собакой Вересова, а собакам верным другим хозяевам в моей компании места нет. Для всех остальных объявляю: кто не согласен работать под моим руководством — заявления об уходе на стол прямо сегодня, прямо сейчас.

Игорь молча, с презрением посмотрел на нового босса, положил на стол свой пропуск и вышел из кабинета, захлопнув за собой дверь. В тот же час Тропинин завел в корпорацию свою собственную, нанятую за большие деньги службу безопасности — личных головорезов, готовых выполнить любой его приказ.

Вместе с Иваном до неузнаваемости изменилась и Ирина.

Из скромной, вечно прячущейся в тени брата женщины она уже превратилась в роковую женщину-вамп. Черный приталенный костюм с глубоким декольте, ярко-алая помада, нахальный взгляд и дерзкие движения — Ирина буквально дышала вседозволенностью. Безграничные финансовые счета развратили ее душу.

Едва за Игорем закрылась дверь, Ирина прошла к столу, за которым годами сидел Олег. Заперев дверь на электронный замок, она медленно сбросила строгий жакет, оставаясь в одном красном кружевном бюстгальтере. Запах похоти витал в кабинете повсюду.

— Вся эта империя теперь наша, Ваня... — с надменной, пьянящей улыбкой выдохнула она, опершись бедрами о край стола и широко разводя стройные ноги.

Тропинина пробила волна безудержного, животного вождения. Осознание того, что они оскверняют святая святых Олега, подстегнуло в нем сумасшедшую страсть. Иван поднялся из кресла и властно притянул ее за талию. Его широкая ладонь с силой сжала ее бедро, а губы впились в ее шею словно пожирая ее. Ирина сладострастно выгнулась в спине, громко простонав прямо в тишину роскошного кабинета.

Тропинин рывком подхватил её и усадил прямо на ценные бумаги и бывшие документы Вересова. Руки Ирины судорожно впились в его плечи, ногти вонзились в ткань пиджака, когда Иван расстегнул пояс брюк и грубо овладел ею

прямо на столе её брата. Металлический степлер, органайзер для ручек и стопки отчетов с шумом полетели на пол. Их движения были неистовыми и откровенными, пропитанными торжеством, похотью и ощущением абсолютной безнаказанности. Забыв обо всем, Ирина громко кричала от наслаждения, запрокидывая голову, пока они предавались жадному, бесстыдному разврату. Позже, сменив позу, Иван перенес её вглубь кабинета, продолжая со страстью владеть женским телом прямо в мягком кожаном кресле Олега, пока оба не зашлись в оглушающей разрядке, смывающей последние остатки морали.

Тем временем на другом конце города Константин Звонков развил сумасшедшую активность. Настаивая на том, что их торжество должно пройти максимально пышно и роскошно, он ультимативно назначил дату свадьбы всего через три недели.

— Врачи и светское общество должны видеть, Мира, что мы расписываемся по безумной любви, а не из-за банальной «вынужденной беременности»! — сладко убеждал он её. — К тому же, округлившийся животик пока незаметен, и ты будешь выглядеть на празднике как настоящая королева! Ты покоришь всех, кто придет на нашу с тобой свадьбу!

Мира оказалась с головой вовлечена в свадебные хлопоты. Походы по свадебным салонам, примерка белоснежных кружевных платьев, выбор десертов и списков гостей прохо-

дили для нее как в тумане. Смотря на себя в зеркало в пышном подбирающемся фатине, Мира с трудом узнавала собственное отражение. На пальце блестело кольцо с крупным бриллиантом, рядом суетился «раскаивающийся жених», но внутри не было ни капли счастья — лишь глухая, ледяная пустота и тупая боль в груди.

Ближе к полуночи в закрытом VIP-зале самого дорогого ресторана столицы встретились двое победителей — Иван Тропинин и Константин Звонков. Они упивались кубинскими сигарами и коллекционным коньяком, празднуя успех своего плана, празднуя победу.

Захмелевший Тропинин, раскинувшись на диване, ностальгировал про их давнее прошлое:

— А ведь помнишь, Кость, с чего всё начиналось? Студенческая общага медицинского университета... Бурные пьянки, дежурства, вечная нехватка денег... И как ты тонко и гениально помог мне завоевать сердце богатой наследницы «Veresov Diamonds»! Подстроил то «случайное» ограбление Ирины у ее высотки, а я оказался рядом и спас несчастную девушку! Какая же это была комбинация! Ну просто блеск..

Звонков тихо рассмеялся, поджигая сигару:

— Да, Иван... А сколько делишек мы провернули потом и в клинике, и фонде! Списанные препараты, левые отчеты, скандал с этой Кравцовой... И ведь никогда между нами не было зависти или предательства. Мы — настоящие братья

по разуму.

— Вот именно, Костя! Ты помог мне забраться на самую вершину и убрать с дороги Вересова, — Тропинин достал из внутреннего кармана пиджака кожаный чехол, вынул оттуда чек и с широким, величественным жестом протянул его другу. — Твоя доля за участие в плане. Как и договаривались.

Звонков опустил взгляд на бумагу. На отрывном чеке «Veresov Diamonds» сияла красивая сумма — 5 000 000 долларов США. Константин расплылся в самодовольной улыбке, пряча чек во внутренний карман. Но на этом вечер победителей не закончился. Тропинин щелкнул пальцами, и тяжелые двери VIP-зала бесшумно отворились. В комнату грациозной, соблазнительной походкой вошли четыре длинноногие элитные кошечки в откровенном полупрозрачном белье и чулках.

— Праздновать так по-крупному, Костя! — с хохотом воскликнул Иван, притягивая к себе сразу двух роскошных брюнеток.

Девушки без промедления окружили мужчин, наполняя зал смехом, капризным шепотом и пьянящим ароматом латекса и духов. Приглашенные девушки умело и без комплексов ублажали заклятых друзей: ластились к ним, расстегивали их ремни, опускались перед ними на колени и дарили искушенные, откровенные ласки прямо в колуарах ресторана. Тропинин и Звонков упивались собственной властью, деньгами и плотским безумием, чувствуя себя полновластными

хозяевами этой жизни. Они добились всего, о чем мечтали. Весь мир у их ног, разве не об этом мечтает каждый мужчина?

Глава 26. Верность и вызов на эшафот

Комната для свиданий в следственном изоляторе встретила Игоря мигающей на потолке лампочкой, прокуренным запахом дешевых папирос и чем-то обляпанным потертым полом. За столом сидел Олег.

На нем была простая серая льняная одежда, грубо сшитая, но даже в этом арестантском шмотье он выглядел спокойно, без лишних эмоций. Каждое его движение говорило всем присутствующим: «Меня можно посадить, но нельзя сломать».

Игорь поспешно опустился на стул напротив.

— Я знаю, что тебя уволили, Игорь, адвокат рассказал — первым заговорил Вересов. Его голос прозвучал суховато, глухо, но без намека на упрек. — Тропинин не оставил бы рядом с собой никого из моих людей. Мне жаль, что тебе пришлось остаться без работы из-за меня.

— Да что вы, причем тут вы, Олег Сергеевич, дело же не в увольнении, — качнул головой Игорь. Его голос дрогнул от подступающих эмоций. — Тропинин привел в корпорацию свою банду. Он разогнал весь ваш старый костяк охраны, полностью заблокировал доступ и празднует победу вместе с вашей сестрой. Они ведут себя так, словно им принад-

лежит весь мир. Но я пришел сюда не жаловаться.

Олег молча прищурился, внимательно всматриваясь в лицо человека, который годами прикрывал его спину.

— Я хочу, чтобы вы знали, Олег Сергеевич... — Игорь посмотрел ему прямо в глаза, и в его взгляде не было ни капли фальши. — Я работал на вас пять лет. И я был верен вам не из-за статуса. Вы всегда относились ко мне как к человеку, уважая мое достоинство. И хотя официально я больше не могу выполнять свою службу и числиться вашим начальником безопасности, я хочу остаться вашим верным другом. Настоящим другом. Где бы вы ни были — в тюрьме или на свободе. Я верю, что вы не убивали вашу жену. Я считаю вам не виновным.

Вересов замер. Не ожидал он услышать тут таких слов. Олег глубоко вздохнул, и в его суровом взгляде промелькнула искренняя, скупая мужская благодарность.

— Спасибо за откровенность, Игорь, — тихо, с теплотой произнес Вересов. — В этом мире осталось слишком мало людей, чья верность не продается за чек. Я ценю это. Держись на плаву и будь на связи. Наша война еще не окончена.

В квартире Миры творился хаос. До свадьбы оставалось меньше двух недель, забот становилось все больше. Появление Константина с пакетом свежих фруктов и озабоченным выражением лица заставило ее волноваться.

— Нам нужно серьезно поговорить, Мира, — произнес

Звонков, увлекая ее за стол в гостиной. Он взял ее за руки и заглянул в глаза — Вчера ко мне в кабинет снова приходил следователь Рыков. Разговор был жестким.

— Что ему еще нужно? — напряженно спросила Мира, ощущая, как внутри всё сжимается от плохого предчувствия. — Они ведь уже забрали все архивные документы из клиники и кажется посадили Вересова.

— Рыков требует, чтобы мы с тобой под присягой выступили в суде в качестве свидетелей на стороне обвинения, — Звонков понизил голос до легкого шепота, виртуозно разыгрывая свою карту. — Мы должны подробно рассказать о травмах, с которыми Маргарита Вересова поступила к нам в ночь катастрофы. О разрыве внутренних органов, об агонии... И о том, как мы из последних сил пытались спасти её на операционном столе, пока Вересов пьяным разносил приемный покой.

Мира задумалась. Затем одернула свои руки из его ладоней.

— Давать показания в суде против Олега?! Костя, ты с ума сошел?! — её голос сорвался на крик. — Я не хочу иметь ничего общего с этим судебным процессом! Я хочу забыть тот кошмар, жить спокойно и думать о нашем ребенке! Зачем снова тянуть меня в эту грязь?! Мы же решили уже..

— Мира, послушай меня! — Константин подался вперед, аккуратно заходя с мягкой, но ответственной стороны. — Я ничего не ответил Рыкову. Я заступился за тебя, сказал ему,

что не знаю, захочет ли моя будущая жена идти на это после всего, что произошло между ней и Вересовым... Рыков говорит, что если мы откажемся, нас могут обвинить в соучастии! Ты ведь не хочешь, чтобы из-за Вересова пострадала наша семья? Как ты решишь — так и будет.

Он умело манипулировал её страхом, связывая показания с чувством долга перед «их будущим ребенком». Мира сидела потерянная, копаясь в куче внутренних противоречий. Все факты ей говорили: Олег виновен в смерти жены и он обманул ее, но сама мысль об участии в его публичном уничтожении вызывала у нее болезненную, физическую тошноту.

Два дня пролетели как в бреду. Давление со стороны Звонкова, повестка из прокуратуры и депрессивное состояние на фоне беременности сделали свое дело.

Было пасмурно, лил дождь. На ступенях Городского суда толпились сотни журналистов, вспышки фотокамер ослепляли, а микрофоны тянулись со всех сторон. Вересова судили с размахом, а его враги радостно позировали на камеры таблоидов.

Автомобиль Звонкова затормозил. Константин был одет в строгий черный костюм. При выходе из машины он галантно открыл дверь и подал руку Мире. На ее пальце блестело помолвочное кольцо, а на бледном лице застыла маска сомнения.

Мира Кравцова пришла в здание суда, чтобы давать показания, которые должны были окончательно решить судьбу Олега Вересова...

Глава 27. Приговор

Огромный зал Городского суда был набит до отказа. По залу гулял шепот сотен людей. Здесь собрался весь цвет столицы: влиятельные чиновники, репортеры ведущих телеканалов, светские хроникеры и акционеры «Veresov Diamonds», Чета Тропининых сидела в одном из первых рядов этого заказанного представления, чтобы не пропустить крах Вересова. Вспышки фотокамер беспрестанно слепили глаза, а конвоиры с автоматами едва удерживали плотную толпу у прохода.

Мира переступила порог зала, ощущая, как земля уходит из-под ног. Её ладонь сжала крепкая, уверенная рука Константина. Он шел рядом. На пальце Миры красиво блестело помолвочное кольцо с крупным бриллиантом. Каждое движение давалось девушке с трудом, а внутри всё сжималось страха. Подсознательно она прикрывала второй рукой животик, словно пытаясь защитить крошечный, еще неошутимый пульс новой жизни от этого жестокого, угнетающего мира.

И тут она подняла глаза.

В самом центре зала, за решеткой, как зверь в клетке сидел Олег Вересов. Мира впервые увидела его после разлуки по прилету из Франции. На нем был одет черный деловой костюм, без прежнего лоска. За эти недели он сильно похудел, черты его лица стали более острыми, грубоватыми и су-

ровыми. Но Вересов не выглядел сломленным. Даже находясь в клетке под прицелом сотен взглядов, бывший миллиардер сохранял ровную, гордую осанку. Он был выше всего происходящего, словно раненый, но непокорный лев.

Едва Мира сделала несколько шагов по проходу, Олег медленно повернул голову. Их взгляды встретились. И в ту же секунду весь гул зала, шум телекамер и шепот толпы мгновенно растворились, уступив место оглушительной, звенящей тишине.

Олег смотрел на нее прямо, не мигая. В его темно-карих, налитых свинцовым огнем глазах пылала ярость, пополам перемешанная с невыносимой душевной болью. Его взгляд сначала скользнул по её бледным губам, затем спустился к руке, на которой блестело кольцо Звонкова, и наконец замер на ее ладони, бережно прикрывающей живот. Вересов медленно поднялся и взялся за железные прутья решетки. В этом тяжелом, немом контакте они проговорили целую вечность без единого звука.

«Зачем ты здесь, Мира?..» — кричал его испепеляющий взгляд. — «Ты пришла добить меня? Пришла встать под руку с человеком, который разрушил мою жизнь, и подарить ему ребенка, который мог быть нашим?! Неужели все твои слезы во Франции были лишь дешевой игрой?!»

А Мира смотрела на него через слезную пелену, и в её глазах читался безмолвный молящий крик: *«Олег... Зачем ты так поступаешь со мной? Почему ты бросил меня, об-*

винил во лжи, а теперь оказываешься виновным в той давней трагедии? Если бы ты знал, как болит моя душа, если бы знал, как мне плохо без тебя... Мне кажется, что я разрушаю свою жизнь...»

Им обоим безумно хотелось стереть эти последние недели, вернуться назад на песчаный берег Лазурного моря, крикнуть правду, обнять друг друга и не отпускать. Но между ними уже выросла огромная стена из лжи, подлогов и чужих расчетливых интриг. Прошрое было не вернуть. Мир между ними рассыпался распался на до и после.

Тяжелый удар судьейского молотка раздался над залом, заставив всех присутствующих вздрогнуть и занять свои места.

— Судебное заседание объявляется открытым! — громко произнес председательствующий судья. — Для дачи показаний со стороны обвинения вызывается главный врач хирургической клиники Звонков Константин Владимирович!

Константин неторопливо поднялся со своего места. Сняв пиджак и аккуратно поправив запонки на своей рубашке, он прошел к трибуне. В его походке читалось поведение честного гражданина и высококлассного врача. Положив ладонь на трибуну, он повернулся к судье и присяжным.

— Уважаемый суд и присяжные, — ровным, убедительным голосом заговорил Звонков. — Десять лет назад я был дежурным хирургом, который принимал доставленную после тяжелейшего ДТП Маргариту Вересову. Я обязан сказать

правду, каковой бы тяжелой она ни была. Итак, в ту роковую ночь пациентка поступила к нам в состоянии глубокого травматического шока. Разрывы внутренних органов, многочисленные переломы, сильная кровопотеря... Мы с доктором Кравцовой, которая тогда была интерном, боролись за ее жизнь в операционной на пределе наших человеческих и профессиональных возможностей.

Звонков сделал паузу, виртуозно пустив в голос нотку глубокой печали, и коротко бросил взгляд на подсудимого:

— Однако господин Вересов, находившийся в приемном покое в состоянии сильного алкогольного опьянения, устроил дебош. Он крушил медицинское оборудование, угрожал врачам расправой и требовал невозможного. Все эти десять лет Олег Сергеевич использовал свои, как бы это сказать, существенные финансовые ресурсы, связи и влияние на прессу, чтобы свалить вину за гибель супруги на врачебную ошибку моей клиники! Но истина проста и она заключается в том, что полученные Маргаритой Вересовой травмы в момент поступления в больницу не оставляли ей ни единого шанса на спасение. А сам Вересов просто пытался скрыться от ответственности.

Звонков говорил с потрясающим артистизмом. Каждое его слово, подкрепленное экспертными справками, ложилось в сознание присяжных заседателей неопровержимым фактом. Олег в клетке лишь слушал эту ложь с презрением, не удостоив Звонкова даже словом.

— Спасибо, свидетель Звонков, — прокурор удовлетворенно кивнул и повернулся к списку. — Для дачи показаний вызывается свидетель Кравцова Мира Алексеевна!

Шепот прошелся по залу. Сотни камер мгновенно направились на Миру. Ноги девушки стали ватными, а сердце забилось в самом горле, заглушая все остальные звуки. Константин мягко сжал её локоть, шепнув на ухо:

— Помни про нашего ребенка, Мира... Скажи всё так, как мы обсуждали. Защити нашу семью.

Мира поднялась. Превозмогая тошноту, слабость и дрожь в коленях, она прошла по проходу и встала за трибуну. Положив дрожащую ладонь на бланки, она медленно подняла глаза. Вересов смотрел на нее прямым взглядом, глаза в глаза. В нем больше не было ярости — лишь печальное ожидание.

— Свидетель Кравцова, — прокурор подошел ближе, поправляя синий китель. — Подтверждаете ли вы показания доктора Звонкова? Подтверждаете ли вы, что Вересов Олег Сергеевич оказывал давление на врачебную бригаду, а причиной смерти его супруги стали именно травмы, полученные в аварии, а не ошибки хирургов?

Зал замер в ожидании ответа на поставленный вопрос. Звонков из первого ряда бросал на нее умоляющий, а затем приказывающий взгляд, желая утопить Вересова окончательно. Но в этот момент Мира взглянула в глаза Олега...

и поняла, что не сможет солгать. Она не могла переступить через свою совесть и профессиональную честь, не могла усилить вину человека, которого любила вопреки всему.

Мира схватилась за край трибуны и произнесла:

— В ту ночь... пациентка Маргарита Вересова поступила к нам в крайне тяжелом состоянии. У неё действительно была политравма и критическая кровопотеря. Но я... я была тогда всего лишь неопытным интерном. Я находилась в операционной и выполняла технические указания главного хирурга. Я не видела подсудимого лично, так как не выходила из операционного блока, но слышала крики из холла. Я не могу утверждать, был ли он пьян и как именно вел себя. Я знаю лишь то, что травмы пациентки были тяжелыми, и мы спасали её так, как умели. Я говорю только то, что видела своими глазами.

Она отказалась приукрашивать вину Олега, отказалась слепо повторять ложь Звонкова, сказав лишь минимальную правду, доступную ей. Зал загудел. Прокурор недовольно нахмурился, а Звонков злился. Олег за решеткой чуть заметно вздохнул, и в его печальном взгляде проскользнула едва уловимая тень уважения к её честности. *«Почему она не действует по их плану? Что за игры они ведут?»*

Судебные прения продолжались еще больше трех часов. Адвокаты Вересова отчаянно пытались разбить улики обвинителя, указывая на несостыковки в экспертизах, но куплен-

ная судебная машина работала без сбоев. Около пяти часов вечера председательствующий судья удалился в совещательную комнату.

Мира сидела на скамье ни жива ни мертва. Голова кружилась, ноги онемели, а внутри всё болело от невыносимого ожидания. Звонков сидел рядом с мрачным, недовольным лицом из-за ее слишком мягких показаний.

Спустя два бесконечных часа конвой завел Олега обратно в клетку, а судья вошел в зал и встал за трибуну. В помещении воцарилась звенящая, гробовая тишина.

— Именем Российской Федерации! — громко зачитал судья, раскрывая пухлый том приговора. — Суд присяжных, рассмотрев материалы уголовного дела, признает Вересова Олега Сергеевича виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 109 Уголовного кодекса — причинение смерти по неосторожности, а также статьей 309 — за подкуп свидетелей и фальсификацию доказательств!

У Миры перехватило дыхание, она крепче вжалась в сиденье.

— Принимая во внимание давность произошедших событий, а также сотрудничество со следствием и раскаяние подсудимого, суд назначает Вересову О. С. наказание в виде одного года лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима, а также выплату компенсационного и судебного штрафа в размере 50 миллионов долларов США в пользу государства и потерпевшей стороны, с правом на подачу хо-

датайства о досрочно-условном освобождении через шесть месяцев!

Зал заседаний взорвался шумом! Журналисты наперебой защелкали затворами камер, акционеры зашептались, а Тропинин и Ирина, обменялись ликующими, торжествующими взглядами. Шесть месяцев тюрьмы и гигантский штраф полностью развязывали им руки для разграбления компании и захвата абсолютной власти.

Двое конвоиров вошли в клетку, грубо заломили руки Вересова за спину и защелкнули на его запястьях стальные наручники. Олег медленно поднялся. Прежде чем конвой повел его к затененному выходу для заключенных, миллиардер обернулся и кинул на Миру последний — длинный, тяжелый и нечитаемый взгляд, в котором смешались прощание, боль и разочарование.

Мира закрыла лицо руками и тихо, горько зарыдала. Обвинительный приговор вступил в законную силу, уничтожив прежнюю жизнь Вересова Олега Сергеевича...

Глава 28. Золотая клетка

Это утро началось с предсвадебной суматохи. Загородный элитный комплекс столицы весь был забронирован для самой ожидаемой свадьбы между светилами медицины. Огромные шатры, утопающие в тысячах живых орхидей и пионов, легкий перезвон бокалов и тихая классическая музыка — Константин Звонков не скупился на размах. Светские хроники и тележурналисты заполнили территорию, спеша запечатлеть бракосочетание главных героев последних скандальных новостей.

Мира сидела перед огромным гримерным зеркалом в комнате. На ней было роскошное свадебное платье из французского кружева с длинным шлейфом и открытыми плечами, безупречно скрывающее едва наметившиеся изменения в фигуре. Визажисты и стилисты доделывали последние штрихи, восхищаясь её невероятной, утонченной красотой. Свежесть лица, собранные в затейливую прическу тёмные локоны и изящная фата делали её похожей на хрупкую статуэтку. Но за этой ослепительной внешней эстетикой скрывалась лишь грусть и безысходность. В её глазах не было ни одной искренней искорки радости — лишь боль и смирение с неизбежным.

Когда прозвучала музыка и Мира ступила на ковровую дорожку под руку со Звонковым, зал взорвался аплодисмента-

ми. Константин сиял от гордости и самодовольства. Он выглядел как сногшибательно в черном приталенном смокинге с ярко-красной розой в верхнем кармашке. Каждый его жест, каждая улыбка были точно просчитаны для получения отличной публичной оценки.

— Взгляните на эту невероятную пару! — звучал в микрофон очередной пышный тост от академика медицины. — Сегодня соединяют свои судьбы два блистательных хирурга, два величайших ума нашей медицины! Это не просто союз двух любящих сердец, это союз профессионалов, которых ждет ошеломительное, блестящее будущее! Давайте выпьем за счастливую семью Кравцовой и Звонкова!

Гости подхватили тост криками «Горько!». Константин с жадным, торжествующим порывом притянул Миру к себе и вовлек в долгий, откровенный поцелуй прямо под вспышки фотокамер. Мира лишь заставила себя красиво улыбнуться в объектив.

Разгар банкета находился в самом разгаре, когда у центрального стола новобрачных появились особые, неожиданные гости. К молодой паре вальяжно приблизился главный инвестор и совладелец клиники — Должанский Виктор Петрович, а под руку с ним шла его дочь Кристина.

Та самая Кристина. Избалованная, порочная блондинка, с измены Константина с которой в кабинете и начался весь этот кошмар, разрушивший жизнь Миров. На Кристине было

облегающее вечернее платье с дерзким разрезом до бедра, а её губы изгибались в подлой, провокационной ухмылке.

— Поздравляю, Константин Владимирович! Поздравляю, Мира! — баритоном произнес Должанский-старший, вручая Звонкову пухлый конверт с деньгами. — Клиника в надежных руках. Вы — прекрасный лидер и хирург. Желаю вашей чудесной семье процветания!

— Спасибо, Виктор Петрович, ваша поддержка бесценна для нас, — галантно ответил Звонков, пожав ему руку.

Затем к Мире приблизилась Кристина. Её взгляд был насквозь пропитан фальшью, затаенной завистью и открытой надменностью. Обняв Миру для протокольного фото, она шепнула ей прямо на ухо с едким ядом:

— Поздравляю с победой, Мирочка... Надеюсь, ты сможешь удержать его рядом с собой дольше, чем на пару месяцев. Мужчины ведь так быстро устают от правильных и скучных девушек.

Отступая назад, Кристина не стесняясь отца и окружающих, подарила Константину долгий, томный взгляд из-под ресниц, проведя пальчиком по лацкану его смокинга и на мгновение задержав свою ладонь на его бедре. Звонков лишь сдержанно ухмыльнулся, легко приняв её двусмысленный намек. Миру обдало волной отвращения. Откровенное лицемерие этой женщины и бесстыдство Константина даже на собственной свадьбе еще раз наводили ее на мысль, что весь этот брак — лишь грязный, фальшивый спектакль.

К полуночи торжество наконец завершилось. Гости разъехались, а праздничный салют угас над загородным комплексом. Огромный представительский лимузин доставил новобрачных к пятизвездочному отелю города, где для них был забронирован свадебный люкс.

Штамп в паспорте стоял. Обручальные кольца надеты. Гости поздравили. Торжество удалось на славу. Мира теперь официально стала его женой... Теперь она полностью принадлежала ему.

Константин приподнял Миру на руки на пороге и занес в роскошный номер, где весь пол был усыпан лепестками роз, а в камине пощелкивал огонь. Двустворчатая тяжелая дверь за ними с глухим, окончательным щелчком закрылась, отрезая их от всего внешнего мира.

Едва звук замка отпечатался в тишине комнаты, маска галантного, внимательного, заботливого и любящего жениха мгновенно слетела с лица Звонкова.

В его глазах больше не было ни капли нежности — лишь животный огонь абсолютной власти, накопившейся похоти и торжествующего превосходства. Поставив Миру на ноги, он не давая ей секунды опомниться, с силой толкнул её в грудь. Мира сдавленно ахнула и тяжело повалилась навзничь на огромное супружеское ложе, распластав пышные кружева свадебного платья по шелковым простыням.

Константин с ехидной усмешкой на ходу сорвал с себя

галстук, расстегнул пуговицы смокинга и навис над ней сверху, блокируя её своими коленями...

Глава 29. Право хозяина

Изящный шелк свадебного платья распластался по огромной кровати, когда Мира тяжело опустилась на матрас от резкого толчка. В ее глазах, еще секунду назад затуманенных усталостью, вспыхнул страх, страх за свою жизнь и жизнь ребенка. Константин навис над ней всей своей тяжестью, заблокировав ее бедра своими коленями.

В его взгляде больше не было ни капли той наигранной нежности, галантности или раскаяния, которыми он так усердно кормил её последний месяц. Там горела лишь холодная, мстительная злоба, разбавленная сжигающей, затаенной и неистовой похотью.

— Костик... Пожалуйста, не надо... — сдавленно прошептала Мира, пыталась упереться ладонями в его грудь и оттолкнуть от себя.

— Не надо? — Звонков сдавленно хмыкнул, и на его губах расплылась ядовитая, торжествующая усмешка. Он перехватил ее тонкие запястья одной рукой и с силой прижал их к подушке над ее головой. — Ты думала, мы будем пить шампанское и вести светские беседы, Мира? Все маски сброшены. Запомни: теперь ты моя жена. Официально, перед государством, коллегами и всем светским обществом. И сегодня я заберу всё, что мне принадлежит по праву!

— Отпусти меня! Мне больно! — Мира попыталась вы-

рваться, но грубая мужская сила полностью парализовала ее движения. Контраст между его сильным, крепким мужским телом и ее истощенным, хрупким организмом был виден невооруженным глазом.

— Ты думала, я забыл?! — его голос сорвался на шипящий, сдавленный рык прямо над ее ухом, когда он подался еще ниже, давя всей своей массой. — Ты думала, я забыл, как ты сбежала с Вересовым?! Ему во Франции ты тоже говорила уйти и прекратить?!

После этих слов он начал жадно облизывать ее губы, шею, лицо...

— Ты думала, я забуду унижение, когда вынужден был коленопреклоненно просить у тебя прощения и дарить тебе цветы?! Я терпел всё это ради сегодняшней ночи, Мира! Ради того момента, когда ты станешь моей полной собственностью! — продолжал Звонков.

С этими словами Константин второй рукой с треском рванул тончайшее французское кружево свадебного платья на её груди. Прочный корсет легко поддался, ткань со звуком рвущейся плоти разошлась до самой талии. На свет посыпался белоснежный шелк, обнажая её идеальное, налитое молочной белизной девичье тело. Мира взвизгнула от ужаса, судорожно попыталась заслониться, но Звонков безжалостно схватил ее обеими руками, заставляя смотреть прямо в его налитые кровью глаза.

— Ты отдашь мне все долги, Кравцова. За каждый мой

растоптанный день, за каждую секунду твоего взгляда на этого чертова Вересова! Прямо сейчас! — с ненавистью вымолвил он.

Мира судорожно забилась под ним, пытаясь вывернуться, но Звонков грубо перехватил её бедро своей сильной мужской рукой. Внутри нее вспыхнул отчаянный порыв бороться до конца, кричать, кусаться, царапать его лицо. Но в следующую секунду перед её глазами вспыхнула единственная значимая мысль — о ее ребенке. Единственная маленькая жизнь под ее сердцем. Любая жесткая потасовка, травма или удар в живот могли спровоцировать выкидыш и убить эту жизнь навсегда.

Осознание собственного бессилия накрыло Миру уничтожающей волной. Защищая малыша, она резко обмякла. Ее тело отдалось этому тирану, руки перестали сопротивляться, а сжатые губы сомкнулись в безнадежном молчании. Горячие, горькие слезы молча хлынули из её глаз, стекая по бледным щекам и впитываясь в разорванное кружево платья.

Увидев ее полную покорность и тихие слезы, Звонков лишь удовлетворенно ухмыльнулся. Ее беспомощность и обнаженность разожгли его порочную страсть до предела. Избавившись от остатков одежды, он предстал над ней во всей своей доминантной, мускулистой форме — широкий разворот плеч, тяжело вздымающаяся волосатая грудь, натянутые в напряжении вены и горячая, раскаленная плоть, жаждущая

полного подчинения.

Он навалился на нее сверху, и его горячие, грубые губы впились в ее шею. Константин жадно, со всей накопленной страстью и откровенностью впивался в её вздымающуюся грудь, нежную кожу, оставляя темные, налитые кровью засосы на изящных ключицах и внутренней стороне бедер. Мира лихорадочно зажмурилась, ощущая, как его ладони с силой сжимают её округлые, упругие бедра, оставляя багровые следы на белоснежной коже. Его движения были жесткими и откровенными, свободными от проявлений любой нежности.

Он вошел в нее глубоко, резко и больно, заставив Миру выгнуть тонкую талию и сдавленно выдохнуть сквозь сжатые зубы. Звонков брал ее неумолимо и страстно, наслаждаясь тем, как её нежное, упругое тело невольно сжимается вокруг него, отвечая на его грубый, размеренный ритм. Простыни сминались под их горячими телами, полными откровенной чувственности и порочного контраста: его смуглая, мускулистая спина, покрытая капельками пота, и ее хрупкий, изящный силуэт, распластанный на рваном фатине свадебного наряда.

Константин двигался в ней мощно и безостановочно, вымещая в этом жестком сексе всю свою ревность, эгоизм и властность. Каждое его глубокое погружение сопровождалось тяжелым, рваным мужским дыханием и его тихим, самодовольным шепотом над её ухом:

— Ты моя... Слышишь? Только моя, Мира... Ни один мужчина больше не прикоснется к тебе...

Мира не отвечала, полностью отстранившись от собственного тела в мыслях. Лишь её пальцы судорожно впивались в шелковое покрывало, а из замкнутых глаз продолжали капать тихие слезы. Звонков владел ею без остатка, пока оба не зашлись в оглушающей, изнуряющей разрядке, окончательно закрепившей его победу в этой спальне.

Когда все закончилось, Константин с глубоким, удовлетворенным вздохом развалился на подушки рядом.

Его обнаженное, покрытое испариной тело расслабилось, а на лице застыла маслянистая усмешка полного победителя.

— Вот так-то лучше, Мира... — вальяжно произнес он, закуривая сигарету прямо в постели и пуская кольца дыма к высокому потолку. — Теперь ты поняла свое место. Мы начнем правильную семейную жизнь.

Мира лежала неподвижно на боку, подтянув обнаженные колени к груди и бережно укрывая ладонями животик. Девушка тихо, молча плакала, уставившись затуманенным взглядом в каминный огонь. Все надежды были уничтожены, это обручальное кольцо на правой руке стало кандалами от золотой клетки, ключи от которой принадлежали монстру...

Глава 30. Подавление и сломанная воля

Первые лучи холодного утреннего солнца пробились сквозь зазоры штор, скользнув по шелковым простыням свадебного люкса. Мира медленно открыла красные опухшие от слез веки. Вся нижняя часть тела ломила от глухой боли, а на бледных бедрах и тонких ключицах отчетливо темнели свежие, налитые багровые синяки и засосы — немые свидетельства жестокой брачной ночи. Каждое движение давалось с трудом, а внутри все сжималось от панического ужаса.

Рядом уже никого не было. Константин поднялся раньше, привел себя в порядок и уехал в клинику, оставив на туалетном столике лишь бокал из-под виски. Мира бессильно опустила ноги на пол. Лицо девушки становилось все прозрачнее с каждой секундой, когда она смотрела на свое отражение в зеркале. Она боялась его. Вчерашняя ночь окончательно сорвала с него маску раскаяния, обнажив чудовище, не знающего пощады.

Собирая остатки сил, Мира приняла долгий горячий душ, пытаюсь смыть с себя следы его прикосновений. Она приняла единственное спасительное решение: с головой уйти в работу. Ей требовалось наполнить рабочее расписание операциями, дежурствами, обходами и экстренными вызовами —

сделать все, чтобы не оставаться с ним наедине в четырех стенах их новой квартиры. Клиника казалась ей единственным безопасным местом, где всегда есть люди и где можно спрятаться.

Однако Константин не собирался оставлять ей ни единого шанса. Его раздутое эго требовало не просто формального брака, штампа, а абсолютного подчинения именно этой женщины. Женщины, которая хотела вырваться от него. Он видел её попытки сбежать в работу, видел ее отсутствующий взгляд во время утренней пятиминутки и ревностно злился на эту непростительную дерзость. Кажется, что она не поняла его ночью.

Ему нужно было сломать ее гордость полностью, втоптать в грязь любые остатки независимости.

В середине дня, едва Мира закончила очередную консультацию и проходила мимо ординаторской, Звонков вызвал ее к себе в кабинет под предлогом срочного подбора препаратов. Едва она переступила порог, Константин запер дверь на ключ и задернул плотные жалюзи.

— Константин? Что происходит? Мне нужно идти в операционный блок... — напряженно выдохнула Мира, отступая к стене.

— Операции подождут, Мира, в клинике есть другие опытные врачи, а вот жена у меня единственная и самая, самая желанная — с пафосом произнес он, неторопливо сни-

мая пиджак и ослабляя галстук. Он в два шага сократил дистанцию, навалился на нее всем телом, с силой прижимая ее спиной к стене.

— Отпусти меня! Это клиника, здесь люди! Я буду кричать, что о тебе подумают коллеги? — Мира испуганно забилась в его хватке, но Звонков грубо сжал ее подбородок, впиваясь пальцами в щеки.

— Подумают, что мы вчера поженились и нам нужен отпуск, разве нет? Хочешь мы туда отправимся: только ты и я? Нет? Тогда запомни раз и навсегда, Кравцова, — прошипел он прямо в её губы, обдавая запахом дорогого парфюма и табака. — Ты не спрячешься от меня за своими дежурствами. Теперь ты моя жена. И свой супружеский долг ты будешь исполнять тогда, когда я захочу, и там, где я прикажу! На работе, дома — мне все равно. Я твой хозяин.

Мира попыталась оттолкнуть его, но Звонков с силой надавил ей на плечи, сбивая с ног и заставляя ее тяжело опуститься на колени перед ним. Это было продуманное и предельно откровенное унижение.

— Не надо... Пожалуйста... Зачем ты мучаешь меня? Ты получил все что хотел... — сдавленно прошептала Мира, проглатывая вновь хлынувшие слезы и закрывая лицо руками.

— Открой ротик, Мира, — властно и жестко приказал Звонков, расстегивая ремень и брюки. Он схватил её за волосы на затылке, грубо запрокинул её голову назад и безжа-

лостно вошел ей в рот, взяв все, что ему требовалось прямо здесь, в своем главном кабинете.

Константин брал её жестко, самоутверждаясь над её беспомощностью и вымещая весь свой садизм. Его рука до боли тянула её волосы, не давая двинуться, пока он удовлетворял свою похоть и упивался безграничной властью над той, что хотела променять его на миллиардера, но оказалась слишком глупа для этого. Мира зажмурилась, задыхаясь от тошноты, стыда. Этот жестокий акт продолжался, пока Звонков с громким, удовлетворенным стоном не зашелся в изнуряющей разрядке, окончательно сломав её волю...

Когда он оттолкнул её и начал неторопливо застегивать ремень, Мира так и осталась сидеть на коленях у его стены, дрожа всем телом и тяжело дыша. На ее лице застыло выражение полного отчаяния.

— А теперь приведи себя в порядок, ведь мы не хотим, чтобы о нас ходили некрасивые слухи в обществе и иди работать, дорогая, — вальяжно бросил Звонков, поправляя галстук перед зеркалом. — Не забудь, вечером мы едем домой вместе!

Он поправил пиджак и ушел, оставляя сломанную женщину на полу своего кабинета...

Глава 31. Да наступит пропасть

Месяц. Ровно тридцать дней прошло с момента пышной, фальшивой свадьбы. Золотая клетка роскошной квартиры стала для Миры ее личной преисподней, где каждый вечер превращался в пыточный аттракцион. Константин больше не сдерживал своих садистских извращений. Ощущение полной безнаказанности, подкрепленное статусом главного врача и чеком на миллионы долларов, окончательно убило в нем все человеческое.

Звонков наслаждался ее полным подчинением, унижением. Он изощренно заставлял ее исполнять самые затейливые и унижительные прихоти: забирал ключи от дома, закрывал в темной гардеробной на долгие часы за малейший непокорный взгляд, связывал шелковыми ремнями на супружеском ложе, оставляя синяки на запястьях, и брал ее грубо, в самых неудобных и откровенных позах. Его извращенный ум требовал регулярных демонстраций власти — он мог прийти посреди ночи, сорвать с нее одежду, заставлять ползать на коленях или грубо использовать её тело, игнорируя тихие слезы и тихие мольбы. Мира существовала как тень. Ей казалось, что её настоящая душа умерла еще там, в зале суда, а оставшееся тело просто отбывает свой страшный срок. И самое страшное было то, что она сама себе вынесла этот приговор выйдя замуж за Звонкова. Она привела свою жизнь в

эту точку - сама.

Единственной тонкой нитью, связывающей Миру с реальностью, оставался ребенок под сердцем. Она берегла этот животик как самое дорогое сокровище, терпеливо проглатывая боль, унижения и стыд. Она надеялась, что с рождением ребенка отношение Константина изменится, что он сможет хоть кого-то полюбить по-настоящему, не ради денег и славы. Но физические истязания, стресс и постоянное давление не прошли бесследно для ослабленного организма девушки.

Это произошло глубокой ночью. После очередного жесткого плотского акта, когда Звонков безжалостно заставлял её подчиняться его властным желаниям, Мира ощутила резкую, пронизывающую боль внизу живота. Вспышка была настолько сильной, что дыхание перехватило, а перед глазами все поплыло. Лежа на краю кровати, она почувствовала, как по бедрам потекла горячая липкая струя.

— Что это.. — испуганно произнесла Мира.

Простыни стремительно пропитывались алой кровью.

— Аааа, Костя... — еле слышно шептала она, нервно сжимая животик будто это может помочь. — Пожалуйста ... скорую... я теряю... нашего ребенка...

Звонков, спокойно закуривая сигарету у распахнутого окна, даже не испугался. Он медленно подошел к кровати, безглаголиво окинув взглядом окровавленные простыни и бледное, теряющее сознание лицо жены.

— Нашего? Какая же жалость, Мира, — с циничным равнодушием произнес он, стряхивая пепел прямо на пол около нее. — Давай будем в этот раз абсолютно честны друг с другом: этот недоносок Вересова изначально был лишним в нашей семье. Ты правда думала, что я стану воспитывать его семя? Он только мешал мне воплощать все мои фантазии и сдерживал меня в постели. Я признаться рассчитывал, что в случае его рождения мы сможем оттяпать его компанию.. Ну да ладно... Не повезло. Зато теперь, когда его не станет, всё станет куда приятнее и свободнее. По крайней мере для меня.

Эти слова ударили по Мирае страшнее любой физической боли.

— Что? Что ты сказал?... Какая же я дура... — сквозь боль процедила Мира.

Настоящая, разрывающая правда обрушилась на нее как острый нож, разрезав сердце на куски. Ребенок Вересова... Под её сердцем все эти недели билась жизнь от Олега! От ее любимого человека! Константин подделал анализы, УЗИ. Он обманул её! Осознание этого виртуозного обмана добило ее сильнее чем физическое недомогание. В ту же секунду последняя надежда рухнула. Она провалилась в спасительную, дурманящую тьму бессознательности.

Звонков отвернулся, прижал телефон к уху и коротко, отрывисто произнес в трубку:

— Пришлите срочно скорую... Да, да ко мне домой, Мира

стало плохо, что-то с нашим малышом. Состояние критическое. Кровотечение. Нужна реанимация.

Спустя два дня Мира очнулась в тихой палате клиники. Опустошенная, сломленная до самого основания, она лежала, уставившись бессмысленным взглядом в белый потолок. Рана от правды и потери ребенка кровоточила в самом сердце. Ей больше не за что было держаться в этом мире. Она желала только одного — умереть.

Дверь палаты отворилась, и на пороге появился Константин. В чистом белом халате, благоухающем дорогим парфюмом, с букетом нежно-розовых лилий — он выглядел как скорбящий супруг для внешнего мира.

Приблизившись к койке, он сам поставил цветы в вазу около кровати и присев на край обвил ее лицо своей сильной ладонью:

— Как ты себя чувствуешь, Кравцова? Хотя.. стой, не говори, можно я угадаю. Мечтаешь умереть? Забудь, — прошипел он угрожая ей. — Ты будешь жить и делать ровно то, что я от тебя требую. Послушай меня внимательно. Ты закроешь свой рот и не обронишь ни единого слова об этой беременности и о том, что происходит в нашем доме! Ты будешь надевать самые дорогие платья, улыбаться и красиво торговать своим лицом перед нашими инвесторами на всех светских приемах, создавая образ идеальной семьи. Я разрешаю тебе продолжать работать в больнице — исключительно

ради нашего семейного процветания и репутации клиники. Тут для тебя есть бесспорные плюсы в предложении: твое милое личико больше нельзя портить синяками... Как жаль, ведь оно подарило мне столько приятных мгновений близости! Но если ты попробуешь рыпнуться или рассказать кому-то правду — поверь, я сгною тебя в психушке. Поняла меня?!

Мира лишь бессильно закрыла глаза. Сил сопротивляться или отвечать не было совсем — реальный мир окончательно раздавил ее.

Прошло два месяца. У тяжелых высоких ворот колонии общего режима затормозил черный “крузак”. С даты вынесения приговора в суде прошло всего три месяца, но юристы и связи извне сумели сработать очень быстро.

Загремели надежные засовы, малая калитка отворилась, и на мокрый, от недавно прошедшего дождя, асфальт наступил Олег Вересов. За время своего заключения он сильно изменился: осунулся, суровые черты лица стали еще более резкими, исхудавшее тело натянулось, проступили морщины, а в глубоких темно-карих глазах застыла боль. Благодаря помощи Игоря выход Вересова на свободу удалось досрочно ускорить.

Задняя дверь внедорожника отворилась, и из машины вышел высокий, статный мужчина в дорогом австрийском пальто. Эрик ван дер Берг — его давний, заклятый враг и

один самых серьезных бизнес-соперников, с которым Вересов годами вел биржевые войны.

— Ну здравствуй, Олег, — с легкой, уважительной ухмылкой произнес ван дер Берг, протягивая руку. — Поздравляю с возвращением из твоего персонального ада.

Олег нерешительно пожал предложенную ладонь, окинув бывшего соперника вопросительным взглядом:

— Эрик? Не ожидал увидеть тебя здесь. Это твои адвокаты вместе с Игорем добились моего освобождения?

— Да, у тебя оказался всего единственный друг на свободе. Игорь сразу после суда позвонил мне. И мне и моим людям пришлось непросто, чтобы вытащить тебя не дожидаясь полугода, — не стал отрицать ван дер Берг, застегивая пальто. — Ты слишком ценный игрок, Вересов, чтобы гнить в этой дыре из-за предательства собственной сестры и мелких подлых крыс, которых стало слишком много вокруг тебя. Твою алмазную империю очень скоро разграбят полностью. Я через своих людей смотрел их финансовые дела - они очень, очень плохи. У тебя ничего не осталось в этой стране. Поехали со мной в Австрию. Я предлагаю тебе пост генерального директора в моем международном холдинге. Вместе мы сомнем этот рынок и со временем уничтожим всех твоих врагов. Что скажешь?

Олег оглянулся на мрачные стены колонии, а затем посмотрел на ван дер Берга.

— Я теперь твой должник — уважительно признал Вересов.

сов без тени надменности. — Спасибо тебе, я готов тебя отблагодарить своим согласием, брат.

Глава 32. Трещина в империи

Частный бизнес-джет Эрика ван дер Берга набирал высоту, оставляя под крылом покрытые туманом огни взлетной полосы. В роскошном салоне, отделанном красным деревом и кремовой кожей, витала напряженная тишина. Олег Вересов сидел у иллюминатора, скользя растерянным взглядом по удаляющемуся мегаполису.

— Ну что же, решение принято, давай отпразднуем, Олег! — произнес Эрик ван дер Берг, наливая шотландский виски из хрустального графина. — В Вене тебя ждет кресло генерального директора моего холдинга. Но ты сам понимаешь: чтобы вернуть имя, накопить ресурсы, восстановить чистоту твоего имени перед общественностью и подготовить удар по предателям, нам потребуется время. Как минимум год или даже два упорной, невидимой работы в Европе.

— Я подожду, — низким, огрубевшим голосом ответил Вересов.

В нем больше не было прежней душевной боли, которой он был пропитан при выходе из ворот тюрьмы — была лишь концентрация и воля, которая нужна для восстановления своей жизни.

— Год или два — не имеет значения. — произнес Олег — Игорь, с сегодняшнего дня ты моя правая рука. Мы уходим в тень, Эрик. Но когда мы вернемся, от бизнеса Тропинина

и Звонкова, от них самих не останется даже пепла.

Самолет взял курс на Австрию. Олег Вересов исчез с радаров столицы, оставив заговорщиков упиваться своей мнимой победой.

Прошло несколько месяцев. Управление огромным холдингом «Veresov Diamonds» без бизнес-хватки, связей и умения договориться по любому вопросу Олегом превратилось для четы Тропининых в катастрофический процесс, настоящий хаос.

Иван, опьяненный безграничной властью, деньгами и легким успехом, развлекался и сорил финансами, пока не столкнулся с суровым кризисом. Из-за бездарного руководства, просроченных контрактов и выплат по облигациям, а также пренебрежительного тона Тропинина их крупнейший партнер по добыче необработанных алмазов грозился расторгнуть договор в одностороннем порядке.

Акции корпорации начали стремительно падать, а на горизонте маячило банкротство. Иван запаниковал.

— Ира, у нас проблемы! — сдерживая дрожь в голосе, произнес Тропинин в их новом кабинете. — Южноафриканский концерн перекрыл поставки. Если мы потеряем их сырье, холдингу конец! Тебе нужно срочно вылететь в командировку на личные переговоры. У тебя их фамилия, ты наследница Вересовых! С тобой они хотя бы сядут за стол переговоров. Да и ты у меня красotka, уговоришь любого.

Ирина, развращенная деньгами и статусом роковой женщины, лишь недовольно сжала губы, но важность ситуации понимала. На следующий день, собрав чемоданы, она отправляется в поездку, оставшись уверенной, что муж держит все под контролем.

Однако Иван Тропинин совсем не собирался скучать в отсутствие жены. Едва Ирина отправилась в аэропорт, как он набрал по памяти любимый номер эскорт-агентства. Заказав самую дорогую и откровенную девицу легкого поведения, Иван решил устроить себе веселый вечер прямо в их роскошном загородном особняке.

Судьба, однако, сыграла с ним злую шутку. Из-за отмены рейса и переноса переговоров на следующий день Ирина вернулась домой глубокой ночью без предупреждения. Тихо отперев дверь особняка, боясь разбудить мужа, она прошла по погруженному в полумрак холлу и поднялась на второй этаж. Из спальни доносились громкие, развратные стоны, визг и шлепки.

— Давай же, поиграй со мной, моя кошечка!

Ирина с силой открыла дверь. Картина, открывшаяся взору, заставила её застыть на месте. Иван обнаженный, пьяный и полный похоти, предавался плотским утехам с вульгарной молоденькой проституткой прямо на из семейной кровати. Простыни были смяты, по полу разбросаны бутылки шампанского, латексное белье и прочая одежда.

— Ваня?! Ты совсем охуел? — голос сразу сорвался на звенящий, сокрушительный крик.

Тропинин судорожно отшатнулся, испуганно пытаясь прикрыться подушкой. Девушка в испуге прижалась в угол кровати.

— И.. Ира..?! Ты... ты почему вернулась?! — заикаясь, крикнул он, трезвея от страха.

— Ах ты грязная, неблагодарная тварь! — глаза Ирины налились яростью. Вся ее спесь и властность мгновенно превратились в уничтожающий гнев. — Я отдала тебе компанию своего брата! Я рисковала всем, перешагнула через кровь и родство ради тебя! А ты творишь это в нашем доме с какой-то дешевкой?!

— Ира, подожди, это не то, что ты думаешь! Это просто... — попытался сделать шаг к ней Иван, но Ирина выхватила из сумочки тяжелый хрустальный флакон духов и с силой запустила ему прямо в лицо.

— Заткнись! Пошел вон! — визжала она, рьяно указав пальцем на дверь. — Я подаю на развод прямо завтра! Я заберу у тебя каждую копейку, вышвырну тебя из холдинга на улицу без гроша в кармане и оставлю нищим ничтожеством, каким ты и был до встречи со мной!

Земля окончательно загорелась под ногами Ивана Тропинина. Империя, построенная на предательстве и крови, дала трещину изнутри, рушилась прямо на его глазах...

Глава 33. Все пропало, друг

Паника, почти переходящая в ужас, затопила сознание Ивана Тропинина. Скандал с женой и ее угроза немедленного развода с лишением каждого рубля стерли с него всю прежнюю спесь.

Он понимал: без Вересовых он снова станет никем — мелким неудачником с кучей долгов. Единственным человеком, к которому он мог обратиться за помощью, оставался его давний сообщник и друг Константин Звонков.

Ближе к полудню Тропинин, не помня себя от страха, вломился в кабинет главного врача клиники.

— Нам надо поговорить — оглядываясь и закрывая плотно дверь вымолвил он.

Звонков сидел за рабочим столом, просматривая текущие отчеты страница за страницей. Увидев взъерошенного, помятого и запыхавшегося Ивана, Константин недовольно нахмурился:

— Ваня? Что с твоим лицом? Ты почему в таком виде?

Тропинин плюхнулся в кожаное кресло напротив и зататорил:

— Костя... У меня катастрофа! — заикаясь, выдохнул Тропинин, бессильно падая в кожаное кресло напротив. — Ира... она застала меня дома с девицей. Поймала прямо с поличным! Она в бешенстве, подает на развод, хочет ли-

шить меня прав на «Veresov Diamonds» и вышвырнуть на улицу без единой копейки! Помоги, Костя! Мы же друзья, мы столько с тобой провернули... Переговори с ней, вразуми ее, расскажи о семейных ценностях что ли!

Звонков медленно отложил ручку и оперся подбородком на сцепленные пальцы. На его лице отразилось презрение. Попытки Ивана спасти свою шкуру выглядела жалко.

— Ты идиотина, Иван, — процедил Звонков, а в его глазах пробежала тень паранойи. — Ты не просто рискуешь своими деньгами, ты подставляешь под удар всё наше дело! Если Ира начнет судебный процесс и раздел имущества, то ее адвокаты поднимут все поддельные документы, через которые мы выводили активы Олега! Ты понимаешь, что ты сделал?! У нас полная жопа, а ты думаешь только о своих развлечениях с проститутками! Не мог найти себе любовницу и шпилить ее на съемной квартире?!

Осознание того, что их идеальный, построенный на криви план дает трещину из-за глупости Тропинина, разожгло в Звонкове управляемый страх. А страх, как известно, у таких людей всегда превращается в еще большую жестокость.

Вернувшись вечером в домой, Константин перенес весь свой накопленный негатив и паранойю на Миру. Для него она вот уже полгода как оставалась единственным объектом, над которым он мог демонстрировать контроль, заглушая собственные страхи и никчемность.

Едва Мира переступила порог гостиной после дежурства, Звонков без единого слова подошел к ней, грубо схватил за волосы и опустил на колени. Напряжение, висевшее в воздухе, материализовалось в очередную вспышку насилия. Затем он избил ее и выволок за волосы, вымещая в каждом жестоком проявлении весь свой страх перед рушащимся союзом с Тропининым. Мира за время совместной жизни ушла глубоко в себя и даже научилась иногда сдерживать своего тирана в рамках приличия. Это хорошо получалось, когда нужно было готовиться к выставкам, конференциям - все же публичность и инвестиции муж любил больше садизма. Но сегодня он был крайне жесток, она даже не представляла, что могло так разозлить ее “ненаглядного”.

А за тысячи километров от этой преисподней, в заснеженной и величественной Вене, кипела совсем другая работа.

За закрытыми дверями конференц-холла на верхнем этаже небоскреба «Van der Berg International» за длинным столом переговоров сидели трое: сам Эрик ван дер Берг, Олег Вересов и Игорь. Олег выглядел уже как и прежде статным, уверенным мужчиной, который держит все под личным контролем. Его образ дополнял красивый итальянский темно-синий костюм-тройка, элегантная голубая рубашка, стильная небритость на лице и конечно же взгляд. Взгляд победителя. Он больше не узник, он хищник.

Игорь разложил на столе стопку аналитических отчетов и

выписок с международных бирж:

— Олег Сергеевич, информация подтвердилась. После разрыва контракта на добычу алмазов с южноафриканцами акции «Veresov Diamonds» обвалились больше сорока процентов. Более того, холдинг набрал колоссальные краткосрочные кредиты в европейских банках, которые Тропинин не в состоянии обслуживать. Общий долг компании перед кредиторами составляет почти два миллиарда долларов.

Олег чуть прищурился, едва заметно кивнув Эрику:

— Это наш идеальный момент для атаки. Эрик, мы можем задействовать твои неофициальные инвестиционные фонды в Швейцарии и офшоры в Люксембурге?

— Да я тоже подумал, что сейчас самое время для нашего хода. Я еще утром дал указание нашим финансистам, — с уважительной ухмылкой подтвердил ван дер Берг. — Мы тихо, через третьи руки скупаем долговые обязательства «Veresov Diamonds» и залоговые пакеты акций. Когда Тропинин и Ирина опомнятся, основным кредитором их холдинга окажется наш австрийский фонд. Один наш шаг — и мы сможем официально потребовать немедленного погашения долга или забрать контроль над всей компанией за копейки.

— А что с клиникой Звонкова? — задал волнующий вопрос Вересов.

— Игорь установил контакт с их финансовым директором, — ответил ван дер Берг. — Звонков погряз в левых схе-

мах, причем связанных со своим дружкой Тропининым. Мы начали точечно скупать долги и оборудование его клиники. Петля на их шеях затягивается, Олег. Крах одного потянет на дно другого.

— А что-то о жене Звонкова слышно? — чуть тише спросил Олег.

Игорь сразу достал из стопки документов глянцевого журналы, где были изображены Звонкова Мира и ее муж, счастливые и успешные, дающие интервью о совместных планах на будущее и о перспективных направлениях в развитии медицины.

Вересов поднялся, подошел к панорамному окну, за которым открывался вид на заснеженную Вену, и обреченно сделал в своей голове умозаключение: “Она с ним счастлива”. Но первые нити паутины для предателей были сплетены. Время для расплаты неумолимо приближалось...

Глава 34. Крысы бегут с корабля

Солнечный Дубай встретил Вересову Ирину знойной жарой и потрясающими небоскребами. В роскошном конференц-зале пятизвездочного отеля «Burj Al Arab» с видом на Персидский залив сидели представители южноафриканского алмазного концерна и международные инвесторы. Перед ними стопками лежали финансовые отчеты «Veresov Diamonds» — документы, свидетельствующие о стремительном падении некогда великой империи.

Ирина сидела во главе стола в строгом черном костюме от кутюр. В её груди все еще жгло отвращение и бешенство после ужасного предательства Ивана. Картинка мужа, развлекающегося с дешёвкой на их семейном ложе, стояла перед глазами. Но Ирина обладала типичной “вересовской” хваткой. Загнав личные переживания и мысли в самый дальний угол сознания, она полностью включила свои бизнес-качества, полученные от брата.

— Господа, давайте говорить на языке цифр, а не эмоций, — её голос прозвучал ровно, виртуозно и уверенно, удивляя иностранных партнеров. — Временный сбой по обязательствам — результат внутренних реорганизаций. Мы полгода не можем прийти в себя после приговора, вынесенного моему брату. С своей стороны, я лично гарантирую восстановление платежей и предлагаю вам новый график отсрочек

на шесть месяцев с увеличением процентной ставки на три пункта. Если вы расторгнете контракт сейчас, вы потеряете сотни миллионов на неустойках. Если дадите отсрочку — вы станете единственными, кто получит доступ к обработке наших эксклюзивных камней высокого качества.

Ирина вела переговоры с хладнокровным, подавляющим мастерством. В ней проснулась настоящая дочь семьи Вересовых — жесткая, упрямая, способная продавить даже самых неуступчивых инвесторов. Спустя четыре часа изнурительных дебатов главари концерна подписали протокол о намерениях. Ирина отстояла отсрочку, спасая компанию от мгновенного краха.

А в это же самое время на другом конце земного шара Иван Тропинин судорожно спасал собственную шкуру. Он прекрасно понимал: едва Ирина вернется из Эмиратов, как сразу запустит процедуру развода и выбросит его на улицу без единого гроша. Земля под его ногами горела ярким пламенем.

Воспользовавшись отсутствием жены и тем, что его цифровые подписи в качестве генерального директора еще не были аннулированы, Иван закрылся в главном кабинете холдинга. Его руки судорожно дрожали, торопились, а на лбу выступил липкий пот.

— Сволочь... Богатая, надменная сука! — шипел он себе под нос, вбивая сложные пароли банковских ключей. — Ду-

мала оставить меня нищим?! Не на того напала!

Иван запустил серию веерных, каскадных транзакций. Пользуясь лазейками в офшорных договорах, он начал сливать оставшиеся ликвидные средства компании — резервные фонды, валютные депозиты и авансы партнеров — на свои тайные счета, открытые в Панаме и на Каймановых островах. За несколько часов подставным фирмам Тропинина ушло больше восьмидесяти миллионов долларов. Это был откровенный, грабительский вывод активов. Иван готовил себе красивую жизнь за границей и самолет, чтобы сбежать из страны в любую секунду, как только юристы Ирины вручат ему иск о развод.

Тем временем Константина Звонкова день за днем накрывала лихорадочная волна постоянной паранойи. Ощущение, что вокруг него готовится заговор, становилось невыносимым.

Выходя из клиники, он то и дело оглядывался. Ему казалось, что за его черным седаном постоянно следует одна и та же неприметная серая машина. Финансовые проверки прокуратуры становились всё более дотошными, банки задерживали платежи по оборудованию, а в коридорах клиники ему мерещились чужие, внимательные взгляды. Он чувствовал: все происходящее вокруг — не случайная цепь событий, а чья-то продуманная игра. Но кто это может быть? Вересов в тюрьме, Тропининым слишком глуп. Волна страха перед

неизвестным врагом давила его изнутри.

Не в силах больше находиться в одном доме со сломанной, безучастной Мирой, Звонков поехал искать утешения в элитные апартаменты в центре города. В место, где его ждала Кристина Должанская — его молодая, порочная любовница, с которой они встречались еще до отношений с Мирой.

Едва за ним закрылась дверь, Кристина в откровенном шелковом халатике бросилась ему на шею, накрывая его губы страстным, горячим поцелуем. Звонков с судорожным порывом притянул ее к себе, впиваясь пальцами в ее упругие бедра и ища в ее объятиях спасение от давящего ужаса.

— Костя... Что с тобой? Ты весь дрожишь, — прошептала Кристина, глядя его по плечам и расстегивая его рубашку.

— За мной следят, Кристина... — сдавленно выдохнул Звонков, упав с ней на мягкий диван и пряча лицо в её пышной груди. — Кто-то ведет против нас войну. Кто-то очень сильный и богатый. Всё рушится... Тропинин идиот, счета блокируют... Я чувствую, что что-то происходит, о чем мы не знаем или что-то упускаем из вида!

Кристина лишь ласково гладила его по волосам, успокаивая своими искусственными, бесстыжими ласками. Приговор Звонкову уже был вынесен, а отсчет времени до полного краха пошел на дни...

Глава 35. Петля на шее

Утренний рейс из Дубая приземлился в столице строго по расписанию. Ирина Вересова ступила на родную землю с ощущением абсолютной победы. В её кожаной папке от кутюр лежал подлинник договора о шестимесячной отсрочке платежей с южноафриканскими партнерами — документ, который спасал «Veresov Diamonds» от немедленного банкротства. Преодолев унижение и боль от измены Ивана, она отстояла семейное наследие, наглядно доказав, что именно она является истинной хозяйкой империи.

Прямо из аэропорта Ирина отправилась в главный офис холдинга. Она хотела лично вручить Ивану официальный иск о разводе, аннулировать его подписи и с позором публично выставить из компании. Зайдя в приемную, она увидела бледную, растерянную секретаршу, которая судорожно перебирала бумажные выписки.

— Где Тропинин? — строго спросила Ирина, сбрасывая на руки помощницы легкое пальто.

— Ирина Сергеевна... Иван Владимирович не появлялся в офисе со вчерашнего вечера, — заикаясь, ответила девушка. — А сегодня утром из бухгалтерии прибежали... Счета компании... Они полностью пустые!

Лицо Ирины мгновенно почерствено. Быстрым шагом она ворвалась в кабинет генерального директора, включила глав-

ный терминал и ввела права доступа владельца. То, что открылось на экране, заставило ее судорожно глотнуть воздух. Резервные фонды, валютные депозиты, авансовые транши партнеров — больше восьмидесяти миллионов долларов списались веерными переводами на офшорные структуры Панамы. Иван обчистил холдинг дочиста, воспользовавшись её отсутствием.

— Грязная, трусливая крыса... — озлобленно прошипела Ирина. Ее пальцы сжались в кулаки так, что длинные ногти вонзились в ладони. — Ты думал, что сможешь украсть мои деньги и просто сбежать?!

Она немедленно выхватила телефон, набирая прямой номер начальника главного управления ФСБ:

— Карл Петрович? Это Ирина Вересова. Мой муж, уже почти что бывший муж, Иван Тропинин, только что совершил мошеннический вывод восьмидесяти миллионов долларов с резервных счетов «Veresov Diamonds»! Я требую немедленно завести уголовное дело, заблокировать его границы и объявить его в международный розыск! Он пытается сбежать из страны!

В это же самое время в VIP-терминале деловой авиации аэропорта Внуково-3 Иван Тропинин нервно шел вдоль панорамного окна. На нем были темные очки, глубокая кепка и скромный плащ. В руках он сжимал кожаную сумку с заграничными паспортами на вымышленные имена и налич-

ной валютой.

На взлетной полосе уже заводил турбины легкий частный бизнес-джет, зафрахтованный им за огромные деньги для перелета в Ниццу. Каждая минута ожидания казалась Ивану вечностью.

— Господин Тропинин, экипаж готов к посадке, просим пройти на досмотр, — вежливо произнес сотрудник терминала.

Иван облегченно выдохнул. На его губах расплылась торжествующая, трусливая ухмылка:

— Прощай, дура Ирина... Прощайте, чертовы Вересовы... У меня восемьдесят миллионов баксов, и я буду жить как король в любой точке планеты!

Он шагнул к выходу на перрон, но в ту же секунду тяжелые стеклянные двери терминала с шумом распахнулись. В помещение ворвалась группа оперативно-розыскного реагирования в бронежилетах с надписью «ФСБ», сопровождаемая следователями в гражданском.

— Тропинин Иван Владимирович! — громко раздалось на весь терминал. — Стоять на месте! Руки за голову, лицом к стене!

Иван замер, как вкопанный. Из его рук с грохотом упала сумка, раскрывшись на полу. На свет посыпались пачки долларов и поддельные паспорта. Лицо Тропинина моментально покрылось смертельной бледностью, а колени подогнулись.

— Это... это какая-то ошибка! Я генеральный директор!

Вы не имеете права! — заверещал он, пытаясь отступить назад.

— Вы задерживаетесь по подозрению в совершении преступления, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса — мошенничество в особо крупном размере и грабительский вывод активов за рубеж! — следователь зачитал постановление, подписывая конвоем знак. — На ваши оффшорные счета наложен международный арест!

Двое бойцов спецназа грубо сбили Тропинина с ног, уткнув его лицом в пол, и с треском защелкнули на его запястьях тяжелые стальные наручники. Иван жалко скулил и задыхался от липкого ужаса, когда его под руки потащили к автозаку. Попытка бегства ничтожно провалилась.

Спустя два часа экстренные выпуски новостей взорвали информационное пространство столицы. Журналисты наперебой сообщали об аресте временно исполняющего обязанности главы «Veresov Diamonds» Ивана Тропинина прямо на взлетной полосе аэропорта.

Константин Звонков сидел в своем главном кабинете клиники, уставившись неподвижным взглядом в экран плазменного телевизора. В руках он сжимал стакан с виски, который непрерывно дрожал, выплескивая жидкость на стол.

— Тропинина взяли... Боже мой, его взяли прямо у трапа... — панически прошептал Константин, и на его лбу выступил холодный пот. Паранойя, мучившая его последние

недели, превратилась в парализующий страх.

Звонков понимал: Тропинин — трус и слизняк. На первом же допросе у следователей Иван начнет сдавать всех подряд, чтобы выторговать себе уменьшение срока. Он расскажет про левые финансовые схемы, про отмытые ими миллионы долларов, про дело Вересова, да он все расскажет, даже про знакомство с Вересовой если спросят!

— Следующим буду я... — вслух выдохнул Звонков, вскакивая с кресла. — Я не могу, я не могу. Они не смогут! Боже это он идет за мной!

В этот момент дверь кабинета отворилась, и на пороге с папкой документов появилась Мира. Увидев бледного, трясущегося и невменяемого мужа, она замерла на пороге. Звонков безумным, налитым кровью взглядом уставился на нее, видя в ее спокойствии лишь молчаливое торжество.

— Пошла вон отсюда! — взорвался Звонков и швырнул в нее папку с документами, которые разлетелись по всему кабинету.

Глава 36. Полный разгром и триумф из тени

Иван Тропинин сидел на жестком металлическом стуле, скованный наручниками, и дрожал всем телом. От его бывшей спеси, развязности и дорогого костюма не осталось и следа. Напротив него сидел подполковник ФСБ, раскладывая на столе документы из папки с доказательствами: заблокированные банковские транзакции, выписки из офшоров, поддельные загранпаспорта на разных людей, показания подельников по покушению на Вересова и много, много всего другого.

— Иван Владимирович, вы засыпались по полной программе, — спокойным, ровным голосом произнес следователь, подаваясь вперед. — Вывод восьмидесяти миллионов, куча фальшивых документов, при попытке бегства. Это от двенадцати до пятнадцати лет колонии строгого режима. И знаете что, мы доказали что именно вы заказали покушение на убийство брата вашей жены, а потом взрыв его дома, когда убить не получилось. Что же вы так ненадежно прячете улики, господин Тропинин. В ваших интересах я могу посоветовать вам только одно — взять лист бумаги и начать писать длинный-предлинный рассказ о всех ваших преступлениях, не забывая указывать всех ваших подельников. У вас

есть только один шанс.

Тропинин судорожно сглотнул, задыхаясь от страха. Он сломался моментально.

— Я... я всё расскажу! Всё до последнего слова! — заверещал Иван, подаваясь к столу и беря в скованные руки ручку. — Это был не я один! Все идеи мне давал Звонков, а прикрывал нас следователь Рыков! Они меня использовали в своих корыстных интересах!

Следователь удовлетворенно кивнул, щелкнув диктофоном. Иван с потрохами сдал своих сообщников, рассказывая все детали их преступлений.

Утреннее затишье в элитной хирургической клинике было прервано оглушительным топотом десятков ног. Стеклопакетные двери холла распахнулись, и в здание ворвались бойцы спецназа во главе со следователем следственного комитета с постановлением суда на обыск и изъятие улики.

Врачи и медсестры в ужасе прижимались к стенам, когда силовики заблокировали все выходы и ворвались в кабинет главного врача. Константин Звонков сидел за столом, белее мела.

— Звонков Константин Владимирович! — громко зачитал следователь. — На основании показаний Ивана Тропинина и вновь открывшихся обстоятельств, в клинике и в вашей квартире будет проведен обыск по делам о подлогах, финансовых махинациях на рынке ценных бумаг и взятках

в особо крупном размере!

В этот же час другая оперативная группа ворвалась в квартиру Звонкова. Силовики переворачивали сейфы, вскрывали потайные панели в стенах, изымая серверы, драгоценности и документы. Мира сидела в гостиной, наблюдая за этим хаосом ничего не понимая. На её бескровных губах не проскользнуло ни единой эмоции. Она видела, как силовики опечатывают кабинет мужа. Петля на его шее затянулась окончательно.

А в это же время на противоположном конце Европы, в сердце величественной Вены, кипела совершенно иная жизнь.

В панорамном кабинете небоскреба «Van der Berg International» Олег Вересов сидел в глубоком кожаном кресле. На огромном плазменном экране в режиме реального времени транслировались экстренные новости из столицы: арест Тропинина, обыски в клинике Звонкова и его громкое отстранение от должности. Вересов сделал небольшой глоток виски и на его суровом лице расплылась тень надменной ухмылки.

— Ничто не может принести столько счастья и упоения, сколько приносит крах твоих врагов, предателей! За вас “друзья” и за ваше грандиозное падение! — торжественно произнес тост Вересов.

Ему было невероятно приятно наблюдать, как его враги

— мелочные, жадные и ничтожные крысы — пожирают друг друга и с треском получают по заслугам. Они думали, что растоптали его, но теперь сами корчились в грязи. Игорь через своих людей передал правоохранительным органам улики о причастности Тропинина к покушению на Вересова, данные по взрыву дома - загремел Тропинин в тюрьму на всю жизнь, а его закадычный друг Звонков с ним заодно, как соучастник его финансовых махинаций.

Однако Олег уже давно перешагнул этот этап. Он больше не был там, в той душной и предательской атмосфере. Ему требовалось время и ресурсы, чтобы вернуться истинным триумфатором.

Вересов выключил пульт, повернувшись к длинному столу переговоров, за которым его уже ждал Эрик ван дер Берг и делегация крупнейших европейских инвесторов. На нем сидел идеальный австрийский костюм-тройка, а во взгляде читался истинный лидер.

— Перейдем к делу, господа, — на прекрасном английском произнес Олег, открывая графики совместного проекта на баснословные суммы евро. — Мы подписываем соглашение о поглощении европейских активов сегодня. “Van der Berg International” берет под контроль основные логистические узлы.

Вересов профессионально и надменно вел важные международные встречи, восстанавливая свой личный статус, положение и финансовое могущество. Он с грамотным расче-

том строил новую империю из Вены, пока его враги на родине летели в небытие...

Глава 37. Крах заточения и глоток свободы

Официальное отстранение от должности главного врача и подписка о невыезде загнали Константина Звонкова в тупик. Его мир, построенный на лжи, шантаже и чужих деньгах, рушился с треском. Нависла угроза получения реального тюремного срока, все счета клиники оказались заблокированы. Не видя иного выхода, Константин, словно утопающий, хватающийся за соломинку, бросился за защитой к главному инвестору клиники — Виктору Петровичу Должанскому.

Спустя час, запыхавшийся и помятый, Звонков прибежал в загородную резиденцию Должанских. В просторной гостиной, за журнальным столиком сидел сам Виктор Петрович, а рядом, закинув ногу на ногу, грациозно расположилась Кристина. В её руках поблескивал бокальчик игристого.

— Виктор Петрович! Кристина! Вы должны мне помочь! — с порога заверещал Константин, судорожно подбегая к столику и утирая липкий пот со лба. — Тропинин слился и сдал меня следователям! Но мы еще можем выкрутиться! Если вы задействуете свои связи в прокуратуре и выделите подкрепление из своих активов, мы сможем замять это дело!

Должанский-старший даже не поднял головы. Он медленно отпил кофе и с глубоким, презрением окинул Звонкова с

головы до ног своим взглядом из-под очков.

— Мы? А причем здесь мы? Выкрутиться ведь нужно только тебе? — спокойным тоном произнес инвестор — Ты бесполезная, заигравшаяся крыса. Ты просрал свою клинику, погряз в уголовных делах и привел к нашим дверям следственный комитет. Зачем ты нам нужен? Мы с тобой не связаны обязательствами Костя.

Константин ошеломленно замер, поворачиваясь к своей молодой любовнице, у которой больше года искал утешения и страсти:

— Кристина... Ну хоть ты скажи ему! Мы же любим друг друга, мы столько времени были вместе!

Кристина тихо, с надменностью рассмеялась, сделав глоток шампанского. В её глазах не было ни капли сочувствия — лишь расчёт.

— Любим? Не смейся меня, Костя, — выдохнула блондинка. — Ты был полезен, пока рулил клиникой и носил статус перспективного врача. А сейчас ты — обычный уголовник и отработанный материал. Нам не нужны твои проблемы.

— Ты... ты не можешь так со мной поступить! Я отдавал вам всё! — заикаясь от шока, выкрикнул Звонков.

— Пошел вон из моего дома, Звонков, — отрезал Виктор Петрович, подавая знак охране на входе. — И да, чтобы ты окончательно понял свое положение: полчаса назад юристы сообщили мне, что контрольный пакет долгов твоей клиники и твои заложенные векселя выкуплены международным

австрийским фондом. Ты нищий банкрот. Пошел вон!

Двое здоровенных охранников под руки подхватили оглушенного, сломанного Звонкова и с позором вышвырнули его за ворота особняка прямо на мокрый асфальт.

А в это же время в элитной квартире Звонкова царила оглушительная, непривычная тишина. Мира стояла посреди гостиной. Панорамные окна заходящего солнца заливали комнату мягким золотистым светом. Помятые подушки на диване, шелковые ремни у кровати, закрытые гардеробные — все эти атрибуты, которые полгода, целых полгода брака, превращали её жизнь в нечеловеческий ад, вдруг потеряли свою силу.

Она стояла совсем одна. Ей некого больше бояться. Так бывает? - не верила Мира своему внутреннему голосу.

Мужа больше не было постоянно рядом. Ему было не до неё — он бегал по адвокатам, отбивался от следователей и отчаянно пытался спастись от тюрьмы. Впервые за долгое время над её головой не висела угроза физического и психологического насилия. Впервые никто не толкал её на колени, не шептал мерзкие угрозы про психушку и не ломал ее достоинство.

Мира сделала глубокий вдох. Теперь выдох. Снова вдох. Воздух в квартире больше не казался ей отравленным. Тут даже улавливались нотки жасмина, которые выходили из пшиков освежителя. В её душе, где еще недавно поселилась

горькая правда и ощущение необратимости своего положения, поселилась чистая, никем не тронутая надежда. Надежда, что все можно изменить. Она вдруг отчетливо осознала: это её шанс. Единственный, драгоценный шанс спастись из этой золотой пыточной клетки, вырваться на свободу и начать жизнь с чистого листа.

Мира прошла в спальню и достала из шкафа небольшую дорожную сумку. Она сбросила на пол дорогие, фальшивые платья, в которых Звонков заставлял её «торговать лицом», и надела простые, удобные джинсы и свитер. Она собрала в сумку свои документы, дипломы, врачебные сертификаты и сбережения, которые успела отложить. Денег было достаточно на первое время.

Подойдя к туалетному столику возле окна, Мира сняла с пальца помолвочное кольцо с крупным бриллиантом — символ её плена и стыда — и со звоном бросила его на поверхность. Больше она никому ничего не должна. Прощай.

Перед тем как уйти отсюда навсегда, Мира на мгновение обернулась, кинув последний взгляд на квартиру, ставшую для нее адом. На её лице не было слез. Лишь решимость и желание жить дальше вопреки всему.

Захлопнув за собой дверь этой “ужасной” квартиры, Мира Кравцова сделала первый шаг навстречу своей настоящей свободе...

Глава 38. Новый путь

Утренний тихий туман расстился над уютными улицами небольшого баварского городка на юге Германии. В светлом, чистом кабинете маленькой частной хирургической клиники Мира аккуратно надевала свой новенький медицинский халат. В её глазах больше не было той отчаявшейся женщины, не было боли — лишь тихая усталость человека, выжившего в самом эпицентре цунами.

Оставив свою прошлую жизнь позади, а вместе с ней и Звонкова, Мира сразу подала на односторонний развод через нанятого адвоката. Не желая иметь ни единой зацепки в случае ее поисков, она взяла себе девичью фамилию своей матери — Орлова — и навсегда покинула страну. Германия встретила её неспешным ритмом, размеренной жизнью и возможностью снова делать то, к чему лежало её сердце — спасать человеческие жизни, хоть свою жизнь она и не сумела спасти. Какая жестокая ирония.

Здесь, среди скромных коллег и благодарных пациентов, доктор Орлова обрела долгожданный покой. Каждую операцию она проводила с виртуозной точностью, а вечерами возвращалась в свой небольшой уютный домик с видом на озеро, где училась дышать заново, шагая по пути исцеления собственной раненой души.

А на родине расплата настигла последнего из главных виновников заговора. Спустя два месяца кропотливых финансовых проверок, очных ставок с сидящим в СИЗО Тропининым и выемки серверных логов, следствие полностью сформировало обвинительную базу.

Это произошло погожим солнечным днем прямо в центре столицы. Константин Звонков, разбитый, потерянный, помятый, заплывший алкоголем и опустившийся до неузнаваемости, выходил из дверей подъезда своей квартиры. Внезапно у тротуара с визгом тормозов затормозил автомобиль.

Из него вышли люди в форме. Не успел Звонков проронить и слова, как ему заломили руки за спину и с щелчком застегнули на его запястьях стальные наручники.

— Звонков Константин Владимирович! — громко зачитал оперативник, пока бывшего главного врача уткнули лицом в капот. — Вы задерживаетесь по подозрению в совершении преступления по статье о мошенничестве в особо крупном размере, финансовых махинациях и соучастии в фальсификации судебных улик!

Прохожие останавливались, снимая на телефоны срам некогда влиятельного хирурга. Звонков скулил и жалко пытался вывернуться, но его грубо запихнули в машину. Справедливость настигла всех, кто строил свое счастье на чужом горе.

Прошло полтора года.

Вена встретила осенний вечер золотым сиянием огней и прохладным альпийским ветром. На верхнем этаже небоскреба «Van der Berg International» кипела светская и деловая жизнь.

Международный холдинг под руководством Олега Сергеевича Вересова переживал невиданный ранее размах и процветание. За эти полтора года Вересов проделал длинный путь. Благодаря его стратегическому уму, железной хватке и врожденному бизнес-чутью, холдинг Эрика ван дер Берга поглотил крупнейшие логистические и ювелирные сети Европы. Финансовые ресурсы Олега увеличились втрое, а его имя снова стало символом абсолютного могущества и непрекаемого авторитета на мировых биржах. Репутация шла впереди него.

У окна с видом на ночные Дунайские мосты стояли двое: Олег Вересов и Эрик ван дер Берг. Вересов выглядел по-деловому — дорогой костюм и золотые часы ролекс с алмазной огранкой, спина прямая, зачесанные назад темные волосы с едва заметной благородной сединой на висках и уверенный взгляд. За годы вместе бизнес-соперничество с Эриком переросло в редкую, крепкую и настоящую мужскую дружбу.

— Знаешь, Олег, — Эрик сделал глоток коньяка, с ухмылкой глядя на друга. — Когда я забирал тебя от ворот той колонии, я знал, что ты силен. Но то, как ты поднял мой холдинг и разнес европейский рынок за такой короткий срок — это выше любых ожиданий. Ты чертов гений, Вересов.

Олег чуть улыбнулся — сдержанно, уголками губ, и качнул головой:

— Мы сделали это вместе, Эрик. Твои ресурсы и мои знания оказались отличным союзом.

Эрик тихо усмехнулся, лукаво прищурившись, и с шутливым упреком подтолкнул Олега локтем:

— А ведь ты, между прочим, так и не ответил мне на то самое предложение об объединении наших холдингов, которое я озвучил тебе на нашей первой личной встрече еще полтора года назад, до всех этих неприятных историй твоей жизни! С тех пор мы прошли через колонию, передел активов и европейский биржевой рынок, а ответа я так и не услышал!

Олег искренне и громко рассмеялся — впервые за последнее время в его смехе прозвучала настоящая, живая теплота. Он с уважением посмотрел на ван дер Берга и крепко сжал его плечо:

— Мой ответ — да, Эрик. Но не из-за цифр в контрактах. За это время ты стал мне ближе любого кровного родственника. Ты стал мне настоящим братом. Никогда в жизни не знаешь заранее, кто окажется предателем, а кто станет твоей истинной семьей. Все мое брат - твое.

Эрик тепло улыбнулся в ответ, а затем качнул головой и слегка вздохнул, окинув друга ироничным взглядом:

— Знаешь, братишка... Все это, конечно, прекрасно. Империи, миллиарды, биржевые победы... Но тебе не кажется, что мы с тобой два законченных идиота? Нам с тобой, на

минуточку, стукнуло сорок пять лет!

Олег с улыбкой приподнял бровь:

— Это ты к чему клонишь, Эрик?

— Да к тому! Два влиятельных, сорокапятилетних мужика, у которых есть всё, о чем только можно мечтать... И при этом оба абсолютно одиноки! Живем только работой, отчетами, сделками да графиками. Посмотри на нас: ни семьи, ни уюта, ни человека рядом, ради которого хочется возвращаться домой. Вся наша жизнь — один сплошной бесконечный бизнес-марафон. Мы вообще планируем жить или так и будем жить работой до смерти?

Олег задумался. Тишину в кабинете нарушал только гул с улицы. Взгляд Вересова на секунду стал грустным. Он сделал медленный глоток коньяка, глядя на огни ночной Вены:

— Работой проще затыкать дыры в душе, Эрик... Когда ты однажды доверился и тебя предали, пускать кого-то нового в свое сердце становится слишком страшно.

— Страшно, — соглашаясь, кивнул Эрик. — Но нельзя вечно жить прошлым. Ладно, дружище... Фундамент нашего совместного бизнеса прочно заложен. На прошлой неделе наш австрийский фонд выкупил последние долговые обязательства «Veresov Diamonds» - фирма теперь твоя. Бывшей клиникой Звонкова мы давно управляем через проверенных людей, там по медицинскому направлению тоже все отлично. Развиваемся по всем фронтам. Ты готов вернуться домой и забрать свое?

Олег медленно повернулся к окну, глядя на отражение своего лица в ночном стекле:

— Пора, Эрик. Время пришло...

Глава 39. Триумфальное возвращение и раскаяние

Поздняя осень. В столице дождливо, грязно, пахнет сыростью. Трап матового частного джета из Австрии плавно опустился на мокрый асфальт VIP-терминала. Первым на землю ступил Олег Вересов. В кашемировом приталенном пальто графитового цвета, с высоко поднятой головой. Следом шагали Эрик ван дер Берг и Игорь. Все трое были похожи на тайных агентов, их прибытие было покрыто неизвестностью.

Спустя полчаса кортеж из трех внедорожников уже мчался по правительственной трассе к стеклянной башне «Veresov Diamonds». Олег вернулся. Не беглецом и не оправданным подсудимым, а влиятельным международным инвестором, держащим в руках судьбу разрушенной империи.

В кабинете совета директоров все молча ждали. Ждали прибытия новых владельцев. Ирина нервно перебирала документы, пытаясь найти хоть какой-то выход из долгов. Счета компании были пустые. Внезапно двери кабинета без стука распахнулись.

На пороге появился Олег. Ирина замерла, выпустив бумаги из ослабевших пальцев. Листы белым веером посыпались на паркет. Лицо женщины от неожиданности покрылось ис-

париной, а дыхание замерло в груди.

— Олег?.. Живой... — едва слышно выдохнула она, отступая к панорамному окну.

— Живой, а ты думала я сгнил в тюрьме от одиночества? Ну ты бы хоть проверила это для надежности — ровным, размеренным голосом откликнулся Вересов, неторопливо проходя к главе стола. За ним вошли Эрик и Игорь, выкладывая на стол пухлую папку с гербовыми печатями. — Международный австрийский фонд «Van der Berg International» выкупил абсолютный контрольный пакет долговых обязательств и залоговых акций «Veresov Diamonds». С этой минуты я являюсь единственным кредитором и полноправным единоличным владельцем холдинга. Ты уволена.

Ирина медленно опустилась в кресло, закрыв лицо руками. На нее разом обрушилась вся тяжесть собственных ошибок, предательство Ивана и понимание того, какой страшный грех она совершила против родного брата.

В её груди что-то надломилось. Гордая, спесивая роковая женщина исчезла — перед Олегом сидела сломанная, несчастная и глубоко раскаивающаяся фигура.

— Олег... Прости меня, — ее голос сорвался на глухие всхлипы. Горячие слезы потекли по её накрашенным щекам. — Я была ослеплена... Я так сильно завидовала тебе и твоему успеху, что перешагнула через нашу кровь! Я разрушила всё, я предала тебя... Пожалуйста, если можешь, прости меня! Я готова на любое наказание, только не ненавижь меня!

Ирина бросилась в ноги к Вересову с мольбой. Олег молча смотрел на плачущую сестру сверху вниз. Какой жалкой она выглядела. В его глазах больше не было обиды или желания отомстить ей. Мсть умерла в нем, поселилось отвращение и жалость к ней.

— Я не хочу тебе мстить, Ира, — тихо, но твердо произнес Вересов. — Жизнь и так жестоко наказала тебя руками человека, ради которого ты предала семью. Но и простить тебя я тоже не могу. Сестры у меня уже давно нет. Я выделю тебе разовую сумму в пятьдесят миллионов долларов и виллу на юге Италии. Ты подпишешь отказ от любых претензий на активы холдинга при наследовании и навсегда исчезнешь из моей жизни. Я не хочу больше тебя видеть. Ни-ког-да!

Ирина лишь молча кивнула, проглатывая слезы. Вересов подписал чек и не глядя вышел из кабинета, поставив жирную точку в отношениях с ней.

Спустя два часа центральный холл башни «Veresov Diamonds» напоминал муравейник. Сотни камер фотоаппаратов ослепляли, десятки микрофонов с логотипами ведущих мировых каналов и модных глянцевого журналов стремились к трибуне. Все ждали сенсации. Все хотели знать, кто же эти новые владельцы.

Олег Вересов и Эрик ван дер Берг уверенно и размашисто вышли к прессе во всем блеске своего величия. Свет эффектно освещали их статные фигуры.

— Господин Вересов! Говорят, ваш объединенный австрийско-российский холдинг выкупил не только «Veresov Diamonds», но и все залоговые векселя крупнейшей частной хирургической клиники! — выкрикнул корреспондент из первого ряда. — Зачем ювелирному и логистическому гиганту медицинские активы?

Олег чуть улыбнулся с высока, а Эрик рядом тихо хмыкнул, подтолкнув друга локтем.

— Похоже, медицина нас никак не отпускает, — с легкой, элегантной иронией произнес Эрик в микрофон, вызвав смехи в зале. — Если серьезно, господа, то сегодня мы объявляем вам о создании нового международного медицинского кластера. На базе наших активов мы хотим запустить сеть многопрофильных клиник по всей Европе. Мы наводим порядок там, где раньше правили хаос и жадность. Мы будем лечить людей и создавать новые стандарты качества, а поможет нам в этом инновационное оборудование произведенное с использованием наших углеродов.

— А какова ваша цель возвращения, господин Вересов? — спросила репортерша.

Олег посмотрел прямо в объектив центральной телекамеры:

— Нам с Эриком надоело жить в Европе, уж очень там скучно. Я хочу вести бизнес отсюда, здесь создавать новые рабочие места, а также повысить уровень жизни людей.

Камеры продолжали щелкать, запечатлевая триумф двух

бизнес-гигантов. Олег Вересов вернул свое имя, свою империю и свое могущество. Больше комментариев они решили не давать лично, оставив Игоря на растерзание прессе.

Олег откинулся на кожаное сиденье автомобиля и поймал себя на мысли о недавнем ночном разговоре в Вене. Слова Эрика о том, что им обоим уже по сорок пять лет, а они абсолютно одиноки и глушат жизнь бесконечной работой, неожиданно глубоко задела его за живое. За этим внешним лоском, за миллиардами и возвращенным именем стояла лишь пустота. Ему остро, впервые за долгие годы, не хватало банального человеческого тепла, семьи и того уюта, ради которого действительно стоит жить...

Глава 40. Разбитое зеркало правды

На следующий день Вересов вместе с Игорем отправился в больницу, чтобы лично познакомиться с администрацией и войти в положение дел, для запуска программы по модернизации всей сети клиник. Лифт плавно поднял их на третий этаж, где располагался основной административный блок. Олег был внешне как обычно элегантен, но в душе он сгорал от неожиданного волнения. Сердце миллиардера билось рваным ритмом. Он шёл по этим коридорам и вопреки здравому смыслу думал лишь об одном: он встретит её здесь, наверное она сейчас занимает пост главврача клиники. Он верил, что прямо сейчас за поворотом, у двери операционного блока или в ординаторской, откроется дверь и перед ним предстанет Мира — с её огромными глазами, белым халатом и он ей скажет все что накопилось за все эти годы..

Он нервничал как юнец. Руки потели, а дыхание прерывалось при каждом шаге навстречу к кабинету главного врача клиники.

— Олег Сергеевич, — тихо произнес Игорь, сзади придерживая дверь бывшего кабинета Звонкова. — Врачи и администрация ждут вас на пятиминутку. Но... если вы ищите её, то её здесь нет. Мира Алексеевна уволилась сразу после ареста Константина Звонкова. На следующий же день. Неизвестно куда она исчезла.

Вересов замер на пороге. Слова Игоря прозвучали как фон, неразбочиво. Олег медленно перевел дыхание, заставляя себя скрыть возникшее смятение за маской спокойствия.

— Понятно... Ну тогда приступаем к аудиту, — коротко бросил он.

Игорь запустил процедуру полной финансовой и архивной чистки. Системные администраторы, нанятые Вересовым, приводили в порядок все документы, собирали необходимые данные для составления прогнозов и произведения расчетов.

Часы работы летели незаметно. Ближе к обеду Игорь, сидя за компьютером в углу кабинета, внезапно замолчал. Глаза нервно забегали по кабинету, словно пытаясь спрятаться. Его пальцы зависли над клавиатурой в нерешимости.

— Олег Сергеевич... — голос Игоря прозвучал очень тихо. — Вы должны это увидеть. Мы случайно нашли удаленное личное хранилище Звонкова, его видимо пропустили следователи при обысках, раз оно тут осталось. Папка с надписью “Игрушка”. Здесь какие-то анализы, видеофайлы.

Олег поднялся и подошел к компьютеру. На экране открылся сканированный файл протокола ультразвукового исследования, принадлежащий Кравцовой Мире Алексеевне.

— В справке, которую Звонков приобщил к медкарте, стоял срок в семь недель, — показал Игорь, указывая пальцем на экран. — Но в этом документе, стоит совсем другая цифра: дата обследования и реальный срок — ровно четыре

недели.

Игорь больше не проронил ни слова, оставляя возможность сделать выводы своему боссу. Вересов всмотрелся в дату... и в эту секунду в его голове словно взорвалась оглушительная бомба. Даты сошлись с точностью до дня. Четыре недели на момент того обследования. Это было время их сокровенных, сумасшедших дней во Франции. Время их любви.

Земля с оглушительным гулом ушла из-под ног Вересова. Воздух в кабинете стал намагниченным. *«Боже мой...»* — пронеслось в его воспаленном сознании. — *«Ребенок был моим... Это был мой малыш! Вересов, какой же ты идиотина! Что ж ты за человек такой...»*

Его накрыли беспорядочные мысли. Он не знал подробностей, не знал, что именно произошло между Мирой и Звонковым, но теперь отчетливо понимал: Миру просто мастерски ввели в заблуждение! Подменили бланки, сроки, сыграли на её шоке и растерянности... *“А может, у неё вообще ничего не было со Звонковым после возвращения из Франции?”* Заговорщики просто виртуозно воспользовались ситуацией, подкинули ложные цифры, а они с Мирой сами загнали себя в эту открытую для них ловушку, поверили в обман и собственными руками разрушили свою жизнь!

— Олег Сергеевич... Посмотрите на следующие файл, — продолжил Игорь, открывая видеофайлы с камер квартиры Звонкова..

Олег медленно опустился в кресло, и он не мог поверить своим глазам, какой кошмар ему открылся. Оказывается, Звонков постоянно наблюдал за квартирой, где находилась Мира, боясь что она ослушается его или что-то организует против него. А еще ему доставляло удовольствие пересматривать грязные файлы их “счастливой” семейной жизни. Шесть месяцев ада Миры... а ведь как раз в это время Вересов смотрел на красивые журналы и думал, как они счастливы, как эта парочка его обвели вокруг пальца. Константин упивался своей абсолютной, больной властью над ней.

С экрана на Олега смотрели фотографии его любимой женщины, сломанной, истощенной и превращенной в тень. На бледной истерзаной коже Миры, на её плечах, запястьях и округлых бедрах темнели глубокие, налитые багровостью синяки и кровоподтеки. Снимки и видео помнили, как Звонков связывал её шелковыми ремнями на кровати, как толкал на колени, как издевался над её гордостью и телом день за днем, вымещая свою садистскую похоть и паранойю.

А затем открылась желтая выписка гинекологического отделения: *«Экстренная госпитализация. Острая кровопотеря. Самопроизвольный аборт на тринадцатой неделе беременности вследствие систематического психологического и физического истощения...»*

Его сердце рвалось на мелкие кровавые куски. Руки миллиардера так сильно дрожали, что он едва мог удержать

мышь. Он развязал галстук, чтобы больше воздуха попадало в легкие.

— Олег Сергеевич... Вам не хорошо? Может воды?

— Спасибо, Игорь. Не нужно, просто увиденное приводит в шок, этого ублюдка Звонкова должны были за это тоже наказать.. Это же женщина, как можно позволить себе такое отношение к ней!

И в эту секунду перед его взором вспыхнули воспоминания о зале суда. Тот самый день, когда он сидел за бронированным стеклом «аквариума». Он вспомнил, как Мира входила в зал под руку со Звонковым, как её лицо было белым словно саван. Он вспомнил её взгляд — полный мольбы, невысказанной любви и дикого отчаяния! И главное — он вспомнил ее ладонь, которой она бессознательно и трепетно прикрывала свой животик ... В тот день он думал, что она пришла его добить! Он жёг её своим ледяным презрением! А она... Она стояла за трибуной, сжимая края дерева, отказалась лгать ради Звонкова и защищала под своим сердцем их ребенка!

«Олег... Зачем ты так поступаешь со мной? Если бы ты знал, через какой ад я прохожу прямо сейчас...» — зазвучал в его голове её безмолвный крик.

— А я... Я счел её предательницей... — сдавленно выкрикнул Олег, закрывая лицо руками и тяжело, прерывисто рыдая. Впервые за долгие годы этот стальной, негибачаемый мужчина плакал навзрыд, задыхаясь от жгучей вины. — Я

бросил её там! Я оставил её в руках этого монстра! Она была беременна, терпела его издевательства, проглотила слезы и топтала собственную честь ради ребенка... А этот садист бил её, ломал, пока не убил моего малыша! Каким же слепым идиотом я был! Каким ничтожеством!»

Воспоминания камбэками рвали его душу на части. Каждый её взгляд, каждый судорожный вздох на суде, каждая капля крови в медицинской карте пылали огнем в его сознании. Их обоих обманули самым жестоким, зверским образом, а они сами помогли заговорщикам, поверив во ложь и растоптав свою любовь.

Олег резко поднялся из-за стола. Его лицо изменилось — больше не было слез, лишь ледяная, безумная решимость и дикая, сокрушительная жажда вернуть её.

— Игорь! — его голос прозвучал как раскат грома. — Поднимай всех! Частных детективов, интерпол, пограничные службы, все международные реестры врачей! Найди мне Миру! Найди ее любой ценой! Я переверну эту планету вверх дном, но я должен найти ее, а потом я готов ползать перед ней на коленях и молить о прощении!

— Слушаюсь, Олег Сергеевич! — Игорь мигом выбежал из кабинета, отдавая распоряжения своим людям по телефону.

Прошел день. Затем неделя. Затем через месяц непрерывных, изматывающих поисков, Игорь зашел в кабинет Вере-

сова с безнадежным выражением лица.

Олег сидел у окна, работая как обычно за ноутбуком.

— Олег Сергеевич... Наши поиски провалились с треском, — тихо, виновато произнес Игорь, опустив голову. — Мне жаль, но прошло слишком много времени. Полтора года. Мира Алексеевна после заключения Звонкова сразу уволилась, продала квартиру, закрыла все счета - полностью оборвала свой информационный след. В базе данных вылетающих из страны под фамилией Кравцова её нет. В госреестрах врачей — тоже пустота. Она словно растворилась в воздухе...

Олег молча смотрел на мокрый асфальт за окном. Он вернул себе всё: миллионы, империю, имя и власть. Но единственное, что имело истинную ценность в этом мире — его Мира — была потеряна навсегда...

Глава 41. Вспышка

Огромный зал нового центрального корпуса международной сети многопрофильных медицинских центров «Надежда» утопал в ярком свете сотни люстр, аромате живых белоснежных лилий и приятной музыке симфонического оркестра, приглашенного из консерватории. Торжественный прием в честь официального запуска сети собрал весь цвет мировой медицины, серьезных инвесторов и правительства. Руководство медицинским направлением полностью взял на себя Эрик ван дер Берг. Высокий, подтянутый, в сшитом на заказ черном смокинге от итальянских мастеров, он лично приветствовал высоких гостей, принимая поздравления, вел легко и непринужденно светские беседы.

Эрик был человеком открытым, увлеченным своим делом, привыкшим держать под четким контролем все важные детали. Но в какой-то момент, отпив глоток игристого и повернувшись к центральной длинной лестнице, он замер. Его взгляд зацепился за точеный силуэт женщины, грациозно спускающийся в зал, и он буквально затаил дыхание, не в силах оторвать глаз.

На ней было нежное, но невероятно элегантное вечернее платье цвета глубокого изумруда, оттенявшее её идеальную кожу. Тёмные, изящно завитые локоны мягкими волнами ниспадали на хрупкие плечи, а карие глаза, обрамленные

густыми ресницами, излучали удивительную, редкую смесь пронизательного ума, загадочности и благородного достоинства. В этой девушке не было ни капли той дешевой, наигранной фальши, которой обычно кичились женщины на подобных вечерах. Она казалась ему настоящей.

Эрик поймал себя на мысли, что его сердце, давно привыкшее биться в сухом, сдержанном бизнес-ритме, сделало резкий, оглушительный толчок.

Рядом с ней прошел статный, уверенный в себе мужчина — Сергей Петров, проверенный и влиятельный старший сын главного восточноевропейского партнера их холдинга, с которым ван дер Берг вел успешные дела уже не один год.

Эрик, не теряя ни секунды, неторопливым, но уверенным шагом направился прямо к ним.

— Сергей, рад приветствовать тебя! — с искренней улыбкой произнес Эрик, пожав руку партнеру, а затем чуть наклонил голову, переводя замороженный взгляд на незнакомку. — Твой приезд — большая честь для нашего вечера. Но ты обязан представить мне эту ослепительную даму.

— Эрик, дорогой мой! — протягивая руку ответил Сергей и обнимая ван дер Берга за плечи. — Поздравляю с грандиозным стартом и расширением! С удовольствием познакомлю. Это моя сестра — Алиса Алексеевна Петрова. Алиса - это Эрик ван дер Берг, совладелец и идейный вдохновитель сети «Надежда», крупный европейский магнат алмазного холдинга. Они с Вересовым наши давние знакомые. Она

не особо любит все эти пышные приемы, а тут вот согласилась скрасить мой вечер.

— Очень приятно, господин ван дер Берг, — прозвучал ее голос. Он был похож на музыкальный аккорд, который мгновенно прошелся приятной дрожью по спине Эрика. Алиса подала ему тонкую, изящную ладонь.

— Просто Эрик, прошу вас, Алиса Алексеевна, — он галантно и очень бережно прикоснулся губами к её пальцам, удерживая её взгляд чуть дольше, чем того требовал светский этикет. — Вы поистине украсили этот вечер не только для брата, но и нас всех. Вы прямо-таки находка этого праздника. Что думаете о нашей новой концепции?

— Впечатляет, Эрик, — Алиса чуть приподняла губы в загадочной, сдержанной улыбке. — Создать сеть, которая совмещает передовую науку с искренней заботой о людях — задача достойная. Надеюсь, название «Надежда» станет для ваших пациентов не просто красивой афишей, а реальным спасением.

— Поверьте, я приложу к этому все силы, — ответил Эрик, не сводя с неё взгляд. В этот момент струнный квартет перешел на плавные, томительные аккорды медленного вальса.

Ван дер Берг чуть подался вперед и с едва уловимой, мужественной робостью протянул ей руку:

— Позвольте ли вы мне подарить вам этот медленный танец, Алиса?

Алиса на мгновение замерла, вглядываясь в его искренние, глубокие глаза, а затем мягко вложила свою ладонь в его руку:

— С удовольствием, Эрик.

Они вышли на центр освещенного паркета. Его сильная, уверенная ладонь бережно легла на её талию, а второй рукой он сжал её гибкие пальцы. Они кружились в плавном ритме музыки под вспышки прессы и восхищенные шепотки гостей. Эрик чувствовал исходящее от неё тонкое тепло, улавливал едва заметный, чарующий шлейф её парфюма с нотами дикого ириса и белого мускуса. Все остальные люди, разговоры и миллионные сделки в этот момент перестали для него существовать. Были только они двое в центре этого огромного зала.

— Вы отлично танцуете, — тихо заметила Алиса, глядя на него снизу вверх.

— Рядом с такой партнершей у меня просто нет шансов оступиться, — с легкой, сдержанной улыбкой ответил Эрик. — Сказать честно, Алиса... я не верил в случайности. Но сегодняшняя встреча с вами перевернула всё мое представление об этом вечере.

Алиса чуть опустила взгляд, на её щеках вспыхнул легкий румянец, но она ничего не ответила, лишь крепче доверилась его уверенным движениям в танце.

Следующие два дня превратились для Эрика ван дер Бер-

га в бесконечное ожидание. Тот медленный танец и убаюкивающий голос не выходили у него из головы. Он, взрослый и тертый жизнью бизнес-гигант, поймал себя на чувстве, которое считал давно умершим — в нем вспыхнула пылкая искра настоящей влюбленности.

Эрик направил Алисе роскошный букет редких белых орхидей с лаконичной, сдержанной карточкой и приглашением на романтический ужин. На его удачу, она ответила согласием.

Для их первого свидания Эрик забронировал закрытую террасу ресторана на втором этаже старинного особняка. Оттуда открывался захватывающий вид на ночную реку и сияющие огни мегаполиса. Стол был украшен свечами, была создана очень уединенная атмосфера, располагающая к откровенному общению.

Эрик прибыл заранее. Его внешний вид должен был поразить эту женщину наповал. При росте под метр девяносто, с широким разворотом плеч и волевым подбородком, ван дер Берг излучал спокойную силу уверенного в себе мужчины, рядом с которым женщина чувствует себя в полной безопасности.

Когда к столику в сопровождении метрдотеля подошла Алиса, Эрик мгновенно поднялся, искренне восхищаясь её видом. На ней было лаконичное черное платье-футляр, подчеркивающее тонкую талию, и изящная нить жемчуга на шее.

— Вы прекрасны, Алиса, — произнес он, выдвигая для неё кресло и подавая бокал выдержанного французского вина. — Спасибо, что приняли мое приглашение.

— Спасибо за эти невероятные орхидеи, Эрик, — тепло ответила Алиса, оглядывая уютную террасу. — Вы устроили настоящую сказку. Не думала, что такой занятой человек найдет время для подобного вечера.

— Для того, что действительно имеет значение, время находится всегда, — ответил Эрик, садясь напротив и заглядывая в её карие глаза. — Сказать откровенно, Алиса... за последние пару лет моя жизнь состояла исключительно из отчетов, перелетов, сухих графиков и холодных финансовых битв. Я думал, что разучился радоваться простым вещам. Но когда я увидел вас на приеме... во мне будто что-то проснулось.

Алиса задумчиво крутила ножку хрустального бокала, внимательно слушая его голос:

— Бизнес часто забирает у мужчин душу, Эрик. Рада видеть, что ваша душа осталась живой. Ваш друг Олег Вересов... он ведь тоже прошел через страшные испытания, верно? Вы с ним очень похожи — два сильных человека, скрывающих внутренние шрамы.

— Олег — мой единственный друг, он мне как брат, — искренне произнес Эрик. — Мы прошли через ад, чтобы выстроить то, что имеем сегодня. Но сегодня я хочу говорить не о бизнесе и не о прошлом. Я хочу узнать вас, Алиса. Чем

вы живете? Что заставляет ваше сердце биться чаще?

Их разговор тек легко, естественно и глубоко, словно они были знакомы много лет. Алиса рассказывала о своем увлечении классической живописью, о благотворительных галереях, которые она курировала, и о любви к тихим путешествиям. Эрик впервые за долгое время искренне смеялся, открывал свою душу, делился своими мыслями и чувствовал, как с каждой минутой между ними вырастает невидимая, мощная притягательная нить. Это был идеальный, наполненный теплотой и тонкой страстью романтический ужин.

К полуночи ужин подходил к концу. Прохладный ночной ветер слегка колыхал тяжелые шторы на террасе.

Эрик мягко накинул на плечи Алисы свой теплый пиджак, и они вместе подошли к ограждению, глядя на ночные огни города.

— Это был удивительный вечер, Эрик, — тихо прошептала Алиса, поворачиваясь к нему. В глазах отражались огни свечей, одиноко тлеющих на столе. — Спасибо тебе за это ужин. Я давно не чувствовала себя так легко и защищено.

— Это только начало вечера, Алиса, — тихо и нежно ответил Эрик. Он взял ее руки и мягко поцеловал их, затем они встали и подошли к друг другу ближе. Эрик трепетно решился поцеловать ее в губы. И в этом поцелуе смешались вся его накопленная мужская страсть, одиночество и зарождающееся чувство влюбленности. Алиса не оттолкнула его

— она доверилась его объятиям, отвечая на поцелуй.

Когда они плавно оторвались друг от друга, Эрик сразу вымолвил, глядя на неё с обожанием:

— Я не хочу отпускать тебя, Алиса... Давай продолжим наш вечер у меня дома..

Алиса едва заметно улыбнулась, но затем на секунду её взгляд спрятался за тенью глубокой, давней и затаенной печали. Она достала из своей сумочки телефон, который тихо вибрировал весь вечер, и коротко посмотреть на заблокированный экран.

Там светилось входящее сообщение с текстом: *«Когда ты вернешься домой, я жду тебя?..»*

Алиса сжала телефон в ладони, ощутив, как сердце в груди забилось в диком, паническом ритме. Она быстро погасила экран и подняла на Эрика тихий взгляд, скрывая за ним волнение.

— Эрик, мне нужно домой. Отвези меня, пожалуйста.

Глава 42. Тайны сердца и ночной виски

Эрик мягко затормозил свой автомобиль у ворот уютного двухэтажного дома в тихом зеленом переулке. Салон уютно пах в полутьме, наполненной ароматом сладких духов Алисы с нотами дикого ириса. На протяжении всей дороги ван дер Берг ловил себя на желании повернуть время вспять и продлить этот вечер еще на несколько часов или развернуть свою машину на сто восемьдесят градусов и увести ее к себе в особняк. Но нет, так нельзя.

Эрик бережно накрыл своей сильной ладонью руку Алисы, лежащую на ее оголенных коленях:

— Алиса... Всё в порядке? После того сообщения ты стала немного задумчивой, молчаливой. Если у тебя возникли какие-то проблемы или тебе нужна моя помощь — только скажи. В любое время дня и ночи.

Алиса вздрогнула от его теплого, заботливого тона. В ее глазах на мгновение мелькнула тревога, но она быстро справилась с собой и подарила ему мягкую, открытую улыбку:

— Нет, Эрик, правда, всё хорошо. Это просто домашние хлопоты. Спасибо тебе за этот сказочный ужин... Я правда давно не чувствовала себя настолько легко и безмятежно.

Ван дер Берг улыбнулся, чуть подался вперед и ласково,

невесомо прикоснулся губами к ее теплой щеке, вдыхая аромат ее волос:

— Это лишь первое наше свидание, Алиса. Я не намерен отпускать тебя из своей жизни. Мы обязательно еще увидимся.

— Буду ждать, — тихо ответила она и, бросив на него долгий, волнующий взгляд, вышла из машины.

Алиса бесшумно повернула ключ в дверном замке и шагнула в теплую, наполненную запахом сушеной мяты и сдобной выпечки прихожую. Сбросив туфли и повесив плащ, она на цыпочках прошла вглубь коридора. Из детской комнаты лился слабый свет ночника в форме полумесяца.

На краю широкой кровати, укутанная в мягкое одеяло, сидела пятилетняя девчушка с темными шелковистыми кудряшками и огромными карими глазами. В ее маленьких ручках был зажат телефон бабушки. Увидев мать, малышка отбросила аппарат и протянула к ней ручки:

— Мамочка! Ты вернулась! А я не спала... Я сама тебе кнопки нажимала, чтобы ты знала, что я тебя жду!

Сердце Алисы сжалось от невыразимой, щемящей нежности. Она опустилась на колени перед кроватью, крепко прижала дочку к себе и покрывала поцелуями ее лобик и щечки:

— Ах, Сонечка... Ну почему же ты не спишь так поздно? Я же обещала, что скоро приеду. Ты опять не слушалась бабушку? Ая-яй... как не хорошо..

— Мне без тебя не спалось, — зевнула девочка, уютно устраиваясь на мамином плече. — Мне бабушка сказала, что ты на деловой встрече с каким-то дядей... он добрый?

Алиса замерла, поглаживая дочку. Перед глазами всплыли глубокие, искренние глаза Эрика, его бережные прикосновения:

— Очень добрый, милая... Очень. А теперь закрывай глазки. Я посижу с тобой, пока ты не уснешь.

Спустя пятнадцать минут Соня сладко посапывала в своей постели. Алиса поправила одеяло, поцеловала дочку и тихо вышла, закрыв за собой дверь.

На кухне горел приглушенная подсветка. За обеденным столом сидела Кира Сергеевна Орлова — высокая, элегантная женщина с теплой материнской улыбкой. Перед ней стоял заварник с ромашковым чаем.

— Уложила непоседу? — спросила мать, наливая чай во вторую чашку и передавая ее дочери. — Она весь вечер ходила как хвостик, каждые пять минут спрашивала: “Мама скоро придет? Когда же она вернется?” и я в итоге я дала ей телефон, чтобы написать тебе. Она сама набирала сообщение, такая молодец.

— Да, уложила, она почти сразу заснула. Видимо очень устала. — Алиса опустилась на стул, обхватив горячую чашку ладонями. Ей очень хотелось, чтобы мама спросила ее о свидании, так хотелось еще раз вспомнить о проведенном

вечере.

Кира Сергеевна внимательно вгляделась в черты дочери:

— Ммм.. Судя по твоим глазам, дочка... свидание с господином ван дер Бергом прошло куда лучше, чем ты ожидала перед выходом? Твой отец уважает и дорожит им как партнером.

— Мама... Он такой.. Такой потрясающий, — выдохнула Алиса, смущенно пряча улыбку. — В нем нет ни грамма высокомерия, снобизма или даже эгоизма, к которому мы привыкли на приемах. Он внимательный, чуткий, сильный... Рядом с ним кажется, что весь остальной мир просто замирает. Мы говорили с ним обо всем на свете. Он искренне интересовался моими увлечениями, не пытался говорить только о себе.

Кира Сергеевна тепло улыбнулась, но затем проступила легкая материнская тревога:

— Я очень рада за тебя, доченька. Но скажи мне честно... Ты рассказала Эрику о Сонечке? Он знает, что ты одна воспитываешь пятилетнюю дочь? Ее не утаишь, да и ни к чему хорошему эти тайны не приведут тебя..

Алиса опустила глаза в стол, постукивая пальцами по краю стола:

— Нет, мама... Я не смогла. Побоялась. Эрик — европейский магнат, свободный, успешный мужчина за которого толпа женщин мечтает выйти замуж. Наше знакомство только началось, и я испугалась, что разрушу эту хрупкую сказку,

волшебство в первый же вечер. Вдруг он испугается чужого ребенка? Вдруг отдалится? Вдруг разозлится? Да и мало ли чего подумает обо мне..

Кира Сергеевна вздохнула, положив свою теплую руку поверх ладони дочери:

— Алиса, милая... Настоящий мужчина, если полюбит женщину всем сердцем, примет и ее ребенка как самое дорогое сокровище. Не начинай отношения с недомолвок. Посмотри на твою старшую сестру Миру... Она всю жизнь привыкла делать все сама, одна, гордо отказываясь от помощи отца. И к чему привела эта закрытость? К исковерканной судьбе и побегу за границу без объяснения причин. Не повторяй ее ошибок. Если ван дер Берг — действительно тот человек, которым кажется, он поймет.

— Я знаю, мама... Я обязательно скажу ему. Просто нужно выбрать правильный момент, — тихо ответила Алиса, глядя в окно на ночные звезды.

В это же самое время в кабинете верхнего этажа «Van der Berg International» витала атмосфера невероятной, сокрушительной эйфории.

Эрик ван дер Берг ходил из угла в угол по ковру, и на его обычно строгом, аристократичном лице цвела искренняя, абсолютно мальчишеская улыбка. В руках он держал бокал с коньяком, но едва прикасался к нему. Олег Вересов сидел в глубоком кресле, с доброй ухмылкой наблюдая за

невероятным метаморфозом своего сдержанного, железного друга.

— Олег, ты просто не представляешь! — окрыленно заговорил Эрик, активно жестикулируя. — Я ведь думал, что в мои сорок пять жизнь уже отсчитала всё самое яркое! Думал, что остался только бизнес да бесконечные отчеты! Но Алиса... Боже, Олег, она невероятная! В ней есть всё: редкий, глубочайший ум, благородство, искренность и такая тонкая, манящая красота, от которой у меня перехватывает дыхание!

Олег тихо усмехнулся, сделав глоток виски:

— Вижу, наш бесстрашный европейский гигант окончательно попался в сети. Ты весь светишься, Эрик.

— Да сам в шоке! — с радостным смехом откликнулся ван дер Берг, садясь напротив. — Я понял это в тот самый момент, когда мы танцевали у нас на приеме! Боже, как она пархала в танце! Я ведь именно её ждал всю свою жизнь, Олег. Я теперь дышать без нее не могу. Да если потребуются я готов бросить к её ногам весь мир, уехать на край света, построить для неё целый замок, только чтобы видеть ее улыбку каждый день!

Однако в какой-то момент Эрик сделал паузу, и его окрыленный взгляд слегка потускнел, затягиваясь тенью легкого смутения.

— Хотя... знаешь, Олег... Есть в ней одна вещь, которая не дает мне покоя, — тихо добавил Эрик, крутя бокал в руке.

— В её глазах иногда вспыхивает какая-то глубокая печаль. А после нашего свидания в ресторане, когда мы поцеловались, она посмотрела на телефон... и в её взгляде мелькнула неподдельный испуг или тревога, а потом она сразу прервала наше свидание и попросила отвести ее домой. Вот почему?

Вересов на мгновение задумался. Мудрая тишина повисла в кабинете. Олег поднялся, подошел к Эрику и с глубоким уважением положил сильную ладонь на его плечо.

— Эрик, послушай меня, — низким, суровым, но невероятно теплым голосом произнес Вересов, заглядывая другу прямо в глаза. — Ты даже не думать торопиться с выводами и не давай сомнениям разъедать возникшее, только зародившееся чувство. Сомнения и слепая гордыня могут разрушить всё в одну секунду. Я сам обжегся на этом в жизни так больно, что потерял все что действительно имеет значение. Я поверил в обман, усомнился в любимой женщине и где она сейчас? Не знаю. Если ты чувствуешь, что Алиса — твоя судьба, верь ей. Защищай её, дай ей время довериться тебе и не суди её за её тайны. Настоящая любовь стоит того, чтобы за неё бороться.

Эрик с благодарностью сжал руку Вересова, чувствуя мудрость и силу своего настоящего брата.

Глава 43. Магия холста

Просторная художественная галерея в историческом центре столицы утопала в мягком направленном свете софитов, аромате свежесрезанных цветов и тихом шепоте ценителей высокого искусства. Благотворительная выставка классической живописи Алисы Петровой проходила с грандиозным, оглушительным блеском.

Картины, наполненные глубоким светом, тонкой чувственностью и редкой искренностью, притянули весь цвет светского общества и коллекционеров. К середине вечера на рамах абсолютно всех холстов поблескивали красные точки — выставка была полностью распродана.

Алиса в длинном в пол нежно-кремовом платье принимала поздравления гостей, когда публика у центральной экспозиции уважительно расступилась. В зал вошел Эрик ван дер Берг. В одной руке у него была корзина из редких бархатных алых роз, а другой роскошный красный футляр. Эрик выглядел безупречно — подтянутый, с иголки одетый, он излучал такое непререкаемое мужское могущество, что все взгляды мгновенно устремились к нему, раздались вспышки фотокамер.

— Поздравляю с триумфом, Алиса, — его низкий томный голос заставил её сердце сделать привычный, радостный толчок. Ван дер Берг преподнес ей розы и, открыв футляр,

аккуратно извлек эксклюзивное кольцо из чистейших каплевидных бриллиантов. — Прими этот скромный знак моего восхищения.

— Эрик... Боже мой, это слишком дорого и пышно! — прошептала Алиса, слегка смутившись под вспышками камер.

— Для меня эти камни — лишь холодные кристаллы, — тихо, но с глубокой нежностью произнес Эрик, помогая застегнуть замочек на её тонкой шее и касаясь кончиками огрубевших пальцев чувствительной кожи. — Главный и самый ослепительный бриллиант в этом зале конечно же - ты.

Алиса залилась краской от смущения, а Эрик чуть заметно улыбнулся. Он никому не обмолвился, но ещё за час до своего прихода через доверенного арт-дилера тайком выкупил главный пейзаж выставки и оформил анонимный заказ на большой личный портрет. Ван дер Берг был намерен проникнуть в её святая святых — её художественную мастерскую.

На следующий день залитая солнечным светом мансарда художественной мастерской Алисы была пропитана запахом масляных красок, льняного холста и терпентина. Алиса подготавливала большой подрамник, когда в дверь раздался уверенный, спокойный и громкий стук.

Отперев замок, она на мгновение замерла на пороге. На пороге стоял Эрик. Без свиты, без охранительного кортежа

— только он один. Ван дер Берг пришел лично позировать для заказанного портрета. В этот день он выглядел до невозможности привлекательно: темные брюки идеального кроя, темно-синяя шелковая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, слегка открывающими мощную грудь, и засученные по локоть рукава, обнажающие сильные, мускулистые предплечья с отчетливыми венами. От него веяло породистым лоском, дорогой парфюмерной кожей и той абсолютной мужской силой, перед которой не способна устоять ни одна женщина.

— Эрик?.. Ты?.. — ошеломленно выдохнула Алиса, прижимая палитру к груди. — Так тот тайный заказчик на портрет для частной коллекции в доме — это ты?

— Прости за эту маленькую хитрость, Алиса, — с легкой, неотразимой ухмылкой ответил Эрик, проходя в мастерскую и осматриваясь. — Но я хотел повесить в своем доме не просто картину. Я хотел, чтобы ее написали именно твои руки. И, признаться, я искал повод провести с тобой время.. наедине.

Алиса чувствовала, как волнение охватывает её тело. Настроиться на рабочий лад казалось невыполнимой задачей. Она посадила Эрика в глубокое кожаное кресло у окна, установила холст на мольберт и взяла кисть. Но едва процесс начался, атмосфера в мастерской раскалилась до предела.

Эрик позировал неподвижно, но его пронизывающий, глубокий взгляд не отрывался от Алисы ни на секунду. Он

не просто смотрел — он медленно, властно и с голодной, нескрываемой страстью обжигал ее, буквально раздевая до гола. Каждый раз, когда Алиса поднимала глаза, чтобы поймать черты его лица, она сталкивалась с этим омутом.

Алисе становилось жарко:

— Я открою окно, сегодня слишком палящее солнце.. — нервно проговорила Алиса, пока ее дыхание сбивалось, а пальцы, сжимающие кисть, слегка дрожали. На её щеках пылал яркий румянец, а пульс на шее бился в диком ритме.

Эрик виртуозно замечал каждую её реакцию, и на его губах играла торжествующая, невероятно сексуальная улыбка:

— Да без проблем, это все равно тебя не спасет от жары.

Между ними кипела невидимая, вибрирующая магия, в которой плавилось прошлое и загоралась чистая, неудержимая любовь.

— Ты заставляешь меня волноваться, Эрик... — тихо прошептала Алиса, опуская кисть и пытаясь перевести дух. — Так невозможно работать.

— А ты заставляешь меня заново учиться дышать, Алиса. Я вот тоже не смог отправиться на работу, потому что не могу не думать о тебе... — ответил Эрик, поднимаясь с кресла, сокращая между ними расстояние и мягко забирая палитру из её дрожащих рук — и о нашем поцелуе на террасе..

А в это время на другом конце города, в главном офисе объединенного холдинга, кипела сухая, жесткая и праг-

матичная бизнес-жизнь. Олег Вересов проводил один раунд сложных международных переговоров за другим. В его кабинете менялись крупнейшие инвесторы один за другим. Переговоры - сплошные сложные переговоры. Без остановки.

Вересов был как рыба в воде. На нем был надет строгий графитовый костюм-тройка. Олег держал себя как настоящий профессионал — уверенный, сдержанный, с точной аргументацией по любому предложению. Он быстро закрывал многомиллионные сделки, подписывал соглашения о расширении ювелирной сети и наводил полный порядок в активах. Олег прятал свою личную боль за работой, оставаясь безусловным лидером во всех начинаниях.

К концу тяжелого рабочего дня, когда партнеры попрощались и покинули кабинет, Вересов откинулся на спинку кресла, устало массируя переносицу. В тишине кабинета опустились сумерки.

Внезапно в дверь раздался робкий, почти невесомый стук. Олег чуть приподнял бровь:

— Войдите.

На пороге, сжимая в дрожащих руках брендовую сумочку, стояла Кристина Должанская. Бывшая молодая любовница Звонкова выглядела растерянно и блекло — от её прежней спеси и дерзости не осталось и следа. Она сделала несмелый шаг в кабинет, виновато и испуганно глядя на миллиардера...

Глава 44. Ловушки соблазна и барьеры чувств

Уже давно стемнело. Олег не рассчитывал, что в столь позднее время в офисе кто-то есть. Кристина Должанская сделала несмелый шаг через порог, тихо прикрыв за собой дверь. За прошедшие два года она стала еще более ослепительной, расцвела той бесстыдной красотой, которая заставляла мужчин сразу терять голову. На ней было облегающее шелковое платье, тонко подчеркивающее аппетитные формы, а распущенные белокурые локоны каскадом ниспадали на обнаженные плечи. Кристина всегда привыкла брать от жизни всё, что пожелает. Теперь её взгляд был устремлен на главного холостяка и миллиардера страны — Олег Вересов казался идеальной добычей, а хрупкая, беззащитная поза лишь дополняла её тщательно продуманный образ.

— Олег Сергеевич... Простите за столь поздний визит, — прозвучал ее голос — Я не знала, к кому еще обратиться по одному деликатному вопросу.

Вересов медленно отложил ручку паркер, опираясь сцепленными пальцами о стол. Его пронизывающий взгляд оценил визитершу с ног до головы:

— Зачем вы пришли, Кристина Викторовна? По-моему, у нас нет с вашей семьей общих дел. А личного у нас ничего

нет.

Кристина виновато опустила глаза, сделав еще шаг к столу, сжимая в руке дорогой клатч:

— Не знаю как и начать. У моего отца, Виктора Петровича, катастрофа. Недавно он сделал совершенно неудачное, провальное вложение в международный инвестиционный фонд... Его активы под угрозой, счета на грани заморозки, а кредиторы буквально сжимают тиски. Отцу грозит полное банкротство, а его здоровье этого не выдержит! Пожалуйста, Олег Сергеевич... Ваш холдинг владеет всеми его долгами и влиянием. Спасите его! Помогите навести порядок в его финансовых контрактах!

Вересов чуть прищурился, улавливая за этой фальшивой хрупкостью искусственную женскую игру. Должанский-старший оставался крупной фигурой на рынке, и контролировать его долги могло быть выгодно для холдинга, это требовало более тщательной проверки.

— Я не занимаюсь благотворительностью, Кристина, — ровно и сурово произнес Олег. — Но я дам указание юристам и аудиторам изучить инвестиционный фонд вашего отца. Если ситуация действительно обратима и представляет интерес для нашего медицинского кластера, я подумаю, как помочь. Обещать ничего не стану.

Кристина облегченно выдохнула, так что из груди раздался томный вздох. Она мягко подалась вперед, подходя вплотную к столу. От нее веяло дурманящим шлейфом дорогих

французских духов.

— Спасибо, Олег... Вы единственный настоящий мужчина в этой гиблой столице, — с придыханием прошептала она, нежно облизывая свои аппетитные губы. — Вы не согласитесь проводить меня до дома? За окном глубокая ночь, на улице темно... Девушке не подобает ходить одной в такой час.

Олег сдержанно поднялся из-за стола, сохраняя неприступную дистанцию:

— На улице вас ждет автомобиль моего помощника. Игорь доставит вас куда скажите в целости и сохранности. Я распоряжусь об этом. Доброй ночи, Кристина.

Кристина испытала досаду, но скрыла раздражение за благодарной улыбкой. Холодность Вересова лишь распаляла её азарт.

А на другом конце города, в мансарде художественной мастерской, атмосфера была максимально накалена. Эрик ван дер Берг стоял посреди комнаты, сократив расстояние между собой и Алисой до нескольких сантиметров. Палитра из её рук уже лежала на полу. От его фигуры веяло такой грозной мужской силой, голодной страстью и нетерпением, что у Алисы кружилась голова.

Эрик больше не мог удерживать себя в рамках сдержанного, галантного позирования. В нем, солидном мужчине, закипела безудержная лавина накопившегося одиночества и

пылкой любви. Он мягко, но властно прижал Алису к мольберту, его сильные пальцы зарылись в её шелковистые локоны, а вторая рука накрыла её гибкую талию. Ван дер Берг накрыл её губы жадным, требовательным и властным поцелуем, нарушая все возможные личные границы.

Он буквально схватил ее, прижимая хрупкое тело к своему мощному торсу. Алисе стало невероятно жарко, пульс дико забился в висках, а во рту пересохло. На секунду она поддалась этой бешеной, дурманящей волне страсти, сладко отвечая на его поцелуй и ощущая, как его пальцы властно скользят по её спине.

Но внезапно в её сознании раздался тревожный звон. Алиса судорожно уперлась ладонями в его широкую грудь и с силой оттолкнула ван дер Берга от себя.

— Стой! Эрик, прекрати! Пожалуйста, остановись! — прерывисто, тяжело задыхаясь, выкрикнула она.

На её щеках пылал яркий румянец, а глаза блестели от испуга и нахлынувших чувств. Эрик отшатнулся на шаг, тяжелым взглядом уставившись на нее. Он засуетился, начал быстро шагать по комнате, как загнанный зверь, размахивая руками. Впервые в жизни этот уверенный, статный мужчина почувствовал себя потерянным юнцом.

— Алиса... Я не понимаю. Что с тобой? — его голос прозвучал натянуто и глухо. — Я же чувствовал... Я видел, как ты ответила мне! Посмотри на меня! Что я делаю не так?

— Ты делаешь всё слишком быстро! — с обидой и дрожью

в голосе выдохнула Алиса, обнимая себя за плечи и отступая к окну. — Ты врываешься в мою жизнь, в мою мастерскую, покупаешь мои картины, приходишь сюда... И требовательно берешь то, к чему я не готова! Прощу тебя... Уходи. Просто уходи. Оставь меня одну прямо сейчас.

Эрик замер. Каждое её слово резало его по живому. Он смотрел на эту невероятную, нежную и одновременно неприступную женщину, не понимая, какой барьер стоит между ними. Он пытался подавить накатившую волну страсти и мысленно успокоиться, чтобы не натворить глупостей.

— Прости... Если я перешел грань, — тихо и невероятно сдержанно произнес ван дер Берг, поднимая с пола свой пиджак. — Я уйду. Но я не отступлюсь от тебя, Алиса. Слышишь?

Дверь в мастерской с треском захлопнулась. Алиса вздрогнула.

Спустя час Эрик уже ворвался в квартиру Вересова, пентхаус элитной высотки. Окрыленность и мальчишеский восторг полностью сменились гнетущими сомнениями и тяжелым недоумением. Он бегал по ковру кабинета, наливая себе крепкий коньяк и на ходу расстегивая воротник шелковой рубашки.

Олег Вересов молча сидел в кресле, внимательно выслушивая сбивчивый, эмоциональный рассказ своего друга.

— Олег, я вообще ничего не понимаю! — в сердцах вы-

крикнул Эрик, залпом выпивая коньяк и со стуком ставя хрустальный бокал на стол. — Я был в её мастерской. Между нами кипело такое искреннее, бешеное электричество, от которого воздух плавился! Она отвечает на мои поцелуи, у неё дыхание сбивается, глаза горят... И в ту же секунду она воздвигает между нами стенку, пугается и с позором выставляет меня за дверь! Олег, ну нам же не 18 лет... мы же с ней взрослые люди.

Олег спокойно сделал глоток виски, приподняв бровь:

— И какова твоя версия, Эрик?

— Да я извелся весь! — Эрик бессильно опустился в кресло напротив, взъероша свои волосы с сединой на висках. — Мне кажется... у неё кто-то есть, Олег. Это точно. Какая-то прошлая боль, старый любовник или мужчина, которому она до сих пор сохраняет верность. Она специально держит со мной дистанцию, потому что боится предательства или связана какими-то обязательствами! В её глазах живет страх, Олег. Страх подпустить меня близко. Я чувствую себя полным идиотом, который ломится в закрытую дверь.

Вересов внимательно посмотрел на друга. В его глазах возникла мудрая теплота. Олег поднялся и похлопал Эрика по сильному плечу:

— Перестань дружище накручивать себя. Страх в глазах женщины — это не обязательно другой мужчина. Чаще всего это показатель того, как сильно её ранили в прошлом. Ты дорог ей, Эрик, иначе бы она вовсе не впустила тебя в свой

мир. Дай ей время, и её барьеры падут.

Глава 45. Уроки прошлого и новый союз

Утреннее солнце заливало просторную террасу загородного особняка Петровых. За круглым столом завтракали Алексей Анатольевич Петров — влиятельный человек, глава восточного синдиката, и его супруга Кира Сергеевна. Алексей Анатольевич неторопливо просматривал сводки утренней прессы на планшете, делая глоток свежесваренного кофе. Отложив устройство, он посмотрел на жену, задумчиво смотрящую куда-то вдаль:

— Кира, Сергей вчера мельком упомянул, что на открытии центра «Надежда» вокруг нашей Алисы весь вечер кружил Эрик ван дер Берг. А сегодня мне доложили, что он уже прислал ей огромную корзину редких цветов и он там пол выставки ее купил. Между ними действительно что-то намечается? Тебе ничего не известно об этом?

— Мы говорили с ней. Леш, похоже что у них что-то заводится. — мягко улыбнулась Кира Сергеевна. — Алиса вчера вернулась со свидания сама не своя... Глаза горят так, как не горели уже очень давно. Она буквально очарована Эриком. Но она шарахается от него, он очень настойчивый и старше ее.

Алексей Анатольевич слегка нахмурил брови, в его голосе

завзвучали нотки старого, опытного стратега:

— Ван дер Берг — фигура серьезная. Он держит половину алмазных активов холдинга вместе с Вересовым, контролирует инвестиции в Европе. Главное, чтобы это увлечение не повредило моей деловой репутации и партнерским связям. Бизнес такого масштаба не прощает ошибок. Но больше меня беспокоит другое... Алиса рассказала ему про Соню?

— Нет... — вздохнула Кира Сергеевна, опуская взгляд.
— Побоялась. Сказала, что не решилась вывалить правду на первом свидании. Я осудила ее за это.

Петров покачал головой. Он протянул руку через стол и бережно накрыл своей рукой пальцы супруги:

— Напрасно она прячет правду. Нельзя строить союз на страхе и замалчивании. Вспомни нас с тобой, Кира... Когда мы встретились, ты была с маленькой Мирой на руках после твоего непростого развода. И разве меня это хоть на секунду остановило? Я принял тебя с ребенком. Я ни единым словом, ни единым взглядом за все эти двадцать пять лет не упрекнул тебя. Я воспитал Миру, растил ее, любил и люблю как свою родную дочь, горжусь ее талантом хирурга. Если ван дер Берг — настоящий мужчина, а я его знаю именно таким, он примет Сонечку точно так же. Алисе нужно немедленно объясниться с ним, пока это не переросло в недоверие. Эти тайны навредят моему бизнесу. Скажи ей об этом.

Кира Сергеевна положила голову на плечо мужу:

— Хорошо, я сегодня же еще раз с ней поговорю, обещаю.

Они помолчали. Потом принялись вспоминать, как Мира, повзрослев, с юношеским упрямством отказалась от финансовой протекции отца, чтобы пробить себе путь в медицину исключительно своим умом и даже оставила себе фамилию отца - Кравцова, чтобы ее не связывали с Петровыми.

В это же самое время в стеклянной башне объединенного холдинга кипела деловая жизнь. Олег Вересов сидел в кабинете, с головой погруженный в финансовые отчеты и аналитические записки, которые подготовили его аудиторы по инвестиционному фонду Виктора Должанского.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Виктор Петрович Должанский. Несмотря на кризис, угрожающий полным банкротством его активов, инвестор держался с неизменной, почти вызывающей уверенностью. На нем был дорогой костюм-тройка, а седая борода была аккуратно подстрижена. Виктор Петрович привык смотреть на мир свысока — за свою долгую карьеру он не раз балансировал на грани краха, но всегда находил способ выкарабкаться.

— Садитесь, Виктор Петрович, — спокойно и даже немного равнодушно произнес Олег, не отрывая глаз от бумаг. — Я изучил дела вашего фонда. Ситуация плачевная, но... исправимая.

Должанский вальяжно опустился в кресло напротив, скрестив руки на груди, и усмехнулся:

— Я же говорил вам, Вересов, меня рано списывать со

счетов. Я всегда выхожу сухим из воды. Так каков ваш вердикт? Вы готовы выкупить мои убыточные активы? Или ты позвал меня сюда ради унижения? Так этого ты не дожدهшься.

— Не совсем так, — Олег наконец откинулся на спинку кресла и в упор посмотрел на гостя. — Наш холдинг сейчас активно расширяет сеть медицинского кластера на восточном направлении. Для полноценного запуска региональных центров нам нужен сильный игрок на месте, который отлично знает специфику восточных рынков, логистики и местных элит. Ваш инвестиционный фонд может стать идеальным оператором этой сети. Мы закрываем ваши долги перед кредиторами, а взамен вы переориентируете структуру фонда под наши задачи.

Должанский ошеломленно замер. Такого поворота он явно не ожидал. Вместо того чтобы пустить его по миру, Версов предлагал ему мощнейший стратегический союз.

— Ты умеешь удивлять, Олег Сергеевич, — медленно произнес Виктор Петрович, собираясь с мыслями. — Предложение более чем заманчивое. Мой брат как раз руководит филиалами на востоке, он обеспечит идеальное исполнение проекта. Но... позвольте спросить: почему именно я? После истории со Звонковым вы могли просто растоптать меня, я крайне неудачно вляпался с этим проходимцем.

— Прошрое - это прошрое. Мне не интересна месть, Должанский. Мне интересен рабочий бизнес, получение денег

— холодно ответил Олег.

Затем его взгляд на секунду смягчился, сменившись едва заметной тенью усталости. — К тому же... Кристина вчера приходила ко мне. Она очень переживает за вас и вероятно за себя. Ваша дочь не привыкла считать деньги, она привыкла жить роскошно - это же очевидно. Хотя бы ради нее вам стоило быть осмотрительнее в своих сомнительных схемах.

При упоминании дочери лицо Должанского омрачилось, и бывшая спесь слетела с него, показав глубокую отцовскую тревогу:

— Ой.. Кристина... Да, моя любимая девочка, — тяжело вздохнул Виктор Петрович, опуская плечи. — Знаете, Вересов... Деньги, империи, акции — всё это ерунда. Моя главная неудача в жизни вовсе не в этом. Я упустил что-то главное в её воспитании. Жизнь без матери не прошла бесследно. Она выросла избалованной, одинокой и совершенно неустроенной. Вокруг нее всегда крутятся скользкие типы, падкие на мои деньги, но нет ни одного надежного мужчины, который бы защитил ее, остудил нрав и подарил настоящую семью. Сердце кровью обливается, когда смотрю на неё...

Олег молча слушал слова инвестора. Парадоксальным образом холодный циник Должанский сейчас вызывал у него странное, глухое сочувствие — они оба были одиноки на вершинах своих разрушенных миров.

Глава 46. Новые горизонты и капкан для миллионера

Следующим утром в офисе за столом сидели трое: Олег Вересов, Эрик ван дер Берг и их новый ключевой партнер — Алексей Анатольевич Петров. Они пили свежесваренный ароматный кофе и изучали папки с графиками развития международной сети медицинских центров «Надежда».

— Друзья, мы подошли к самому ответственному этапу, — уверенно начал Алексей Анатольевич, поправив манжеты своего строгого темно-синего пиджака. — Оборудование закуплено, юридические вопросы урегулированы, но главной артерией любого медицинского кластера остается кадровый состав и его руководство. Мы ищем не просто администратора или эффективного менеджера. Нам нужен человек с авторитетом в хирургическом сообществе, способный железной рукой навести порядок в врачебной среде и построить работу молодых специалистов с нуля.

Эрик ван дер Берг чуть прищурил свои выразительные глаза, сделав медленный глоток кофе:

— И у вас, Алексей Анатольевич, судя по выражению лица, уже есть кандидатура на пост главного врача центрального корпуса?

— Именно так, Эрик, — с достоинством кивнул Петров.

— Я хочу рекомендовать Орлову Киру Сергеевну. Это выдающийся врач-нейрохирург высшей категории, профессор с непрерывным врачебным стажем более тридцати лет и по совместительству мою любимую жену. Она стояла у истоков создания крупнейших нейрохирургических школ страны, провела тысячи уникальных сложнейших операций на головном и спинном мозге. Кира обладает феноменальным талантом организатора. Знаете, ведь нашу старшую дочь она сама всему научила.

Олег Вересов, внимательно изучавший финансовую карту, поднял свой взгляд на Петрова:

— А где сейчас ваша старшая дочь, может быть она тоже сможет двигаться с нами этим путем?

— Увы, Олег, не сможет — ответил Алексей Анатольевич — Наша дочь не любит всей этой суматохи, бизнеса, она некоторое время назад уехала в Германию от всей этой публичности.

Вересов не стал задавать больше вопросов, было понятно, что Петров не хочет об этом распространяться перед ними.

Эрик улыбнулся — открыто и с искренним интересом:

— Опыт нейрохирурга такого уровня — именно то, что выведет «Надежду» на безупречный европейский уровень. Я лично проведу для Киры Сергеевны ввод в курс дела и задачи сегодня во второй половине дня.

— Спасибо, Эрик, буду признателен — отозвался Петров и все трое продолжили обсуждение других вопросов, связан-

ных с сетью клиник “Надежда”.

Ближе к четырём часам дня в просторный приемный кабинет Эрика ван дер Берга вошла Кира Сергеевна Орлова. Она была одета в элегантном брючном костюме цвета мокрого асфальта, который подчеркивал изящную фигуру, ничуть не испорченную годами и природное благородство.

Эрик мгновенно поднялся из-за своего стола и шагнул ей навстречу с теплой, аристократичной улыбкой:

— Кира Сергеевна! Рад приветствовать вас. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

Он лично отодвинул для нее глубокое кожаное кресло, подал воду и расположился напротив. Кира Сергеевна окинула Эрика внимательным, быстрым взглядом. Перед ней сидел статный, подтянутый мужчина с приятными чертами лица и легкой благородной сединой на висках. Ей, шестидесяти трех летней женщине, Эрик казался совсем еще молодым человеком, но невероятно зрелым, воспитанным и обходительным руководителем. В его манерах не было и капли надменности, присущей многим владельцам миллиардных состояний.

— Спасибо за теплый прием, Эрик. — с легкой, сдержанной улыбкой произнесла Кира Сергеевна — Я хотела с тобой познакомиться, мне кажется ты ухаживаешь за нашей младшей дочерью Алисой: Или нам с Лешей показалось?

Эрик опешил от прямого тона Киры Сергеевны и немного

смутился:

— Да это так, Кира Сергеевна, — мягко ответил ван дер Берг — Мне нравится ваша дочь, я тоже ей симпатичен. Пока рано говорить о чем-то серьезном, мы узнаем друг друга. Но ведь вы пришли не только за этим? Алексей Анатольевич давал вам самые высокие оценки в области нейрохирургии, да и я сам просмотрел ваши научные публикации и отчеты - я был приятно поражен. Ваш опыт — это сокровище для сети «Надежда». Нам нужен главный врач, для которого честь медицины стоит на первом месте. Что же касается вашей дочери, то поверьте - я ее не обижу, об этом можете не волноваться.

Их разговор перетек в чисто профессиональную сферу. Кира Сергеевна делилась своими взглядами на организацию работы интернов, на внедрение новых швейцарских протоколов и на контроль качества. Эрик слушал её с глубоким искренним уважением, а Кира Сергеевна ловила себя на мысли, что с таким мужчиной ее дочери очень повезло и зря она не говорит ему всей правды. К концу встречи Эрик поднялся и с уважением пожал ее руку:

— Кира Сергеевна, для нашей сети будет огромной честью, если вы возглавите главный корпус «Надежды». Добро пожаловать в команду.

Вечером того же дня Олег Вересов прибыл в ресторан в тихом центре столицы. Встреча была назначена Викто-

ру Петровичу Должанскому для официального подписания инвестиционных документов и окончательного оформления сделки по поглощению его фонда.

Олег прошел к забронированному столику в глубине зала, озаренному мягким светом хрустальных бра. За столом его уже ждал Должанский. Однако Виктор Петрович был в зале не один. Рядом с ним, в ослепительном вечернем платье с глубоким декольте, изящно восседала его дочь — Кристина.

Вересов едва заметно нахмурился, сохраняя внешнее ледяное спокойствие, и неторопливо опустился в кресло напротив:

— Добрый вечер, Виктор Петрович. Кристина Викторовна... Не ожидал увидеть вас на сугубо деловой встрече.

— Олег Сергеевич! — расплылся в подхалимной улыбке Должанский-старший, пододвигая к нему папку с контрактами. — Кристина — мой личный помощник и самый доверенный человек в бизнесе. Она настояла на том, чтобы лично присутствовать при моменте, когда вы спасаете наше семейное дело от краха.

Кристина подалась чуть вперед, обдав Олега дурманящим шлейфом своих ароматных духов, и посмотрела на него влажным, искушенным и откровенно призывным взглядом. Все её поведение было пропитано хрупким соблазном:

— Я просто не могла упустить возможность еще раз поблагодарить вас, Олег Сергеевич... Вы совершаете настоящий благородный поступок. Без вашей помощи мой отец

был бы растоптан.

— Это не благотворительность, Кристина Викторовна, а точный расчет, — сухо и официально ответил Вересов, доставая ручку и открывая соглашение. — Ваш отец передаст нашему медицинскому кластеру логистические каналы на востоке. Мы получаем инструмент развития, вы — спасение от банкротства. Ничего личного — только бизнес.

Олег бегло пробежал глазами по финальным пунктам договора и поставил свою размашистую подпись. Должанский с видимым облегчением поставил свою печать:

— Ну что ж! Дело сделано, Олег Сергеевич! Давайте отметим это событие бокальчиком дорого вина вина?

— Простите, но я вынужден уехать, — отрезал Вересов, закрывая папку и поднимаясь с кресла. — У меня еще запланирован ряд рабочих встреч в холдинге.

— Олег Сергеевич... — Кристина быстро поднялась следом за ним, обогнула стол и едва ощутимо коснулась своими пальцами его пиджака, заглядывая ему прямо в глаза с интимным призывом. — Неужели вы опять убежите в свою скучную работу? Вы же подарили моему отцу новую жизнь... Неужели я не могу выпросить у вас хотя бы один вечер благодарности?

Должанский-старший с понимающей ухмылкой наблюдал за дочерью, явно поддерживая её попытку завлечь холостого миллиардера в любовные сети. Олег плавно, но однозначно отстранил её руку, сохраняя абсолютное спокойствие:

— Моя благодарность — это подпись под этим контрактом, Кристина Викторовна. Всего хорошего, господа.

Олег развернулся и покинул ресторан. Он прекрасно видел расставленную на него женскую западню, но его сердце было закрыто, оно хранило память совсем о другой женщине...

Глава 47. Волшебный полет и разбитые сердца

Огромное золотистое поле. В воздухе легкая дымка. Скоро рассвет, на траве капельки росы. Эрик пригласил Алису на очередное свидание, заехав за ней еще до восхода солнца, и держал место назначения в строжайшем секрете. На Алисе был легкий бежевый тренч и удобные ботильоны. Когда машины, оставив позади шумный мегаполис, затормозил у края живописного холма, Алиса ахнула. Ей стало очень жаль, что она не взяла с собой краски. Посреди зеленого луга медленно расправлял свой огромный, расписанный золотыми и багровыми узорами купол гигантский воздушный шар.

Эрик вышел из авто, улыбаясь той самой неотразимой, мальчишеской улыбкой, которая заставляла сердце Алисы биться чаще. В руках он держал роскошный букет нежно-розовых пионовидных роз, пахнущих свежестью и медом.

— Доброе утро, моя ослепительная Алиса, — с глубокой нежностью произнес Эрик, преподнеся цветы и касаясь губами её щеки. — Это твой утренний сюрприз. Надеюсь, тебе понравится!

— Эрик... Боже мой! Воздушный шар?! — Алиса с лёгким испугом и восторгом уставилась на гудящую горелку, рвущуюся вверх. — Но я... я никогда в жизни не поднималась выше

третьего этажа без прочного фундамента под ногами! Сказать честно, я немного боюсь высоты!

Эрик мягко взял её за руки, смотря ей прямо в глаза:

— Доверься мне. Слышишь? Пока я рядом и держу тебя, с тобой ничего не случится. Я не дам тебе упасть, Алиса.

Подхватив ее легким движением на руки, он перенес ее в просторную плетеную корзину. Горелка с глухим ревом выбросила сноп пламени, и шар плавно, бесшумно оторвался от земли. Земля медленно поплыла вниз, открывая захватывающую панораму извилистой реки, туманных лесов и восходящего багрового солнца.

Первые минуты Алиса судорожно сжимала деревянный борт, зажмурила глаза, боясь смотреть вниз. Эрик подошел сзади, мягко и надежно обнял её за талию, прижимая её спину к своей широкой, мощной груди. Создалось ощущение полной невесомости.

Его подбородок лег ей на плечо, а теплое дыхание коснулось шеи.

— Смотри вперед, Алиса... Не бойся, — шептал он, и от его голоса веяло такой надежностью и защитой, что от прежнего страха не осталось и следа.

Алиса расслабилась, с искренним смехом откидывая голову на его плечо. В воздухе царил невероятная, заоблачная романтика. Они парили над миром, как две свободные птицы. Эрик достал из охлаждающего контейнера два хрустальных бокала и бутылку коллекционного шампанского.

Они подставляли лица прохладному ветру, смеялись, делали глотки искрящегося напитка и не могли оторвать взглядов друг от друга. Их отношения расцветали, наполняясь невероятным, глубоким доверием и нежностью, которая казалась выше любых земных законов.

Корзину слегка качнуло на мягкой посадке у опушки леса. Эрик выпрыгнул первым и на руках перенес Алису на сочную траву, не спеша выпускать её из своих объятий. Они оказались в тихой, уединенной березовой роще, скрытой от посторонних глаз. Вокруг шелестела листва, а между ними снова мгновенно вспыхнула магия. Их чувства расцветали и приобретали все более четкие очертания.

Эрик развернул Алису к себе. Он не мог скрыть свою безудержную страсть и желание. Сильные пальцы зарылись в её шелковистые локоны, а вторая рука властно обняла за гибкую талию. Он накрыл её губы глубоким, томительным и жадным поцелуем, в котором смешались вся его мужская жажда, нежность и накопившееся одиночество.

Между ними полетели настоящие снопы искр. Алиса с сумасшедшим трепетом ответила на его поцелуй, закидывая руки ему на шею и прижимаясь к его сильному, горячему торсу. У нее кружилась голова, земля уходила из-под ног, а сердце билось в диком ритме. Эрик медленно поцеловал её шею, опускался ниже к ключицам, обжигая её кожу своей нежностью.

— Алиса... Ты нужна мне, — сдавленно и искренне выдохнул он в её губы, чувствуя ее ускоренное дыхание. — Ты свела меня с ума. Я люблю тебя...

И в этот самый момент, когда их тела и души плавились в едином порыве, сознание Алисы затуманила паника и смятение. Перед глазами встал образ её маленькой, пятилетней дочки. Мужчина, от которого она забеременела четыре года назад, трусливо бросил её, едва узнав о полосках на тесте. С тех пор Алиса привыкла полагаться только на себя, оберегая маленькую малышку от жестокого мира. Но Эрик... Эрик был влиятельным, богатым, завидным холостяком страны, человеком с глянцевого обложки бизнес-журналов, у ног которого лежал весь мир. Да что говорить, он брал от жизни все что пожелает и знал как получить недоступное. Зачем ему девушка с чужим ребенком, когда ему наверняка нужны свои?

Алиса замерла. На глазах мгновенно навернулись слепящие слезы. Страх снова быть отвергнутой и нежелание навязывать Эрику свой «багаж» отдалял их друг от друга все дальше. Она с силой вывернулась из его объятий, шаг за шагом отступая назад.

— Нет... Эрик, нет! Прекрати, прошу тебя! — прерывисто, рыдая, выкрикнула она.

Эрик отшатнулся, словно его ударили током. В глазах застыл немой ужас:

— Алиса... Что происходит?! Ты же ответила мне! Я чув-

ствую, как ты любишь меня! Почему ты снова бежишь?!

— Посмотри на меня, Эрик! — плакала Алиса, обнимая себя руками за дрожащие плечи. — Я не бегу... Но мы не можем быть вместе! Нам нельзя быть вместе, слышишь?! Это невозможно!... Прости!

— Почему?! Ответь мне, черт возьми! Зачем ты мучаешь и меня, и себя?! Скажи мне причину! Скажи хоть одно слово! — Эрик подался к ней, его голос сорвался на отчаянный крик и безумие.

— Я не могу тебе сказать! — ответила Алиса, задыхаясь от слез. Ей не хватило духу признаться ему прямо сейчас в существовании дочери. — Просто поверь мне... Нам нужно остановиться прямо сейчас, пока мы не слишком поздно! Забудь меня, Эрик. еще раз прости... и забудь! Не ищи встреч со мной!

Она развернулась и, не слушая его отчаянных возражений, побежала к дежурившему у дороги автомобилю.

Захлопнувшаяся дверь машины отделила её от Эрика навсегда.

Эрик ван дер Берг вернулся в свой огромный, трехэтажный загородный особняк в полном, оглушительном одиночестве. Просторные залы, шикарные люстры и огромные панорамные окна, из которых открывался вид на осенний сад, казались ему теперь огромной, ледяной гробницей. Он был полностью, абсолютно раздавлен.

Женщина, которой он готов отдать свое зачерстневшее сердце, жестоко растоптала его надежды, так и не объяснив причин. Эрик снял пиджак, бросив его прямо на паркет, сорвал галстук и подошел к барной стойке. Набрав полную пригоршню льда, он плеснул в тяжелый хрустальный стакан выдержанный коньяк и залпом выпил его. За первым стаканом последовал второй. Затем третий. Он топил свое безумное, жгучее горе в алкоголе, пытаясь заглушить душевную пустоту.

Ближе к полуночи в особняк без стука вошел Олег Вересов. Игорь сообщил ему, что Эрик отменил все вечерние встречи и уехал домой в невменяемом состоянии. Пройдя в полутемную гостиную, Олег увидел друга, сидящего на полу у камина. Вокруг ван дер Берга стояли две пустые бутылки, а его обычно безупречные светлые волосы с сединой на висках были взъерошены.

Олег молча опустился на пол рядом с братом, взял со стойки второй стакан и налил себе виски.

— Она ушла, Олег... — сдавленно, с дикой хрипотой в голосе произнес Эрик, не поднимая остекленевших глаз. — Она сказала, что мы не можем быть вместе. И опять... опять ни слова о причине! Я открыл ей душу, Олег! Я готов жизнь за нее отдать! За что она так со мной?!

Вересов молча выслушал друга, его лицо стянула суровая, глубокая сочувственная тень. Олег, как никто другой на этой планете, знал, каково это — когда твой мир рушится на кус-

ки из-за недосказанности и тайн.

— Налей мне еще, Эрик, — тихо произнес Олег, чокнувшись с ним стаканом. — Мы выпьем эту чашу до дна вместе. Но запомни: если эта любовь истинная, судьба всё равно заставит тайное стать явным.

Какая жестокая, злая ирония кроется в этой жизни, думал Олег, глядя на то, как угасают угли в камине. Они оба — двое сильнейших, богатейших и влиятельнейших мужчин, держащих в руках гигантские финансовые империи, — могли по одному щелчку пальцев купить себе всё на этой планете. Банки, заводы, элитные замки, россыпи редчайших бриллиантов и любую из красивейших женщин мира, готовых отдать всё за один их взгляд. У их ног было абсолютно всё... Но в их раненых, тоскующих сердцах жили лишь те две женщины, которые не хотели или не могли быть с ними, которых судьба вырвала из их сильных рук. Никакие миллиарды на свете не могли купить им банального человеческого тепла и искренней любви...

Двое сильных мужчины сидели на полу у догорающего камина, напиваясь от глухой боли и не ведая, какие повороты судьбы готовит им завтрашний день...

Глава 48. Похмелье и ключ к тайне

Новое утро в особняке Эрика ван дер Берга началось не с привычного аромата свежесваренного эспresso, а с оглушительного, раскатистого и трезвонящего хаоса. Несколько мобильных телефонов, брошенных на журнальном столике и каминной полке, разрывались от непрерывных звонков и входящих сообщений. Звук резал слух, отдаваясь раскалывающей болью в висках.

Олег Вересов первым открыл глаза, тяжело вздохнув и поднявшись с кожаного дивана. Раскалывающая головная боль — редкая плата за редкую слабость, проявленную прошлым вечером. Рядом на ковре, поморщившись и постанывая от вибрирующего гвалта, шевельнулся Эрик. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, где он находится и почему за окном сменились сумерки на яркий солнечный день.

— Проклятье... Заткните кто-нибудь эти трубки, — сдавленно прохрипел ван дер Берг, проводя ладонью по взъерошенным светлым волосам с сединой на висках.

Олег подошел к столику и взял свой смартфон. На экране горело сорок два пропущенных вызова от Игоря, вице-президентов и юридического департамента холдинга. На часах было одиннадцать утра.

— Вставай, Эрик, — сурово и резко произнес Вересов,

сбрасывая с себя остатки алкогольного хмеля. — Мы сорвали главное событие года. В десять утра началось годовое собрание акционеров объединенного холдинга. Совет директоров, иностранные инвесторы и аудиторы сидят в главном зале башни и принимают решение по утверждению дивидендов на сотни миллионов долларов. Без нас сделку не могут закрыть, там начинается паника.

Эрик мгновенно сел, ошеломленно моргнув:

— Ох, еее...

Впервые в жизни этот дисциплинированный, железный бизнес-гигант проспал важное заседание. Но выдержка двух мужчин сработала за считанные секунды. Никаких оправданий, никакой суеты.

Спустя пятнадцать минут, после ледяного душа, крепкого двойного эспresso и выпитых таблеток, оба сидели в кабинете особняка перед огромным экраном на стене. Олег, накинув свежую белоснежную рубашку, застегнул пуговицы и вышел в видеоэфир с конгресс-холлом башни. Рядом сидел Эрик — сдержанный, подтянутый и собранный.

— Приветствую, господа, — уверенным хриплым голосом произнес Вересов в объектив камеры, и в замершем зале акционеров мгновенно воцарилась гробовая тишина. Прокашлялся. — Извините, продолжу. В связи с внеплановыми ночными переговорами по расширению восточного кластера мы проводим утверждение финального отчета в удаленном формате. Подписание всех утвержденных сейчас документов я

произведу после обеда, когда подъеду. Приступаем к голо-
сованию.

За следующие двадцать минут Олег и Эрик с филигран-
ной точностью провели раунд вопросов и ответов, разгро-
мили аргументы скептиков и лично утвердили распределе-
ние дивидендов. Безупречный авторитет этих лидеров пол-
ностью погасили шепотки, а акционеры единогласно приня-
ли все предложенные показатели. Кризис был разрешен с
грандиозным успехом.

В это же самое время в центральном корпусе междуна-
родной сети медицинских центров «Надежда» витала совер-
шенно иная, рабочая и вдохновенная атмосфера. Кира Сер-
геевна официально вступила в должность главного врача. В
ее просторном, светлом кабинете собрались заведующие от-
делениями, ведущие хирурги и молодые интерны.

Коллектив принял нового руководителя с восторгом и
глубоким уважением. Среди врачей не было ни капли скеп-
сиса — имя профессора Орловой, нейрохирурга с тридцати-
летним стажем, проводшего тысячи уникальных операций,
звучало как знак высокого качества и чести. Статус “жены
Петрова, одного из главных акционеров клиники” никак не
уменьшал ее достоинств профессионала, а наоборот вызы-
вал восхищение.

— Кира Сергеевна, мы очень рады, что именно вы возгла-
вили наш корпус, — с улыбкой произнес заведующий отде-

лением кардиохирургии, подавая ей папки с дежурствами. — С прошлым руководством, прости господи, мы только и делали, что заполняли коммерческие отчеты и показатели продаж. Нам не хватало настоящего Врача на этой должности.

— Спасибо за доверие, коллеги, — тепло и достоинством ответила Кира Сергеевна, окинув собрание своим мудрым, внимательным взглядом. — Хочу сразу обозначить мою главную позицию: для нас на первом месте всегда будет оставаться человеческая жизнь и здоровье пациента. Никаких гонок за чеками, никаких необоснованных назначений. В деньгах наша клиника не будет нуждаться, все что ей необходимо будет сразу приобретено. Главное - качество.

Молодые интерны затаили дыхание, глядя на профессора, поражаясь ее красотой в ее-то годы. Кира Сергеевна общалась со всеми без тени высокомерия или надменности — сдержанно, строго, но с невероятной материнской теплотой и профессиональной мудростью. К концу обхода отделений каждый сотрудник клиники понял: с приходом Кире Сергеевне «Надежда» станет лучшим медицинским центром страны.

К шести часам вечера Эрик ван дер Берг вернулся в город. Алкогольный хмель давно улетучился, уступив место абсолютному прозрению. Слова Олега у камина и полный анализ собственных поступков привели Эрика к единственному верному решению: он не может просто так отпустить Алису.

Он обязан прийти, встать перед ней лицом к лицу, отбросить всю свою гордость и поговорить начистоту.

Эрик подъехал к дому Петровых. Сердце готово выпрыгнуть. А вдруг, ее родители меня прогонят? Вдруг дверь откроет муж? Жених? Куча вопросов мелькали в голове его голове, но ответов на них мозг не находил, а значит был всего один выход: идти и все узнать, прямо сейчас. Эрик уверенно выдохнул, заставляя себя успокоиться, и нажал на кнопку звонка.

За дверью на пару секунд воцарилась тишина. Затем донеслось легкое, торопливое топанье маленьких детских ножек. Эрик чуть нахмурился, не понимая, кто может бегать так бегать в их доме. Щелкнул замок, входная дверь плавно отворилась...

На пороге стояла маленькая девочка лет пяти. На ней было милое платьице с нарисованными ромашками, а тёмные, шелковистые локоны ниспадали на плечи. Девочка держала в руках плюшевого зайца и смотрела на высокого, статного незнакомца огромными, чистыми и невероятно красивыми карими глазами.

Эрик замер на месте, словно врастая в порог. Земля ушла из-под ног. В чертах этой маленькой малышки, в её овальном милом личике, светлой коже и выражении карих глаз проглядывала несомненная копия Алисы!

— Здравствуйте... — пролепетала девчушка своим тихим, детским голоском, с любопытством разглядывая Эрика. —

А вы к маме? Или к дедушке?

В этот момент из глубины коридора раздался взволнованный голос Алисы:

— Сонечка, ну кто без спроса открывает дверь?! Мы столько раз тебе говорили с бабушкой так не делать!

Алиса выбежала в прихожую, вытирая руки полотенцем, и оборвала речь на полуслове. Её взгляд столкнулся с Эриком, стоящим на пороге. Алиса бледнела на глазах, из её ослабевших пальцев выпало полотенце, а в глазах застыл ужас. Тайна, которую она так тщательно скрывала от него, неожиданно открылась...

Глава 49. Все тайное и тонкая интрига

Оглушительная тишина и неловкость повисли в прихожей особняка. Полотенце, выпавшее из ослабевших пальцев Алисы, тихо лежало на паркете. Девушка стояла, прислонившись к дверному косяку арки, и бледнела на глазах. Её дыхание перехватило, а в карих глазах, широко распахнутых от испуга, застыли тяжелые, крупнее слезы.

— Ой, прости Эрик.. — опомнившись затараторила Алиса — Что же я держу тебя в дверях, проходи в гостиную.

Алиса подхватила на руки свою дочурку и они все трое прошли в гостиную где потрескивал огонь в камине. Присели на диван. Им предстоял непростой разговор, который расставит все точки на i.

— Эрик... — сдавленно, едва слышно прошептала Алиса, и её голос сорвался на глухой всхлип. — Зачем ты пришел? Ты пришел по делам к отцу?

— Ну конечно же - нет! Алиса... Посмотри на меня, я пришел к тебе - поговорить! — тихо, но невероятно твердо произнес Эрик, присаживаясь к ней поближе. — Это и есть та причина? Твоя тайна? Или отец этой девочки твоя тайна?

Алиса закрыла лицо руками, прерывисто задыхаясь от нахлынувших слез. Горячие капли стекали по её пальцам. Она

опустилась на колени прямо перед дочкой, прижимая малышку к себе, словно пыталась защитить её от всего мира.

— Да! Да, Эрик, это моя дочь! Её зовут Соня, ей пять лет! — с отчаянием и разорванной душой выкрикнула Алиса, поднимая на него заплаканные глаза. — Мужа у меня нет, да и никого нет, кроме родителей, брата и сестры! Мужчина, от которого я забеременела, бросил меня сразу как узнал об этом! Он испугался ответственности, он хотел свободной от обязательств жизни! Отец конечно проучил его.. но женить на себе человека насильно - это ниже моего достоинства. С воспитанием мне помогает мама...

— Алиса, тише... Прошу тебя, не плачь, — Эрик опустил-ся тоже на одно колено рядом с ними, его голос звучал мягко и ласково, без единой тени упрека.

— Ты не понимаешь, Эрик! — продолжала Алиса, выдавая все больше откровений, пытаясь сказать сразу все, что было у нее на душе. — Ты — завидный холостяк, миллиардер, человек с обложек журналов, перед которым открыт весь мир! Как я могла навязать тебе себя? Навязать тебе чужого ребенка?! Я очень боялась, что ты согласишься на меня с презрением, что оттолкнешь меня, когда узнаешь про Сонечку! Я не хотела быть для тебя обузой!

Эрик ван дер Берг молча слушал этот монолог, и в нем неожиданно зародилась такая нежность, какой он сам от себя не ожидал. Мужское сердце, толстая броня которого ка-

залась непробиваемой, окончательно растаяло. В нем не было ни капли разочарования или досады — лишь страстное обожание и острое желание стать для этих двух хрупких созданий щитом от всех бурь.

Эрик медленно протянул свои сильные, надежные руки и бережно, с невероятным трепетом подхватил маленькую Соню на руки. Девочка вовсе не испугалась — она доверчиво прижалась к его широкому плечу, обняв его за шею своими маленькими ручонками и уткнувшись носиком в лацкан его идеального пиджака.

— Обузой?.. — тихо, с глубокой эмоциональной силой произнес Эрик, заглядывая в заплаканные глаза Алисы. — Алиса, какая же ты глупенькая... Ты думала, что она может оттолкнуть меня?

Он встал в полный рост, удерживая Соню на руках так легко и естественно, словно держал самое ценное сокровище в своей жизни. Ван дер Берг мягко провел пальцем по нежной щечке малышки, которая улыбнулась ему в ответ своим чистым, ангельским личиком.

— Посмотри на неё, Алиса, — голос Эрика дрогнул от нахлынувших чувств. — Она ведь твоя точная копия. Те же прекрасные карие глаза, та же светлая кожа, то же редкое благородство... Вчера впервые за свою долгую и одинокую жизнь я стоял у камина и думал, что потерял тебя навсегда. Я пил алкоголь и мучился, не понимая, за что ты меня прогоняешь. А ты... ты просто боялась рассказать про дочь.

Эрик подошел ближе, свободной рукой бережно притянул Алису к себе за талию и с умопомрачительной нежностью поцеловал её в заплаканные губы. Это был поцелуй, полный обещания, защиты и верности.

— Слушай меня внимательно, Алиса Петрова, — прошептал Эрик ей прямо в губы, пока Соня с любопытством перебирала седые волоски на его висках. — Я люблю тебя. И я всем сердцем уже люблю эту маленькую принцессу. Я никогда не буду считать её чужой и никогда не скажу тебе ни слова упрёка. Вы — мое единственное настоящее счастье. С этого дня я стану для Сонечки настоящим отцом, защитником от всех бед на этой земле. Вы переезжаете обе ко мне. И это не обсуждается. Сейчас! Алиса замерла, роняя слезы уже не от страха, а от счастья. Её сердце, столько лет жившее в обороне и холоде, наконец обрело долгожданную гавань и покой.

— Мама, а дядя Эрик хороший... Он сильный! — весело пролепетала Машенька, крепче обнимая Эрика за шею. Алиса поняла, что ее страхи были напрасны, что теперь она будет по-настоящему счастливой женщиной.

В это же самое время на верхних этажах стеклянной башни объединенного холдинга разворачивалась совершенно иная, изощренная женская драма. Кристина Должанская прекрасно понимала, что одинокий миллиардер Олег Верецов неприступен. Но отдавать желаемое она не привыкла. Её

отец Виктор Петрович подписал соглашение, а значит, у нее появился официальный повод бывать в холдинге как лично-го помощника.

Во второй половине дня Кристина приехала в офис, чтобы передать Вересову оригиналы финансовых выписок по инвестиционному фонду отца. На ней был изысканный пиджак, надетый поверх эффектного красного боди, юбочка, слегка прикрывающая ее округлости и туфли на высоком, тонком 12-сантиметровом шпильке. Пройдя в приемную, она передала папку секретарю, убедившись, что Олег Сергеевич находится в своем кабинете.

Кристина знала: Вересов сидит и просматривает почту, из его кабинета идеально просматривался центральный холл. Так он мог видеть кто, куда ходит, за всем следить. Сделав глубокий вдох, Кристина направилась к широкой лестнице, ведущей на нижний уровень приемной.

Она буквально каждый шаг рассчитала. Ступив на вторую ступеньку, Кристина ловко подвернула ногу на высоком каблуке, издала громкий, тонкий и болезненный крик и с драматичным изяществом упала на пол, эффектно выронив брендовую сумочку. Её пышная юбка слегка задралась, обнажая стройные ноги и аппетитную попу, а сама она замерла, обхватив лодыжку и тихо наигранно постанывая от «невыносимой боли».

За стеклянным панорамным окном Олег Вересов мгновенно поднял голову на звук и упавшую фигуру. В нем сра-

ботал инстинкт настоящего, сильного мужчины, готового прийти на помощь женщине в беде. Олег отложил планшет, резко поднялся и быстрым шагом выбежал из кабинета в холл.

— Кристина Викторовна! Что произошло? — Вересов быстро опустился на одно колено рядом с ней, сурово и собранно оглядывая травмированную ногу.

— Олег Сергеевич... Аааа.. Боже, как больно! — с придыханием прошептала Кристина, роняя слёзы и бессознательно хватаясь за его широкие плечи. От нее веяло дурманящим парфюмом. — Я подвернула ногу на ступеньке... Кажется, там сильный вывих! Я не могу встать...

Вересов без лишних слов легко подхватил Кристину на руки. Девушка с торжествующим тайным восторгом прижалась к его сильной груди, обвив его шею руками. Её тонкий тонкий план сработал без промаха — мужчина ее мечты сделал первый шаг в расставленные сети...

Глава 50. Огонь страсти и трещина в граните

Олег Вересов неторопливо нес Кристину на руках по длинному коридору холдинга, мимо множества кабинетов со стеклянными дверьми в сторону круглосуточного медпункта. Девушка крепко обнимала его за шею, тесно прижимаясь всем своим горячим, пышным телом к его сильной груди. От её шелковистых локонов веяло сладковато-дурманящим парфюмом, а одежда едва защищала от соприкосновений. Кристина ластилась к нему словно хищная кошка, тихо и наигранно поглаживая пальцами его затылок.

— Олег Сергеевич... Вы такой сильный, чтобы делала, если б вас не оказалось в офисе — прошептала она ему прямо в ухо, касаясь губами его мочки. — Извините меня за эту неловкость. Я так глупо оступилась... Но оказаться после этого на ваших руках — это настоящая награда.

Вересов дернул подбородком, сохраняя отстраненность. Его лицо оставалось непроницаемым, хотя чуткое восприятие мужчины не могло не реагировать на близость с такой девушкой:

— Держитесь за плечи, Кристина Викторовна. Мы почти пришли.

В медпункте дежурный врач быстро осмотрел лодыжку,

наложил плотную фиксирующую повязку и подтвердил растяжение связок. Кристина, сидя на кушетке и чуть задрав юбку, всячески демонстрировала свою хрупкость, не сводя с Олега влажных, томящихся глаз. Она нагло и открыто провоцировала его, касаясь рукой его запястья при каждой фразе. Олег держался как герой, спокойно давая врачу указания по обезболиванию травмы.

Когда процедура закончилась, Вересов лично помог ей спуститься на подземную парковку и усадил на переднее сиденье своего автомобиля. Сам Олег сел за руль, так как водитель уже был отпущен домой. Он решил подвезти дочь партнера до дома, чтобы она не вляпалась еще во что-то по пути.

Ночь окутала столицу. Салон автомобиля был пропитан душным, интимным полумраком и ароматом женских духов. Кристина не намерена была упускать свой шанс, возможно единственный. Когда авто остановилось у её элитного дома, она не спешила выходить. Повернувшись к нему, Кристина мягко положила свою ладонь на его бедро, продвигаясь пальцами выше по плотной ткани брюк, и подалась вперед, практически касаясь его губ своими горячими, влажными губами.

— Олег... Неужели ты оставишь меня одну в такой вечер? — прошептала она с наглой, откровенной похотью в голосе. — Я ведь вижу, как ты смотришь на меня. Ты давно один... Зачем мучить себя? Позволь мне подарить тебе ту ласку, которой тебе так не хватает.

Олег замер. Вспышка наглого соблазна и прикосновений её горячих пальцев срезонировали в нем с огромной силой. Аскетичный образ жизни, постоянный стресс на работе и суровое одиночество дали о себе знать: тело ответило мощной, волной непроизвольного возбуждения. Кровь прилила во все части тела, пульс застучал с бешеным ритмом, а дыхание стало рваным. Похоть на мгновение затуманила разум. Он был готов пасть жертвой ее чар.

Кристина с восторгом ощутила эту реакцию и едва заметно ухмыльнулась — её план работал, стальная стена давала трещину!

Однако Вересов с усилием воли перехватил её наглую ладонь, с силой сжал её запястье и отстранил от себя:

— Достаточно, Кристина Викторовна! Выходите из машины. Прямо сейчас.

— Олег... — попыталась возразить она, но его однозначный, уверенный взгляд не оставлял сомнений.

— Выходите — твердо повторил он.

Кристина огорченно покинула салон. Вересов резко утопил педаль газа в пол, и седан со свистом вырвался во тьму ночи. Олег тяжело дышал у руля, открыл полностью все окна в салоне, заставляя себя погасить физическую вспышку. Но Кристина ликовала — она знала, что нанесла первый брешь в его неприступной броне.

А в загородном особняке Эрика царила совсем другая

атмосфера. Атмосфера безоблачного счастья. Эрик лично привёз Алису и маленькую Сонечку в свой дом. Просторные холлы, озаренные мягким светом, и огромный сад за окном вызвали у малышки искренний, детский восторг.

Эрик вел себя как настоящий, любящий отец. Он носил Соню на плечах, показывал ей картинную галерею, смеялся и позволял нажимать на клавиши рояля в гостиной. За считанные часы они нашли идеальный, трогательный общий язык — Сонечка линула к Эрику, доверчиво сжимая его палец своими маленькими пальчиками.

— Дядя Эрик, а эта комната с балконом — моя? — пролепетала девчушка, заглядывая в светлую спальню на втором этаже.

— Конечно, принцесса, — с бесконечной теплотой ответил Эрик, опустившись перед ней на колени и поправляя её локоны. — Завтра же у нас будут мастера, и мы обустроим здесь самую красивую детскую на свете! С замками, игрушками и огнями!

В Эрике было столько нерастраченной любви. Он давно хотел завести детей и построить семью, но подходящей кандидатуры не находилось между постоянной бизнес-гонкой. Алиса стояла в дверях, роняя тихие слезы счастья. Смотреть на то, как этот взрослый, суровый мужчина оберегает её дочку, было высшей наградой. От наплыва впечатлений и быстро созданного уюта Соня быстро уснула в мягкой постели, крепко обнимая своего любимого плюшевого зайца.

Убедившись, что малышка сладко спит, Эрик бережно прикрыл дверь детской и развернулся к Алисе. В мраке коридора между ними мгновенно вспыхнула жаркая, нетерпеливая лавина долгожданной страсти. Эрик подхватил Алису на руки и унес в свою просторную хозяйскую спальню.

Дверь захлопнулась, и они погрузились в океан безудержного, обжигающего безумия. Эрик прижал её к широкой постели, его руки властно и жадно срывали с неё одежду. Он выжигал каждый сантиметр её нежной кожи неистовыми, глубокими поцелуями, опускался от губ к трепещущей шее, ключицам, чувствительной груди и животу.

— Боже, Алиса... Ты хоть понимаешь, как долго я этого ждал? — сдавленно, с неистовой мужской страстью шептал Эрик ей в губы, пока её пальцы с замиранием зарывались в его густые светлые волосы. — Ты свела меня с ума! Нельзя держать взрослого, нормального мужчину на таком расстоянии так долго... Ты сама во всем виновата, моя маленькая глупая девочка!

— Эрик... Любимый мой... — стонала Алиса, полностью растворяясь в его мощных, ласковых руках. Её тело плавилось, пульс дико зашкаливал, а дыхание сбивалось на рванные, сладостные всхлипы.

Их слияние было гипнотическим, обжигающим и неистовым. Эрик забирал ее всю без остатка, даря ей такую изощренную, глубокую и мощную ласку, от которой у Алисы

темнело в глазах. Стены спальни наполнялись их прерывистым дыханием, шуршанием шелковых простыней и пылкими признаниями. Они отдавали друг другу всю накопившуюся боль одиночества, сгорая и перерождаясь в этом всепоглощающем огне настоящей, заслужившей счастье любви...

Глава 51. Утро семейного счастья и тонкие нити

Утро встретило Эрика, Алису и маленькую Сонечку атмосферой трепетного семейного тепла и покоя. Взрослые проснулись не от звонков будильника или тревожных новостей, а от искреннего, звонкого детского смеха на улице: Соня уже играла в догонялки с прислугой, сбивая их всех с ног.

Эрик и Алиса стояли на просторном балконе второго этажа, обнявшись и наслаждаясь прекрасной погодой. Впервые за долгие годы в душе Алисы не было ни малейшей капли страха, стыда или гнетущей тревоги. Все прошлые барьеры, одинокие ночи и боли предательства растворились перед лицом этого мужчины, который так легко, естественно и с настоящим отцовским трепетом принял её дочку. Эрик тоже теперь не чувствовал себя одиноким, не было внутреннего страха встретить старость одному. Он крепко и бережно прижимал Алису к своей широкой груди, зарываясь носом в её ароматические локоны, вдох с наслаждением их шлейф с нозами дикого ириса и чувствуя, как его сердце переполняется чистым, ничем не омраченным счастьем.

— Я все еще боюсь проснуться и понять, что это лишь сон, Эрик... — тихо прошептала Алиса, накрывая своими ладонями его сильные пальцы, лежащие на её талии.

— Это не сон, моя девочка, — с глубокой, обволакивающей нежностью ответил Эрик, касаясь губами её чувствительной шеи. — Это наша новая жизнь, и я никому не позволю её у нас отнять. А ты знаешь, нам обязательно нужно больше детей, еще одну дочку такую же красивую как ты, а может даже и сына - чтобы я смог ему передать все свои дела.

На просторной кухне, пропитанной аппетитным ароматом свежей выпечки, ванили и свежесваренного эспresso, завязался оживленный и по-настоящему домашний разговор. Эрик, накинув легкую белоснежную рубашку с засученными по локоть рукавами, обнаженными мускулистыми предплечьями, лично сервировал стол. Он накладывал для Сони румяные блинчики с ягодным вареньем, выглядя при этом невероятно счастливым, молодым и окрыленным.

— Знаешь, Алиса... Пожалуй, сегодня я официально объявляю свой абсолютный выходной, возможно первый за пару лет — с неотразимой, пылкой и слегка лукавой улыбкой произнес Эрик, опираясь о край кухонной стойки и не сводя с Алисы откровенного, глубокого и горячего взгляда. — После этой невероятной, волшебной ночи во мне бурлит столько сил и нерастроченной энергии, что я готов горы свернуть или выкупить еще пару холдингов. Но сегодня весь мой мир принадлежит только вам двум.

Алиса мгновенно вспыхнула ярким, трепетным румянцем, ощущая, как между ними прямо в присутствии дочки

снова с дикой силой летят чистые, обжигающие искры страсти. Воспоминания о неистовых ласках и горячих объятиях в его спальне заставили её пульс стучать быстрее.

Эрик подмигнул ей, видя её реакцию и торжествуя, а Алиса, сделав глоток чая, с улыбкой предложила:

— Раз у нашего неприступного бизнес-гиганта сегодня выходной, у меня есть идеальный план: мы вместе отвезем Соню в детский сад, а потом отправимся в мою художественную мастерскую. Я просто обязана наконец дописать твой портрет! Ты позируешь мне уже две недели, и если мы не поставим финальную точку сегодня, эти сеансы затянутся навсегда!

— Я бы с удовольствием позировал тебе всю жизнь, Алиса, — тихо и невероятно напористо откликнулся Эрик, подходя ближе и едва заметно касаясь её пальцев.

Спустя час, доставив сияющую от счастья Соню в садик, они оказались в уединенной, залитой солнечным светом мансарде мастерской. Пахло масляными красками, терпентином и сухим холстом. Но настроиться на академический лад было почти невозможно. Эрик уселся в глубокое кресло у окна, но его темно-серые глаза выжигали Алису с такой нескрываемой, голодной и сжигающей страстью, что кисть в её пальцах слегка дрожала, выписывая силуэт. Каждый раз, когда она поднимала взгляд, чтобы поймать линию его плеч или седину на висках, их взоры пересекались, и воздух в мансарде раскалялся до предела, вытесняя любой про-

фессиональный настрой.

— Ты не позируешь, Эрик... Ты меня провоцируешь, — с легким вздохом прошептала Алиса, пытаясь перевести дыхание.

— Я просто смотрю на женщину, которую люблю, — с легкой ухмылкой ответил он, не сдвинувшись с места.

Когда последний тонкий мазок опустился на холст и Алиса, опустив руки, тихо выдохнула: «Готово... портрет окончен», Эрик больше не стал удерживать себя в рамках. Он мгновенно поднялся с кресла, в два шага сократил расстояние между ними, выбил палитру и кисти из её рук и легко подхватил Алису на руки.

Прямо среди холстов, мольбертов и витающего запаха красок они вновь предались пылкой, нетерпеливой и обжигающей близости, растворяясь друг в друге и заполняя мансарду страстными шепотами и сбивчивым дыханием.

В это же самое время в центральном корпусе международной сети клиник «Надежда» Кира Сергеевна Орлова сидела в своем просторном кабинете главного врача, наполненном светом и запахом медицинских антисептиков. Она усердно разбирала первые отчеты дежурных бригад, когда телефон тихо запел. На экране светился входящий вызов от младшей дочери.

— Мирочка! Здравствуй, дорогая моя! — с огромным материнским трепетом и нежностью откликнулась

Кира Сергеевна, мгновенно откладывая документы и прижимая трубку к уху.

— Здравствуй, мамочка, — прозвучал в ответ тихий, слегка уставший, но ровный и спокойный голос Миры. — Я ненадолго, у меня перерыв между обходами. Просто хотела узнать, как вы там? Как папа, брат, сестра?

— Всё хорошо, доченька, слава богу, — Кира Сергеевна улыбнулась, поправляя очки. — Я устроилась на новую работу — возглавила крупный медицинский центр. Работы много, но коллектив прекрасный. Брат с отцом развивают бизнес, постоянно на работе — это у тебя с ними общее. Алиса устраивает успешные выставки-продажи своих картин и знаешь, кажется наконец устроила свою личную жизнь. А ты не хочешь нас порадовать такими же новостями?

— Мама, ты же знаешь... Все хорошо, я все также встречаюсь с Петей. Он всегда рядом, он надежный — спокойно, с легкой тенью грусти ответила Мира. — Здесь, в Баварии, очень хорошая клиника, прекрасные люди. Врачи здесь сдержанные, профессиональные. Я правда много времени провожу на работе и часто это не особо нравится Петру... Не волнуйся за меня, мамочка, мне гораздо лучше. Передавай всем привет, пусть не волнуются за меня.

Мира еще несколько минут рассказывала матери о своих врачебных буднях, о своей личной жизни. Она даже не догадывалась, в чьем медицинском кластере теперь работает её мать...

Глава 52. Баварский покой и искушение

Вечерний Мюнхен. После сложного операционного дня в баварской кардиоклинике Мира возвращалась в уютный домик в районе Швабинг. В ее душе больше не было той острой, кровоточащей боли, что когда-то рвала ее изнутри: два года упорной работы, сотни спасенных жизней и размеренный немецкий уклад помогли ей обрести внутренний покой и уверенность в себе.

На кухне, наполненной аппетитным запахом запеченных трав и жареного мяса, ее уже ждал Петр Гальцев - перспективный юрист. Он уже расставил тарелки, зажег свечи и открыл бутылку легкого рислинга. Увидев входящую Миру, Петр улыбнулся, подошел и бережно обнял ее за плечи, легко коснувшись губами ее виска:

— Наконец-то ты дома, Мирочка. Я уже начал думать, что баварские профессора снова оставят тебя на ночное дежурство. Ты слишком много отдаешь этой больнице. Слишком.

— Знаешь, Петя, сегодня была очень сложная пластика митрального клапана, — с азартом и усталой улыбкой ответила Мира, сбрасывая туфли и усаживаясь за стол. — Но пациент стабилен, и это главное. Ой, прости, я снова говорю о работе.

— Да ничего, мне приятно тебя слушать - сказал Петр.

— Ах, вот еще что — продолжила Мира — Я сегодня говорила с мамой... У них все хорошо. Я рассказала ей о нас с тобой.

Петр, разливавший вино по бокалам, довольно приподнял бровь и сел напротив:

— Надеюсь, ты сказала, что наша свадьба — вопрос ближайшего времени? Мы вместе уже достаточно долго, Мира. Пора переходить на новый этап. Здесь, в Германии, у нас есть имя, статус и стабильное будущее. Я хочу, чтобы ты наконец перестала жить только операциями и позволила мне сделать тебя по-настоящему счастливой замужней женщиной.

— Мне кажется еще рано об этом..

Мира посмотрела на него с искренней благодарностью. Петр был надежен, заботлив и понятен — надежный тыл, о котором можно было мечтать после жизненных бурь. Однако где-то в самой глубине сердца легким холодком отзывалось то, что между ними царил скорее разумный, выверенный комфорт, чем любовь. Но для Миры, выбравшей спокойную жизнь, этого казалось более чем достаточно.

В это же самое время на другом конце Европы, в застекленных коридорах башни объединенного холдинга, разворачивалась изощренная, наглая и все сжигающая женская охота. Кристина Должанская праздновала свою маленькую, но уверенную победу после ночного инцидента в автомобиле.

Хотя Олег Вересов нагло выставил её из машины, Кристина, будучи искусственной интриганкой, безошибочно зафиксировала главное: он ответил на ее прикосновения волной возбуждения, он стал на нее смотреть и хотеть ее. Его броня дала трещину. Теперь её напор стал поистине безудержным.

Пользуясь тем, что её отец Виктор Петрович подписал соглашение о передаче фонда, Кристина под любыми предложениями появлялась в штаб-квартире каждый день. На ней всегда были идеальные приталенные наряды, подчеркивающие пышные формы, глубокие декольте и тонкий шлейф французских духов. Она словно случайно вертелась перед ним с утра до вечера.

То она «случайно» сталкивалась с Олегом у центрального лифта, подаваясь к нему вплотную и касаясь его локтя со смущенной, но откровенной улыбкой. То приносит «срочные уточнения» к финансовым графикам прямо в его кабинет, склоняясь над столом так, что её локоны касались его плеча, а грудь практически упиралась в стол.

Ближе к вечеру она снова появилась в дверях. На ней было облегающее изумрудное платье.

— Олег Сергеевич... Простите, я снова отвлекаю вас от важных дел, — проговорила Кристина, входя в кабинет. — Отец попросил лично передать вам эти гарантийные письма.

Вересов медленно оторвал голову от монитора. В нем боролись два чувства: раздражение от назойливости этой девочки и желание, которое становилось труднее контролиро-

вать. Он жадно смотрел на нее, мысленно раздевая и уже вступая в близость. Кристина действовала нагло, беззастенчиво, используя всю силу своего молодого, порочного соблазна.

Олег был здоровым, зрелым мужчиной. Притяжение, разжигаемое её ежедневным напором, ставило его перед ним тяжелыми испытаниями. Его разум твердил, что Должанская — фальшивая, хитрая и искусенная лиса, играющая в свои опасные игры. Но где похоть — там разума нет.

— Оставьте документы на столе, Кристина Викторовна. Там, на краю, подальше — сдерживая внутреннее напряжение, сурово произнес Олег, не двигаясь с места и удерживая руками края стола.

Кристина не торопилась уходить. Она сделала шаг ближе к его креслу, она дразнила его:

— Вы опять смотрите на меня так, будто хотите.. Ммм. хотите выгнать, Олег... А ваши глаза говорят совсем о другом. Почему вы боитесь признаться себе, что я вам нравлюсь?

Олег резко поднялся из-за стола. Он возвысился над ней всем своим ростом, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией. От него веяло такой обжигающей силой, что Кристина на секунду смущенно затаила дыхание.

— Займитесь делом, Кристина Викторовна. Документы я изучу позже. Всего хорошего — коротко отрезал Вересов, указывая на дверь.

Кристина, слегка смутившись от его грубого тона, но уло-

вив его сбитое дыхание и нервное постукивание пальцами по столу, ухмыльнулась и покинула кабинет. Вересов откинулся на спинку кресла, массируя переносицу. Он пытался унять этот внутренний жар, заставить себя думать о делах, о стратегии, о чём угодно, кроме её улыбки и этого дразнящего взгляда. Но чем сильнее он старался не думать о Кристине, тем ярче перед глазами вставал совсем другой образ — Миры. И эта борьба — между соблазном и памятью, между мгновением и чемто настоящим — становилась всё тяжелее.

Глава 53. Семейное благословление и мужской разговор

Уютная столовая загородного особняка Алексея Анатольевича Петрова была наполнена теплым светом хрустальной люстры, ароматом запеченной утки. Царила торжественная и одновременно удивительно теплая, уютная атмосфера. Алексей Анатольевич сидел во главе стола, с искренней отцовской гордостью и теплотой наблюдая за собравшимися. За столом собралась вся семья: Алексей Анатольевич, Кира Сергеевна, их сын Сергей, сияющая Алиса и маленькая Сонечка, которая с восторгом крутила в руках подаренную плюшевую игрушку.

Уважаемым гостем здесь был Эрик ван дер Берг, с которым Петров часто проводил деловые встречи, но в офисе. Сегодня европейский магнат сидел за этим столом в совершенно ином качестве. В элегантном темно-синем костюме, сдержанный и собранный, он излучал мужскую силу и глубокую решимость.

— Я безмерно рад видеть вас всех за этим столом, — произнес Алексей Анатольевич, поднимая бокал с выдержанным вином.

Когда основные блюда были убраны, а десерт подан, Эрик аккуратно отложил салфетку, расправил плечи и поднял-

ся со своего места. Разговоры за столом мгновенно стихли. Алексей Анатольевич и Кира Сергеевна переглянулись с едва заметной понимающей улыбкой.

— Алексей Анатольевич, Кира Сергеевна, — голос Эрика прозвучал глубоко, ровно и с неподдельным, искренним уважением. — Сегодня я пришел в ваш дом не как инвестор или партнер по бизнесу. Я стою перед вами как мужчина, который полюбил вашу дочь.

Алиса затаила дыхание, на ее щеках вспыхнул нежный, трепетный румянец. Ее пальцы слегка дрогнули, но Эрик мягко и уверенно накрыл ее руку своей ладонью, бросив на нее взгляд, полный безграничного тепла и обожания.

— Алиса, стала для меня светом, которого мне не хватало всю сознательную жизнь, — продолжил Эрик, глядя прямо в глаза родителям. — А маленькая Сонечка уже стала для меня родным ребенком, ради защиты и счастья которого я готов на всё.

Эрик извлек из кармана бархатный футляр, изящно опустился на одно колено прямо перед Алисой и открыл крышку. На бархатной подушечке в свете софитов вспыхнул редчайший, чистейший огромный бриллиант в тонкой оправе из платины.

— Алиса... Ты подарила мне смысл жизни. Выходи за меня замуж, Алиса? Стань моей женой! — он перевел свой взгляд на девушку — А вас, мама и папа, я прошу благословить нас на этот союз.

На глазах Киры Сергеевны блеснули слезы материнской радости. Она прижала ладонь к груди, глядя на то, как светятся глаза ее дочери. Алиса прикрыла губы ладонью:

— Да! Да, Эрик! Я согласна! — выдохнула Алиса, падая в его объятия. Эрик надел кольцо на ее тонкий пальчик.

Алексей Анатольевич медленно поднялся из-за стола. Глава семьи окинул Эрика оценивающим, но очень теплой взглядом, затем подошел к нему и крепко, по-отцовски пожал его руку, приобняв за плечи:

— Эрик... Я ценю тебя как надежного партнера, но еще больше ценю как человека слова и чести. Ты знаешь, как мы дорожим нашими детьми. Я вижу, как счастлива Алиса, и вижу, как тянется к тебе Соня. Для нас будет честью принять тебя в нашу семью. Мы даем вам наше благословение.

— Совет да любовь, сестра! — с широкой улыбкой воскликнул Сергей, поднимая хрустальный бокал. — Эрик, добро пожаловать в семью!

Маленькая Соня звонко хлопала в ладоши. Столовая наполнилась звоном бокалов, теплыми поздравлениями и смехом. Эрик подхватил на руки Алису и накрыл её губы страстным, нежным поцелуем под аплодисменты всей семьи.

После ужина, Алиса и Эрик вернулись к себе домой. Они были очень счастливы. Сонечку было не просто уложить спать, так как она была очень активна. Когда жених и невеста уже собирались отправиться в свою спальню к особняку

ван дер Берга подъехал автомобиль Вересова. Эрик лично встретил друга в коридоре и с окрыленной улыбкой провел в свой кабинет.

— Олег! Ты как раз вовремя, брат, — радостно заговорил Эрик, наливая два стакана виски. — Хочу поделиться с тобой грандиозной новостью. Я сделал Алисе предложение. Она моя невеста! Слышишь? Я скоро женюсь!

Вересов на секунду замер, а затем его грубоватое лицо озарила искренняя братская улыбка. Олег от души обнял Эрика, сжимая его плечо:

— Эрик... Поздравляю тебя от всего сердца, брат. Ты долго шел к этому. Я безмерно рад за тебя и Алису. Вы заслужили это счастье.

Мужчины присели у камина. Сделав глоток терпкого напитка, Олег откинулся на спинку кожаного кресла. Напряжение, нараставшее в нем последние дни, требовало выхода, и Вересов решил открыться единственному другу, которому доверял как самому себе.

— Эрик... Признаться, я приехал к тебе не только поздравить, — заговорил Олег. — Мне нужен твой совет. Наш бизнес расширяется. Тут нет вопросов. Но у меня возникла личная проблема, которая начинает серьезно выбивать меня из колеи.

Эрик прищурился, сменив радостный тон на внимательный и собранный:

— Я слушаю тебя, Олег. Что произошло?

— Должанская... Кристина, — вымолвил Вересов, крутя бокал в пальцах. — Эта девчонка буквально не дает мне прохода. После того как я выкупил фонд её отца и подвез её, она вертится в холдинге каждый день. Появляется повсюду, заходит в кабинет, провоцирует меня, по всей башне пахнет этими ее сладкими духами... Эрик, проклятье, мне становится все тяжелее держать себя в руках!

Олег был раздосадован:

— Я взрослый, здоровый мужик, Эрик. Ты же сам знаешь мы все эти годы жили работой, развивали бизнес. Как-то не до женщин было, да и Миру я так и не могу забыть. Однако мое тело реагирует на эту наглую девицу. Каждый раз, когда она наклоняется над моим столом или трогает мое бедро, как в машине, во мне закипает банальная похоть! Да я черт возьми хочу ее!

Эрик ван дер Берг молча выслушал эмоциональную исповедь друга, а затем неожиданно тихо и искренне громко рассмехался, качая головой.

— Олег, ты меня прости, но я вообще не вижу здесь никакой трагедии или катастрофы, — спокойно ответил Эрик, делая глоток виски. — Хочешь - бери! Она же сама пытается запрыгнуть в твою постель. Какого черта ты возвел вокруг себя этот монастырский обет?

Олег хмуро посмотрел на друга, но Эрик продолжал:

— Да, у тебя была трагедия в юности, когда ты потерял молодую жену. Да, два года назад от тебя ушла Мира, рас-

топтал твои чувства, и ты не знаешь, где она. Но жизнь не остановилась, Олег! Физиология как бы существует не просто так. Ты не святой и не должен превращать свою жизнь в пожизненный тюремный срок за чужие ошибки!

Эрик подался вперед, положив ладонь на плечо Вересова.

— Кристина — красивая, искушенная девчонка, которая сама нагло и открыто добивается твоего внимания. Если тебе нужна разрядка — бери ее или найди совершенно другую женщину! За тобой очередь из женщин стоит! Сбрось это дикое напряжение, брат. Ведь потеря любимой девушки — это не приговор оставаться в одиночестве всю оставшуюся жизнь. Ты имеешь право просто жить дальше. Просто запомни - ты имеешь на это право!

Олег Вересов задумчиво молчал, смотря на догорающие в камине угли. Слова Эрика звучат прагматично и трезво. Они заставляют задуматься о собственном будущем...

Глава 54. Предложение в Альпах и пожар в кабинете

Осенний вечер у подножия Баварских Альп выдался ясным и свежим. В уютном ресторане с видом на горные вершины, тихо играла живая музыка, а в воздухе витали ароматы пряных трав и благородного вина. Петр Гальцев и Мира Орлова сидели за уединенным столиком у окна.

Для Петра недавний разговор Миры с матерью, в котором она открыто рассказала семье об их отношениях и возможных планах на брак, стал настоящим знаком. Он понял: больше нет смысла медлить. Мира спокойна, доверяет ему, их союз проверен, а значит пришло идеальное время сделать главный шаг.

Петр ласково поцеловал Миру в руку, заглядывая в ее ясные, открытые глаза:

— Мира... Мы вместе уже долгое время, и за это время ты стала для меня самым дорогим и любимым человеком. Я не хочу больше откладывать наше будущее. Хочу жить здесь и сейчас!

Петр достал из внутреннего кармана пиджака бархатную коробочку глубокого темно-синего цвета и плавно открыл ее. Слепительно блеснуло изящное кольцо с красивым сапфиром и россыпи бриллиантов.

— Мира, ты выйдешь за меня замуж? — искренне и уверенно произнес Петр. — Я очень хочу стать твоей защитой, твоей семьей и твоим спутником на всю жизнь.

Мира посмотрела на кольцо, затем подняла взгляд на Петра. На ее лице расцвела теплая, уверенная и благодарная улыбка. Без лишних колебаний и с легким сердцем она протянула ему руку:

— Да, Петя. Я согласна. Я стану твоей женой.

Петр бережно надел кольцо на ее безымянный палец, крепко прижал ее руку к своим губам, а затем они обнялись под тихие аплодисменты официантов. Это был осознанный, взрослый шаг навстречу новому общему этапу жизни.

Тем же вечером в кабинете башни объединенного холдинга, атмосфера была сильно напряжена. Разговор с Эриком не выходил у Вересова из головы. «Ты имеешь право просто жить...» — эти слова друга непрерывно трезвонили в его сознании тяжелым эхом.

Олег сидел за своим рабочим столом, когда дверь кабинета тихо отворилась. На пороге появилась Кристина Должанская.

На этот раз её привычная наглая спесь уступила место более тонкой, искусственной и интимной игре. На ней было облегающее бордовое платье из шелка с глубоким вырезом на спине, а распущенные белокурые локоны падали на обнаженные плечи.

— Олег Сергеевич... — её голос звучал тихим, хрупким и чуть виноватым шепотом, пока она неслышно подходила к его столу, держа в руках папку с выписками. — Я принесла несколько актов на подпись... Простите, что беспокою так поздно. Я не хотела вам снова мешать.

Олег отложил ручку и поднял взгляд. От нее веяло дурманящим шлейфом дорогих сладких духов, запах от которых был уже по всему зданию.

Кристина опустила папку на стол, но не отступила назад, а мягко подалась вперед, практически касаясь его груди и прислонившись к столу. Наглые глаза смотрели на миллиардера с нескрываемым, влажным призывом и хрупкой незащищенностью.

— Снова выгонишь меня, Олег? — прошептала она, и её пальцы едва ощутимо коснулись его волос, медленно скользя вниз по пиджаку. — Почему ты так упорно от той, кем хочешь обладать? Я же не в ЗАГС тебя зову..

Вересов замер. Кровь прилила в теле. В кабинете стало невероятно жарко. Олег тяжело, рвано выдохнул, заглядывая в её прекрасные глаза.

Он больше не стал сбегать. Олег резко поднялся, обхватил Кристину за гибкую талию и с властной силой прижал её к краю стола. Кристина ахнула, вспыхнув от торжествующего восторга. Вересов жадно поцеловал ее в алые и сочные губы, растворяясь в желании и сбрасывая накопившееся напряжение. Кристина сладко простонала, обвивая его бедра своими

стройными ногами и отвечая на его страсть. Огонь плотской страсти вспыхнул в кабинете с необузданной силой, подарив ей долгожданную близость с недоступным ранее миллиардером.

Спустя два часа Кристина Должанская вернулась в свой особняк, сияя от переполнявшего ее триумфа. Девушка буквально парила от счастья и окрыленности. Её план сработал! Неприступный Олег Вересов сдался, уступив её чарам и страсти! Он пустил ее в свое личное пространство!

Сняв туфли и накинув легкий шелковый халат, Кристина поднялась на террасу своего крыла, глядя на ночное небо и прижимая ладонь к губам, еще хранившим жар его поцелуев. Впереди открывались грандиозные перспективы, и она была уверена, что теперь ничто и никто не помешает ей занять законное место рядом с главой холдинга...

Глава 55. Горное солнце и правила любовников

Утро в особняке Должанских на Рублевке началось в атмосфере непривычного оживления. Кристина, одетая в шелковый пеньюар, с сияющими от восторга глазами зашла в просторный кабинет отца. Вся ее бывшая капризность сменилась лихорадочной, непоколебимой решимостью.

Виктор Петрович Должанский сидел за рабочим столом, просматривая сводки новостей. Увидев дочь, он отложил журналы и тепло улыбнулся:

— Доброе утро, Кристиночка. Ты сегодня прямо светишься. Что-то случилось?

Кристина подошла ближе, грациозно присела на подлокотник отцовского кресла, обняла его за плечи и заговорила ласковым, умоляющим голосом:

— Папа... Вчера ночью между мной и Олегом всё случилось. Лед тронулся! Он больше не держит дистанцию. Теперь я хочу замуж за Вересова, папочка. Ты же видишь, как я к нему привязана, как хочу настоящую семью именно с ним! Ты любишь меня и всегда хотел моего счастья. Помоги мне, пожалуйста!

Кристина обняла папочку и поцеловала в щеку. Она с самого раннего детства умела его уговорить о чем угодно. Вик-

тор Петрович внимательно посмотрел на сияющую дочь. Он тяжело вздохнул, погладив ее по руке. Ради единственной дочери Должанский-старший был готов приложить максимум усилий, хоть Вересов и был не прост:

— Хорошо, доча. Если он действительно сделал шаг навстречу, я сделаю всё возможное, чтобы укрепить твое положение рядом с ним. Твое счастье для меня превыше всего.

— Я знала, что ты не откажешь мне, папуля! — радостно затрезвонила Кристина.

Днем того же дня Кристина уже приехала в башню холдинга «Veresov Diamonds». Когда Олег выходил из приемной в сопровождении помощников, его взгляд пересекся с Кристиной. Вересов коротко кивнул секретарям, отпуская их, и жестом пригласил девушку в свой кабинет.

Кристина вошла, одарив его кокетливой улыбкой. Она шла грациозно как кошка, от бедра. Олег закрыл дверь, подошел к ней и, не скрывая сдержанной мужской теплоты, достал из внутреннего кармана пиджака бархатную коробочку.

— Это тебе, Кристина, — произнес Вересов более мягким, хоть и по-прежнему собранным тоном, протягивая подарок. — За вчерашний вечер.

Кристина открыла коробочку: на черном бархате ослепительно искрились эксклюзивные серьги с россыпью чистейших бриллиантов. Ее глаза загорелись восторгом.

— Они великолепны, Олег... — прошептала она, бросаясь

к нему на шею.

Олег ласково приобнял ее в ответ:

— Я привык ценить красивые моменты и благодарить за них. Но давай сразу договоримся на берегу: между нами есть взаимное влечение и комфорт, но я не готов давать клятв вечной любви или строить иллюзии о скорой свадьбе. Если тебя устраивают такие правила — мы продолжим наш формат отношений.

Кристина ласково прижалась своей щекой к его щеке, пряча победную улыбку:

— Меня более чем устраивают твои правила, Олег... Главное, что мы теперь вместе.

А на юге Германии, высоко в Баварских Альпах, царил праздник солнца, белоснежного снега и абсолютной свободы. Счастливая после предложения Петра и сверкающего кольца на пальце, Мира с радостью согласилась провести выходные на горнолыжном курорте Гармиш-Партенкирхен.

Целый день они провели на залитых ярким горным солнцем склонах. Мира в теплом лыжном костюме каталась по трассе, чувствуя, как морозный ветер обдувает лицо. Ей было легко, весело и спокойно. Петр уверенно страховал ее на крутых склонах, они смеялись, падали в мягкие сугробы, пили горячий глинтвейн с корицей на смотровой площадке и любовались ослепительными горными панорамами. А какие фотографии на память они сделали в горах! Просто пре-

лесть. В этот день Мира ощутила долгожданное, пьянящее чувство настоящей свободы.

К вечеру они вернулись в свой роскошный деревянный шале-отель. Заказали ужин на двоих прямо в номер. Быстро все съели и выпили, так как в течение дня совсем ничего не перекусили. Захмелев от вина и окончательно расслабившись, Мира прильнула к Петру и сказала:

— Как хорошо мы провели этот день, давай не будем на этом останавливаться, Петя.

Петр бережно снял с нее свитер, прижал сильнее к себе и чувственно поцеловал. Мира не стала отстраняться — все сомнения остались в прошлом. Она с трепетом ответила на все его ласки, обвивая руками его шею и с легким сердцем отдаваясь этой нежной ночи любви у огня камина...

Глава 56. Свадебный переполох и разговор начистоту

В загородном особняке Эрика ван дер Берга началась предсвадебная суеда. Подготовка к предстоящему бракосочетанию набрала невероятный размах, наполняя каждую комнату атмосферой семейной гармонии, уюта и звенящего счастья. Маленькая Сонечка примеряла пышное белое платье маленькой подружки невесты. Девочка с хохотом кружилась перед большим зеркалом в гостиной, вызывая у взрослых искренний трепет.

Эрик и Алиса сидели на веранде, рассматривая дизайнерские эскизы свадебных приглашений и утверждая финальный список гостей.

— Ты знаешь, дорогая, — ласково произнес Эрик — наше торжество пройдет в моем итальянском поместье, там особенно красиво бывает в конце осени. Там такие виды открываются — закачаешься. Как ты смотришь на дату 25 ноября?

— М-м-м.. мне нравится! Тогда я не буду выбирать платье с длинным шлейфом, чтобы не портить его — легко ответила Алиса.

Ван дер Берг вел себя как самый счастливый и внимательный мужчина на свете. Он с ласково и нежно поглаживал тонкие пальцы Алисы с заветным платиновым кольцом, на-

слаждался ее улыбкой, обсуждал каждую мелочь — от композиции торта до музыки на церемонии — и не спускал с невесты горящего, согревающего взгляда.

Алиса расцвела на глазах: ощущение искренней любви подарило ей еще более милые черты лица, она стала более уверена в себе внешне, она любила и была любима.

— Я хочу, чтобы этот день навсегда остался в твоём воспоминании как настоящая, волшебная сказка, моя Алиса, — с глубокой нежностью шептал Эрик, целуя Алису в ручку, пока Сонечка со смехом подбегала к ним, чтобы показать очередную игрушку. Холодный и одинокий особняк Ван дер Берга превратился в настоящий дом наполненный теплом и любовью.

Во второй половине дня Виктор Петрович прибыл в главный офис объединенного холдинга. Он закрыл за собой дверь кабинета, положил кожаную папку на стол и сел напротив Олега. На этот раз он не стал сыпать дежурными любезностями о погоде или графиках логистики.

— Я подписал дополнительные соглашения по регионам, — сказал Должанский, глядя прямо на Вересова. — С документами полный порядок. Но остался еще один вопрос, который не внесешь в протокол.

Олег закрыл ноутбук и откинулся на спинку кресла.

— Слушаю вас, Виктор Петрович.

— Речь о Кристине, — Должанский помолчал, подбирая

интонацию. — Буду с тобой на ты, раз уж вопрос о личном. Ты взрослый мужик, Олег. Сам прекрасно видишь, что с ней происходит. Моя дочь — девчонка сложная, капризная, всегда крутила мужиками как хотела. Но сейчас я ее не узнаю. Она ведь впервые в жизни по-настоящему голову потеряла. От тебя.

Олег чуть прищурился, но промолчал, давая Виктору Петровичу высказаться.

— Я не собираюсь читать вам обоим нотации, — продолжил Должанский. — И лезть в вашу постель тоже не стану. Но как отец я не могу просто сидеть и смотреть, как ей разобьют сердце. Ей двадцать пять, она наивна в своих фантазиях, а тебе уже сорок пять. Ты ей в отцы годишься. Она восхищается тобой.

— Виктор, мы с Кристиной обсудили формат нашего общения, — спокойно ответил Вересов. — Я ничего ей не обещал и иллюзий не строил. Она приняла эти условия.

— Условия? — Должанский горько усмехнулся. — Женщина влюблена, Олег. Она в такой момент не то что примет, она даже подпишет любые условия, лишь бы быть рядом с предметом ее обожания. Но давай посмотрим на это с разных сторон и под разными углами. Ты одинок. Не женат и женщины возле тебя уже давно нет. Так?

— Ну допустим, так..

— Пресса то и дело полощет твое имя, связывая то со старыми скандалами, то с новыми слухами. Инвесторам и по-

тенциальным партнерам нужен стабильный, респектабельный лидер с понятным тылом.

— Намекаешь на брак? Я так не могу.. Я не люблю ее.. — возразил Вересов — Кристина девушка эффектная, она мне симпатична, но не более того...

— Не торопись делать выводы. Послушай! Я не намекаю на брак, а говорю прямо, — твердо произнес Должанский. — Женись на моей дочери. Пусть для вас двоих это будет выгодный расчет, обоюдный контракт, который закроет все вопросы со сплетнями и укрепит твою репутацию. Кристина же получит статус твоей жены, о ней тоже не будут идти непонятные слухи, сможет быть с тобой рядом. А дальше... а кто знает, что будет дальше? Пройдет время, страсти улягутся, появится привычка, уважение. Глядишь, и истинные чувства будут. Любовь это лишь мгновение, а семья - навсегда.

Олег усмехнулся:

— Какого черта! Ты так просто об этом рассуждаешь, будто предлагаешь обменять один пакет акций на другой. Ты же свою дочь мне предлагаешь...

— Да потому что я реалист, Вересов! — посерьезнел Должанский и подался вперед. — Я знаю что такое одиночество. Я всю жизнь один, как умерла мать Кристины. Я один ее воспитывал и поэтому у меня есть важное условие для вашего союза. Если ты пойдешь на это — не смей вытирать об нее ноги. Не ломай ее. Она избалована, но искренна с тобой и

честна. Если ты не готов на ней жениться, лучше брось сразу. Подумай над моими словами.

— Я обещаю подумать, но не могу ничего гарантировать.
— честно закончил разговор Вересов.

Должанский поднялся, пожал руку Вересову и вышел.

Оставшись в кабинете один, Олег погрузился в раздумья. Он подошел к окну, достал сигарету и щелкнул зажигалкой. За стеклом шумело вечернее Садовое кольцо, в потоке машин мигали красные габаритные огни.

Предложение Должанского звучало цинично, но в нем была неоспоримая практическая логика. Прошло больше двух лет с тех пор, как Мира перечеркнула их историю и уехала, не оставив ни адреса, ни шанса объясниться. Она жила своей жизнью где-то в Европе, возможно, давно была счастлива с другим. Ждать и беречь верность пустоте больше не имело смысла. Кабинет наполнился клубами дыма, в которых витали мысли о состоявшемся разговоре:

«Фиктивный брак, — подумал Олег, стряхивая пепел в пепельницу, стоявшую на подоконнике. — Статус, закрытые рты в СМИ. Это конечно все хорошо, но девушка рассчитывает на любовь, а мне от нее на текущий момент нужна только близость. Я не могу ее полюбить. Или могу?».

На этой мысли Вересов вспомнил Кристину и кровь снова забурлила в нем. Ведь он никогда не рассматривал ее всерьез, для отношений. Он был абсолютно закрыт для нее. “А

может быть ей стоит дать шанс показать себя не только искусительницей, но и обычной влюбленной женщиной?”. Олег затушил сигарету, вернулся к столу и открыл рабочие файлы. Решение еще не было принято окончательно, но зерно, посеянное Должанским, уже дало первые всходы.

Глава 57. Москвы в будущее и голос сестры

Ранним утром в пентхаус Вересова приехал Эрик ван дер Берг. Он весь светился изнутри. Эрик протянул Вересову конверт из плотной бумаги.

— Держи брат. Это тебе, хотел отдать лично в руки. — ван дер Берг сел в кресло напротив, не пытаясь скрыть широкой улыбки. — Я женюсь!

Олег подцепил край конверта пальцем и достал карточку, на которой золотыми буквами написано:

Приглашение на торжество любви

Имеем честь пригласить Вас на официальное бракосочетание

Эрика ван дер Берга & Алисы Петровой

Торжественная церемония и праздничный ужин состоятся

25 ноября 2025 года

в семейном родовом поместье Villa van der Berg

Побережье Амальфи, Италия”

— Тридцатое ноября, — сказал Эрик. — В моем поместье в Италии. Мы решили не тянуть до следующего года. Жизнь слишком коротка, чтобы разменивать её на ожидание. И даже не думай придумывать отговорки, связанные с работой:

ты у меня главный шафер. Постоишь рядом у алтаря, проследишь, чтобы кольца не перепутали.

Вересов внимательно вчитался в строки красивого текста, а затем поднял глаза на друга.

— Куда я денусь, — усмехнулся Олег, убирая карточку во внутренний карман. — Рад за тебя, Эрик. Правда. Я буду рядом и прослежу, чтобы ты не сбежал от своей невесты.

Эрик рассмеялся, от души пожав руку Олега и обняв его за плечи:

— От неё я не сбегу даже под страхом гибели всего своего холдинга, Олег! Алиса и Сонечка — мой единственный истинный дом. Я хочу, чтобы на этой свадьбе собрались все самые родные люди. Ах да.. и на твоей погуляем! — отмахнулся Эрик, поднимаясь.

— Ладно, у меня через двадцать минут встреча с архитектором по новой клинике. Мне пора. Я заехал, только чтобы отдать тебе конверт лично.

В Мюнхене вечер выдался мокрым, лил дождь. Петр поставил на стол заварочный чайник, сел напротив Миры и пододвинул к себе чашку. Он выглядел непривычно собранным.

— Мира, есть серьезный разговор, — начал он, глядя ей в глаза. — Сегодня выходили на связь партнеры из Москвы. Мне предлагают возглавить арбитражную практику в крупной юридической группе. Условия отличные и статус совер-

шенно другой. Для моей карьеры это огромный шаг вперед.

Мира отставила чашку и внимательно посмотрела на него.

— Но я помню, почему ты уехала два года назад, — продолжил Петр мягче. — Знаю, сколько сил ушло, чтобы построить здесь спокойную жизнь. Если возвращение в Россию для тебя неприемлемо — скажи прямо. Я откажусь от предложения. Мы останемся в Баварии.

Мира покачала головой и накрыла его руку своей ладонью:

— Петя, прекрати. От таких предложений не отказываются. Мы вместе, мы решили пожениться, и строить семью на чьих-то уступках я не хочу. Если ты откажешься сейчас, через пять или десять лет сам будешь жалеть об упущенном шансе. Я взрослый человек, хирург с практикой, прошлое меня больше не пугает. Они лишь прошлое, которое есть у любого человека. Поедем вместе, купим квартиру, я подтвержу квалификацию или пойду работать в частную клинику. Всё решено.

Петр с облегчением выдохнул и сжал ее пальцы:

— Спасибо. Ты даже не представляешь, как мне важно это услышать.

В этот момент на стеклянном столике завибрировал телефон. На экране высветилось имя: «Алиса».

Мира сняла трубку, прижав аппарат к уху:

— Привет, Алиса. Что-то случилось?

— О да, сестренка! — в трубке раздался звонкий, возбужденный голос сестры. — Я замуж выхожу! Всё, решение принято, дата назначена!

Мира не удержалась и рассмеялась:

— Вот это новости! Мама говорила, что у тебя всё серьезно, но чтобы так быстро... Кто он? Когда торжество?

— Эрик. Он потрясающий, Мира... К Соне относится так, будто сам ее растил с пеленок. Свадьба двадцать пятого ноября в Италии, в его поместье. И даже не пытайся отказаться: ты моя старшая сестра и будешь главной подружкой невесты. А у тебя как? Слышала, вы с Петром тоже не теряете времени?

Мира бросила теплый взгляд на Петра, сидевшего напротив, и начала крутить колечко на безымянном пальце:

— Да. Петя сделал мне предложение, я тоже согласилась. Ему предложили повышение на работе и переезд в Москву...

— Мира, это же потрясающе! — воскликнула Алиса. — Значит, ты наконец вернешься домой? Отец с ума сойдет от радости. Мама с Сергеем только и ждут твоего приезда. Семья должна быть вместе и чувствовать опору друг друга.

Мира слегка засомневалась:

— Окончательное решение еще не принято..

— Не глупи! — продолжала Алиса — Приезжайте на свадьбу в Италию вместе с Петром, познакомишь нас всех. Обсудим все начистоту. Пора уже перестать прятаться по углам.

Мира посмотрела в окно. Слова сестры окончательно сня-

ли внутреннее волнение.

— Договорились, Алиса. Мы прилетим в Италию. Я буду рядом.

Они проговорили еще минут двадцать, обсуждая платья, билеты и погоду на побережье. Положив трубку, Мира улыбнулась: мосты с прошлым были сожжены, а впереди открывалась прямая и понятная дорога домой.

Глава 58. Ошибка в ночи

Эрик с головой ушел в организацию своей свадьбы с Алисов, поэтому всё текущее управление компанией целиком легло на Вересова.

Две недели пролетели незаметно: бесконечные совещания, закрытие квартальных отчетов, ночные видеоконференции с биржей и постоянные проверки региональных филиалов выжали Олега без остатка. Он поселился на работе.

К вечеру четверга в башне холдинга уже погас свет в большинстве кабинетов. Сотрудники разошлись по домам. Лишь Олег сидел за своим рабочим столом, расстегнув воротник рубашки и мягко потирал виски, покачиваясь на стуле. Глаза слипались при виде цифр на мониторе, а в голове пульсировала тупая боль. Внутри накопилось столько напряжения, что просто сесть в машину и поехать в свой пустой пентхаус казалось пыткой.

И тут Олег отбросил ручку, достал телефон и набрал номер Кристины. Гудки шли недолго.

— Оу.. какие люди.. Олежа? — в трубке раздался ее мягкий, довольный голос, в котором явно читалась улыбка. — Я уж думала, ты сегодня снова ночуешь среди своих отчетов, трудоголик мой.

— Я в тут офисе, заканчиваю, — коротко ответил Вересов, поднимаясь из-за стола и беря пиджак. — Буду у тебя

через сорок минут. Ты дома?

— Конечно дома. Жду тебя, милый.

Кристина открыла дверь апартаментов в коротком шелковом халате винного оттенка, одетом поверх соблазнительного кружевного белья. В прихожей горел теплый скрытый свет, по квартире плыл легкий аромат ванили и арома свечей. Едва Олег переступил порог, она шагнула к нему, обвив руками его шею и заглядывая в лицо:

— У тебя такой вид, будто ты неделю не спал. Бросай ключи, иди сюда.

Она помогла ему снять пиджак и повела за собой в спальню за галстук. В комнате царил мягкий полумрак. Кристина усадила Олега на край широкой кровати, налила ему бокал выдержанного коньяка и встала позади. Ее сильные, тренированные пальцы уверенно легли на его плечи, разминая скованные мышцы шеи и плеч.

— Милый, ты совсем себя не бережешь, — тихо произнесла она, наклоняясь так близко, что ее дыхание обожгло его ухо. — Эрик наслаждается жизнью и готовится к свадьбе, а ты тащишь всё на себе. Зачем?

— У Эрика свадьба через неделю, — глухо отозвался Вересов, сделав глоток и прикрыв глаза. — Он мой друг, почти брат. Мне не в тягость ему помочь с бизнесом, тем более что он совместный.

— Ну как-то не особо справедливо. Давай ты забудешь

тут о своей работе, проблемах... Сегодня ты здесь со мной. Есть только ты.. и я.

Кристина забрала у него бокал, поставила на тумбочку и опустилась перед ним на колени. Ее руки медленно скользили по его груди, расстегивая пуговицу за пуговицей. Подняв глаза, она поймала его задумчивый, отдаленный взгляд:

— Посмотри на меня, Олег. Я здесь. И я хочу отдаться тебе без остатка.

Она потянулась к его губам, целуя жадно, глубоко, вплетая пальцы в его темные волосы на затылке. Вересов почувствовал, как глухое раздражение и усталость сменяются резким приливом желания. Он резко перехватил ее за талию, приподнял и повалил на шелковое покрывало, сорвав халат и белье под ним уверенными движениями рук.

— Ах, какой ты сегодня грубый, это так заводит — сдавленно прошептала Кристина, впиваясь ногтями в его плечи и отвечая на каждый толчок его тела с яростью.

— Меньше говори — оборвал он, властно целуя ее.

В спальне не осталось места мыслям, только сбивчивое дыхание, скрип мебели и обжигающий жар переплетающихся тел. Олег забирал ее резко, отдаваясь процессу со всей накопившейся внутри злостью и силой. На самом пике, когда дыхание окончательно перехватило, а сознание заволокла слепая вспышка наслаждения, он крепко вжался лицом в ее шею и сдавленно, хрипло простонал в темноту:

— Мира... Мира, боже...

Кристина окаменела.

Это имя разорвало воздух и ударило по ней, словно ледяной душ. Каждое слово прозвучало слишком отчетливо и громко. Внутри у нее все бурлило от ярости и оскорбленного самолюбия: она отдавала ему всю себя, а он в самый откровенный момент звал ту, другую. Она понимала, сказанные слова означали, что Вересов прямо сейчас думает о той, о другой. Как же Кристине хотелось с силой оттолкнуть его, вцепиться ногтями в лицо, устроить скандал на весь дом и потребовать ответа прямо немедленно.

Но она была умнее этих нелепых обид в такой момент. Для сейчас был важен только расчет. Вересов лежал на ней, тяжело дыша, полностью обессиленный и уязвимый. Он был здесь, в ее постели, подчиненный ее телу, а имя из прошлого лишь подтверждало, какую огромную рану он прячет под маской стойкого и сильного миллиардера.

— Я здесь, с тобой... Всё хорошо, — ровным, вкрадчивым шепотом произнесла Кристина, мягко поглаживая его взмокшую спину.

Через полчаса Олег уже спал глубоким, тяжелым сном, отвернувшись к краю кровати.

Кристина осторожно выбралась из-под одеяла, накинула халат и бесшумно подошла к столику. Взяв телефон, она вернулась к постели. В тусклом свете ночника лицо спящего мужчины казалось спокойным и почти беззащитным. Его

темные волосы разметались по подушке, тяжелые плечи мерно вздымались.

Кристина присела на край матраса, мягко прильнула щекой к его обнаженному плечу и сделала серию четких снимков на фронталочку. Затем поднялась и сфотографировала его со спины, захватив в кадр смятые простыни. Отдельным кадром она запечатлела его ролексы, лежащие на ее туалетном столике рядом с флаконом духов и расстегнутыми сережками, которые он подарил ей на прошлой неделе.

Просмотрев галерею, Кристина довольно улыбнулась. У нее на руках были неопровержимые доказательства их ночи. Как бы в прошлом Вересов не любил Миру, сегодня реальный Вересов спал в ее спальне, и этот козырь она собиралась разыграть в самый подходящий момент.

Глава 59. Итальянский бриз и призраки прошлого

За два дня до церемонии старинная вилла ван дер Бергов на крутом утесе Амальфитанского побережья гудела от голосов и шагов. Эрик и Алиса прилетели еще накануне, чтобы лично проверить готовность дома к приему гостей. Террасы из светлого камня, увитые диким виноградом и цитрусовыми деревьями, спускались прямо к бирюзовому Тирренскому морю. Морской ветер трепал белые полотняные тенты, а в воздухе стоял густой запах цветущего мирта и соленой воды.

Первый кортеж поднялся по серпантину к полудню. Из черного автомобиля вышли Алексей Анатольевич с супругой Кирой Сергеевной и сын Сергей. Эрик с Алисой вышли встречать их на широкое крыльцо.

— Добро пожаловать! — широко улыбнулся Эрик, крепко пожимая руку будущему тестю и обнимая Сергея. — Дорога не утомила?

— Все отлично, Эрик, — Алексей Анатольевич огляделся вокруг, оценивающе цокнув языком. — Виды здесь, просто, грандиозные. Твое поместье впечатляет своими масштабами. Мне с Кирой тоже нужно приобрести что-то похожее по-соседству!

Кира Сергеевна тем временем уже обнимала дочь, с улыб-

кой вглядываясь в ее сияющее лицо:

— Алисочка, девочка моя, как ты похорошела! Не передумала замуж выходить?

— Ох уж ваши шуточки с папой! — рассмеялась Алиса.
— Эрик взял абсолютно всё на себя, мне остается только примерять наряды и гулять по магазинам. Проходите в дом, вам наверняка нужно отдохнуть с дороги.

Пожилая итальянская экономка в строгом фартуке подхватила багаж и повела семью по широкой витой лестнице в восточное крыло особняка. Высокие сводчатые потолки с фресками, старинные резные двери и просторные арочные коридоры производили впечатление.

Не успели Петровы разойтись по своим комнатам, как у ворот зашуршал гравий: прибыл второй автомобиль. Из него вышел Олег Вересов в темно-синем блейзере и темных очках, а следом за ним, эффектно поправляя поля широкой соломенной шляпы, выпорхнула Кристина Должанская. На ней был открытый шелковый сарафан цвета сочного апельсина, а ее пальцы мгновенно вцепились в локоть Олега.

Эрик шагнул навстречу другу, раскинув руки:

— Олег! Наконец-то! Я уже думал, ты до самой субботы будешь сидеть в нашем офисе.

— Обещал быть вовремя — значит, буду, — усмехнулся Вересов, крепко обнимая друга. — Рад видеть тебя, Эрик. Выглядишь как человек, выигравший главный джекпот в жизни.

— Так и есть, — Эрик повернулся к подошедшей Алисе и приобнял ее за талию. — Познакомься Кристина, это моя Алиса. Моя будущая любимая жена.

Кристина тут же сделала шаг вперед, ослепительно улыбаясь в тридцать два зуба:

— Алиса, какая вы красавица! Приятно узнать тебя лично... Мы с Олегом просто в восторге от вашей виллы! Такая романтика, такое уединение, нам бы такая тоже не помешала, когда мы поженимся... Правда, милый?

Олег едва заметно поморщился от этих «милый» и «когда поженимся», но из вежливости сдержался, слегка кивнув:

— Да, поместье великолепное. Поздравляю вас обоих.

Алиса вежливо поблагодарила гостей:

— Спасибо, Кристина. Рада знакомству. Горничная сейчас проводит вас в западное крыло. Мы выделили вам просторный номер с террасой на верхнем этаже, там открывается лучший вид на закат.

— О, терраса — это именно то, что нам нужно! — прошептала Кристина, сильнее прижимаясь к плечу Вересова и бросая вокруг победные взгляды. — Спасибо огромное, Алиса!

Олег молча взял чемодан Кристины и пошел следом за управляющим, желая поскорее остаться в тишине.

Мира и Петр добрались до поместья только к восьми вечера. Их рейс из Мюнхена с пересадкой в Риме задержали

из-за грозового фронта над Альпами, поэтому они въехали в ворота виллы уже в глубоких сумерках. Вдоль кипарисовой аллеи мягко светились фонари, отражаясь в темном зеркале бассейна.

К девяти вся семья Петровых собралась в малом банкетном зале у камина. Стол был накрыт на шесть персон: свежие морепродукты, паста с трюфелем, графины с местным белым вином и легкие закуски. Алиса спустилась к ужину одна.

— А где же виновник торжества? — с улыбкой спросил Алексей Анатольевич, разливая минеральную воду по бокалам. — Неужели жених решил спрятаться от родственников невесты?

— Пап, Эрик с шести утра на ногах, — мягко пояснила Алиса, садясь рядом с матерью. — Встречал поставщиков, проверял кухню, потом долго возился с Сонечкой — они строили шалаш из пледов прямо посреди кабинета. В итоге оба вырубались без задних ног. Он передавал тебе и маме огромный привет и извинения. Сказал, что завтра с самого утра в вашем полном распоряжении. Так что сегодня у нас чисто семейный вечер.

— Может это даже к лучшему, мы так давно не виделись — тепло произнесла Кира Сергеевна, с любовью глядя на Миру. — Мирочка, девочка моя... Дай я на тебя посмотрю.

Мира сидела рядом с Петром, одетая в простой и элегантный бежевый костюм. Ее глаза блеснули от искренней радо-

сти. Она взяла мать за руку:

— Я тоже очень скучала, мам. Папа, Сергей... Как же здорово, что мы все наконец здесь.

Петр слегка откашлялся и аккуратно поставил свой бокал на скатерть. Он чувствовал груз ответственности перед этой влиятельной и дружной семьей и явно хотел произвести наилучшее впечатление:

— Алексей Анатольевич, Кира Сергеевна... Я хочу воспользоваться моментом и сказать, как я счастлив наконец познакомиться с вами лично. Мне жаль, что из-за нашей занятости в Германии и скоротечности событий мы не смогли встретиться раньше, еще до того, как я сделал Мире предложение. Но уверяю вас: мои намерения абсолютно серьезны. Для меня огромная честь стать частью вашей семьи, и я сделаю всё, чтобы Мира чувствовала себя в полной безопасности и достатке.

Алексей Анатольевич внимательно посмотрел на молодого юриста поверх очков, выдержав короткую, чисто мужскую паузу, а затем его строгое лицо потеплело:

— Петр, бросьте эти официальные расшаркивания. Главное, что мы видим — у Миры спокойные и счастливые глаза. Она у нас девушка с характером, всего привыкла добиваться сама и никогда не просила поблажек. Если она выбрала вас — значит, вы действительно тот человек, на которого можно опереться. Сергей мне рассказывал про ваше новое назначение в Москве. Дело хорошее, сильное. Переберетесь — по-

можем обустроиться.

— Спасибо, Алексей Анатольевич, — искренне выдохнул Петр, заметно расслабляясь. — Это очень ценно.

Ужин прошел в невероятно теплой, непринужденной обстановке. Сергей травил байки о московских партнерах, Алиса рассказывала о планах на выставки в Риме, а Мира с матерью тихо переговаривались о клинике и медицине. Казалось, все старые обиды и годы разлуки окончательно растворились в уютном свете свечей.

Около одиннадцати вечера Мира и Петр поднялись в свои апартаменты на втором этаже. Комната была просторной, с высокими потолками, изысканной мебелью и широкой стеклянной дверью, ведущей на уютную террасу над морем.

— Я быстро в душ, Мира, — сказал Петр, расстегивая запонки на манжетах. — Дорога всё-таки дала о себе знать. У твоих родителей потрясающее чувство такта. Я переживал, что твой отец устроит мне какой-нибудь допрос с пристрастием, а он принял меня очень тепло.

— Я же говорила тебе, Петя, — улыбнулась Мира, сбрасывая туфли. — Папа только с виду кажется суровым. Иди, я подожду тебя здесь.

Когда за дверью ванной зашумела вода, Мира накинула поверх шелкового топа легкий кремовый халатик, завязала пояс и толкнула балконную дверь. Ночной воздух обдал ее лицо влажной прохладой, запахом соли и хвои. Внизу, у под-

ножия скалы, с мерным глухим рокотом разбивались волны, а на горизонте показывались редкие огоньки рыбацких шхун. Мира подошла к кованому парапету, облокотилась на него и глубоко, с наслаждением вдохнула, прикрыв глаза.

В этот же самый миг на соседней террасе, разделенной лишь невысокой декоративной кованой решеткой с плющом, тихо щелкнула зажигалка. В воздухе поплыл терпкий, горьковатый аромат кубинской сигары.

Олег Вересов стоял в расстегнутой на груди темной сорочке и шортах, опершись ладонями о перила и глядя на лунную дорожку на воде. Он вышел подышать, сбегав от щебетавшей в номере Кристины, чтобы побыть наедине со своими мыслями перед завтрашним сумасшедшим днем. Услышав шорох шагов справа, он машинально повернул голову — и замер.

Сигара застыла в его пальцах, не долетев до губ. Дыхание перехватило так резко, будто ему в грудь со всего размаха вогнали дубовый кол. В двух метрах от него, освещенная холодным серебристым светом луны, стояла Мира. Ее темные волосы трепал ночной бриз, тонкие пальцы сжимали ткань кремового халата, а огромные глаза смотрели прямо на него в немом, парализующем ужасе.

Мира оцепенела. Земля под ногами будто провалилась в бездну. Пространство сузилось до одной точки — до этих знакомых до боли, темно-карих, горящих глаз, которые преследовали ее в кошмарах и воспоминаниях больше двух лет.

Перед ней стоял Олег. Живой, настоящий, с той же жесткой складкой у губ и сединой на висках.

«Не может быть... — билась в голове оглушительная мысль Олега. — Это бред. Галлюцинация. Призрак. Мира... Она здесь? На вилле Эрика? Откуда?!»

«Олег... — сердце Миры заколотилось с такой дикой силой, что в ушах зазвенело. — Боже, что он здесь делает? Этого не может происходить наяву... Только не он. Я сплю. Только не здесь...»

Вересов сверял её нынешней образ с тем, что хранил в потаенных уголках своей души: она стала чуточку взрослее, её кожа источала редкое благородство, а в глазах вместо прошлой отчаянной боли светилась уверенная женская зрелость. Но главное — она была здесь! Живая, реальная и находилась на расстоянии нескольких шагов от него!

«Как же она чертовски, невероятно красива... — колотилось в сознании Олега. — Все эти месяцы я лгал себе, думая, что боль утихла... Но мои чувства к ней не просто не остыли. Они горят стократно сильнее прежнего! Это пламя сожжет меня дотла, но я больше никогда не выпущу её из своей жизни! Я прямо сейчас смогу обнять ее, она сама нашла меня!»

Они стояли друг напротив друга в абсолютной, звенящей тишине ночи, разделенные тонкой решеткой и двумя годами невысказанной боли, не в силах пошевелиться или отвести взгляд, пока за их спинами шумела вода в душе и доносились

приглушенные голоса их новых спутников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.